

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

4
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history

5.6.2. World history

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: panov.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
Электронный адрес: panov.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnoovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- S.M. Ravandi-Fadai*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- P. Ruggenthaler*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeyev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.A. Filin*, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler*, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong*, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shtettsel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- V.I. Zhuravleva*, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- С.М. Раванди-Фадаи*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Руггенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.А. Филли*, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- В.И. Журавлева*, доктор исторических наук, профессор, РГГУ
Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ
А.С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история, историография, методология

- Bruno Quadros and Quadros*
Relations between the First Brazilian Republic
and the Russian Empire (1889–1917): two giants with different ideas?
[Отношения Первой Бразильской республики и Российской империи
(1889–1917): два гиганта с разными идеями?] 12
- Александр С. Тихонов*
Политическое взаимодействие России и Германии в Китае
в ходе подавления восстания Ихэтуаней 1900–1901 гг. 36
- Александр А. Турыгин*
«Мы всегда считали, что наш народ способен на великое достижение»:
военные планы пангерманцев в 1914–1918 гг. 47
- Анастасия А. Ломова*
Китайско-индийские отношения в репрезентациях
современных исследователей КНР 59

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

- Zahra Ghiasi*
The influence of US policy on the formation of a common approach
between Iran and Russia to resolve the Syrian crisis
[Влияние политики США на формирование общего подхода
Ирана и России к разрешению сирийского кризиса] 74
- Екатерина В. Голубцова*
Индия в военной пропаганде Пакистана:
формирование образа врага 86
- Владислав С. Севрюк*
Место Китая во внешней политике Британии
в контексте геополитического конструкта Индо-Пацифика 104
- Стефан А. Сайфутдинов*
Бразилия и ее роль в формировании мирового порядка XXI века 117
- Альберт А. Новиков*
Роль Конгресса в формировании иранского вектора
внешней политики США (на примере ядерной сделки) 131

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Ирина Б. Белова

«Горели села и города»: российское беженство
Первой мировой войны в воспоминаниях очевидца 145

Ольга Н. Боровская

Вопрос миграции гражданского населения
в работе Смешанной комиссии по репатриации в 1921–1924 гг. 157

Наталья В. Ростиславлева

Драма пастырского служения в раннем СССР:
опыт микроистории 169

Книжная полка

Искандэр Э. Магадеев

От нормализации к кризису и обратно. Рецензия на книгу:
Сергеев Е.Ю. Обманчивый рассвет: Советский Союз
и Великобритания в 1925–1932 гг. М.: Т-во научных изданий КМК,
2024. 396 с. 181

Кристина Б. Божик

Почему немцам не удалось свергнуть Гитлера?
Рецензия на книгу: *Хавкин Б.Л.* Заговор: Немцы против Гитлера.
СПб.: Нестор-История, 2024. 272 с. 189

Егор В. Аргунов

Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки
в современной американской историографии 197

CONTENTS

International Relations: History, Historiography, Methodology

<i>Bruno Quadros and Quadros</i> Relations between the First Brazilian Republic and the Russian Empire (1889–1917): two giants with different ideas?	12
<i>Aleksandr S. Tikhonov</i> Political interaction between Russia and Germany in China during the suppression of the Yihetuan uprising of 1900–1901	36
<i>Aleksandr A. Turygin</i> “We have always believed that our people are capable of great achievements”: the Pan-Germans’ war plans in 1914–1918	47
<i>Anastasia A. Lomova</i> China-India relations in the representations of contemporary PRC researchers	59
Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation	
<i>Zahra Ghiasi</i> The influence of US policy on the formation of a common approach between Iran and Russia to resolve the Syrian crisis	74
<i>Ekaterina V. Golubtsova</i> India in Pakistan’s military propaganda: formation of the enemy image	86
<i>Vladislav S. Sevriuk</i> China’s place in British foreign policy in the context of the geopolitical construct of the Indo-Pacific	104
<i>Stefan A. Sayfutdinov</i> Brazil and its role in shaping the 21st century world order	117
<i>Albert A. Novikov</i> The role of the U.S. Congress in formulating the Iran nuclear deal	131

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

Irina B. Belova

“Villages and towns were burning”. The ‘Russian displacement’
of the First World War in the reminiscences of an eyewitness 145

Olga N. Borovskaya

The issue of migration of the civilian population in the work
of the Mixed Commission on Repatriation in 1921–1924 157

Natalia V. Rostislavleva

The drama of pastoral ministry in the early USSR.
Experience of microhistory 169

Bookshelf

Iskander E. Magadeev

From normalization to crisis and back again.
Book review: *Sergeev E.Yu. Obmanchivyi rassvet: Sovetskii Soyuz i Velikobritaniya v 1925–1932 gg. [Illusory dawn: Soviet Union and Great Britain in 1925–1932].*
Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2024. 398 p. 181

Kristina B. Bozhik

Why didn't the Germans succeed in overthrowing Hitler?
Book review: *Khavkin B.L. Zagovor: Nemtsy protiv Gitlera [The Plot. The Germans are against Hitler].*
St. Petersburg: Nestor-History, 2024. 272 p. 189

Egor V. Argunov

The atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki
in the contemporary US historiography 197

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 327(81+470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-12-35

Relations between the First Brazilian Republic and the Russian Empire (1889–1917): two giants with different ideas?

Bruno Quadros and Quadros¹
Independent scholar, Brasília, Brazil,
bquadrosequadros@gmail.com

Abstract. This paper is a factual reconstitution of the relationship between the First Brazilian Republic and the Russian Empire (1889–1917), dealing with aspects such as the Russian recognition of the Brazilian Republic (1892), the trade and political relations, cultural and scientific exchange, immigration and the impact of the two 1917 Russian Revolutions on the bilateral relationship. Based on the primary sources (Brazilian diplomatic archives) and the relevant bibliography on the subject, the paper aims to analyze to what extent the ideological factor, expressed by the dynastic solidarity between the Romanovs and the Orléans e Bragança and by the opposition between the monarchical and republican conceptions of government, represented a determining factor for the bilateral relations between Brazil and Russia during the period. Besides, the research seeks to highlight other elements that have played a role (trade, cultural and scientific exchange, and immigration) in the dynamics of the interactions between Rio de Janeiro and St. Petersburg, notwithstanding the geographical distance between them.

Keywords: Brazil-Russia relations, Proclamation of the Republic in Brazil (1889), First Brazilian Republic (1889–1930), “Old Republic” in Brazil, Russian Empire

For citation: Quadros and Quadros, B. (2024), “Relations between the First Brazilian Republic and the Russian Empire (1889–1917): two giants with different ideas?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 12–35, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-12-35

© Quadros and Quadros B., 2024

¹ This work does not reflect the views or opinions of the Brazilian Ministry of External Relations.

Отношения Первой Бразильской республики и Российской империи (1889–1917): два гиганта с разными идеями?

Бруно Квадрос и Квадрос

*Независимый исследователь, Бразилиа, Бразилия,
bquadrosequadros@gmail.com*

Аннотация. Эта статья представляет собой фактическую реконструкцию отношений между Первой Бразильской республикой и Российской империей (1889–1917 гг.), в которой рассматриваются такие аспекты, как признание Россией Бразильской Республики (1892 г.), торговля, политические отношения, культурный и научный обмен, иммиграция и влияние двух русских революций 1917 г. на двусторонние отношения. На основе первоисточников (дипломатических архивов Бразилии) и соответствующей библиографии по теме в статье ставится задача проанализировать, в какой степени идеологический фактор, выраженный в династической солидарности между Романовыми и Орлеанами-Браганса, а также в противостоянии монархических и республиканских концепций правления, представлял собой определяющий фактор для двусторонних отношений между Бразилией и Россией в тот период. Кроме того, исследование стремится выделить другие факторы (такие как торговля, культурный и научный обмен и иммиграция), которые оказали влияние на динамику взаимодействия между Рио-де-Жанейро и Санкт-Петербургом, несмотря на географическое расстояние между ними.

Ключевые слова: российско-бразильские отношения, провозглашение республики в Бразилии (1889 г.), Первая Бразильская республика (1889–1930), «Старая республика» в Бразилии, Российская империя

Для цитирования: *Quadros and Quadros B.* Relations between the First Brazilian Republic and the Russian Empire (1889–1917): two giants with different ideas? [Отношения Первой Бразильской республики и Российской империи (1889–1917): два гиганта с разными идеями?] // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 12–35. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-12-35

Introduction

Background. Russia recognized Brazil as independent in 1827, and the two countries established diplomatic relations the following year. According to Paulo Vizentini, relations between the two empires were based above all on the dynastic dimension, given the low value of trade and mutual strategic interests [Zhebit 2009, pp. 68–69].

Relations between Brazil's First Republic and the Russian Empire were preceded by remarkable events, such as Baron de Langsdorff's scientific expedition to Brazil in the 1820s, which covered more than 16 000 kilometers in the Brazilian interior and collected thousands of specimens of tropical fauna².

The attempts by the Russian representative in Brazil, Franz Borel, to deepen bilateral trade served as inspiration for the signing of the 1847 agreement on customs franchises, which established reciprocal tariffs and remained in force until 1896 [Zhebit 2009, pp. 37–38].

Pedro II's trip to Russia in 1876 was the first visit by a Brazilian head of state to the country and represented an important moment for the rapprochement between the House of Romanov and the House of Orléans and Bragança and for increasing mutual knowledge between the two societies.

Finally, Brazil's participation in the St. Petersburg International Exhibition (1884), which was attended by the future Baron of Rio Branco, was fundamental in spreading the consumption of coffee in Russia and increasing the interest of Russian society in Brazil³.

Methodology

The article was based on primary sources, such as the *diplomatic archive of the recognition of the Republic* and the annual reports of the Brazilian Ministry of External Relations, which were fundamental to the study of issues such as Russian recognition of the Brazilian Republic and the Brazilian-Russian convergence at the Second Hague Peace Conference (1907).

Although the bibliography on the subject is scarce, it was useful in preparing the sections on trade and immigration, in particular the works by Komissarov⁴ and Zhebit [Zhebit 2009].

The research problem was to analyze the extent to which the ideological factor, expressed in elements such as dynastic solidarity between the House of Romanov and the deposed House of Orléans and Bragança

² Degtiareva M. Acervo revela história das relações diplomáticas entre Rússia e Brasil // Gazeta Russa. 2012. 13 Nov. URL: https://br.rbth.com/articles/2012/11/13/acervo_revela_historia_das_relacoes_diplomaticas_entre_russia_e_bras_16413 (Accessed 22 May 2024).

³ Ibid.

⁴ Разговор с Борисом Комиссаровым: Страны-миры, которые обязаны сотрудничать. URL: <https://web.archive.org/web/20211026085439/http://ecsocman.hse.ru/data/524/189/1217/5.pdf> (Accessed 22 May 2024).

and the opposition between the republican and monarchical conceptions of government, represented a conditioning factor for the course of bilateral relations in the period.

Thus, the objectives of this work are:

- a) to carry out a systematic factual reconstruction of Brazilian-Russian relations between 1889 and 1917;
- b) to analyze the impact of the ideological factor on bilateral interactions; and
- c) to establish a global understanding of the elements that conditioned the relationship between the First Brazilian Republic and the Russian Empire.

Literature review. The literature on the subject is scarce. Flávio Castro [Castro 1993, pp. 111–112] refers to the “hibernal relationship” between Brazil and Russia in the period between 1892 and 1917, due to the lack of any relevant facts in bilateral relations.

Boris Komissarov, one of the leading experts on Russian-Brazilian relations during the 19th century, characterizes the interactions between Rio de Janeiro and St. Petersburg as “cold” until 1893 [Zhebit 2009, p. 14], perhaps due to the Russian delay in recognizing the republican regime in Brazil.

Komissarov⁵ also points out that the fact that Brazil and Russia belong to different systems of states – Brazil, to the inter-American system; Russia, between Europe and Asia – has caused the two countries to move in different orbits, hindering the deepening of bilateral relations.

However, other authors with recognized works on the study of Brazilian-Russian relations, such as Lytton Guimarães [Guimarães 2000] and Graciela Zubelzú de Bacigalupo [Bacigalupo 2000], don't even address the interactions between the First Brazilian Republic and the Russian Empire in the part of their work dedicated to the history of bilateral relations. Barbara Jelavich [Jelavich 1974], author of one of the most highly regarded manuals on the history of the Russian Empire's foreign policy, doesn't even mention Brazil or Latin America in her work.

Russia's recognition of the republic (1889–1892)

The Proclamation of the Republic and unofficial relations (1889). On November 18, 1889, three days after the Proclamation of the Republic, Brazilian Chancellor Quintino Bocaiúva sent a communication to the

⁵ Ibid.

Russian Legation in Rio de Janeiro, informing them of the recent political change in Brazil and the establishment of a Provisional Government in the country⁶.

At the beginning of December, the Chargé d'Affaires of the Russian Legation in Brazil, P. Bogdanov, acknowledged receipt of the communication addressed to him by Quintino Bocaiúva; in the same period, Bocaiúva sent correspondence to the head of the Brazilian Legation in Russia, A.S. Teixeira de Macedo, informing him that Bogdanov was authorized by the Russian government to unofficially continue relations with Brazil⁷.

At the beginning of December 1889, Teixeira de Macedo delivered to the Russian Under-Secretary for Foreign Affairs (in the absence of Chancellor Nikolai Girs) a note sent by Chancellor Bocaiúva to the Russian government. In an audience with Chancellor Girs, Teixeira de Macedo was informed of the Russian government's willingness to maintain unofficial relations with Brazil⁸.

Russian resistance to recognizing the Republic (1889–1890). In a communication dated December 21, 1889, Teixeira de Macedo reported on the response he had received from Minister Girs, after his audience with the Tsar. Girs revealed that he would leave the Brazilian note requesting recognition of government unanswered until he observed the conduct of other governments, and that Russia would certainly not be one of the first states to recognize the new order of things in Brazil⁹.

On that occasion, Girs revealed to Teixeira de Macedo that:

...my <Teixeira de Macedo's> presence here would soon embarrass the government, as the summons to the reception [held on January 1st, at which the embassies and legations of friendly countries present themselves to the Tsar] is an annual confirmation of the good understanding that exists between the countries that cultivate friendly relations with Russia¹⁰.

The imbroglio involved St. Petersburg considering that inviting the Brazilian representative to the reception would imply formal recognition of the new Brazilian government. Teixeira de Macedo summed up what was at stake:

⁶ *Brancato S.M.L.* Arquivo diplomático do reconhecimento da República. Brasília: Ministério das Relações Exteriores. 1993. Vol. 2. P. 206.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.* P. 206–207.

⁹ *Ibid.* P. 207–208.

¹⁰ *Ibid.* P. 208.

To exclude Brazil from this ceremony is not to consider it among the nations that are friends of Russia; to invite its unofficial representative is to treat it in its official capacity, which implies the formal recognition of its government¹¹.

Faced with this impasse, Teixeira de Macedo asked Bocaiúva to remove him or authorize his absence from the post, as "...the solution that would best undo what should not be made apparent, the exclusion of my country from among the number of recognized states"¹².

In a communication dated January 11, 1890, Teixeira de Macedo reported that his illness was convenient and served as a justification for the letter he wrote to Chancellor Girs, asking him to apologize to the Tsar for not being able to attend the ceremony on January 1st, 1890. Thanks to this maneuver, which covered up the real reason for Brazil's absence from the ceremony, "...the respective official sensitivities will be saved for the time being"¹³.

In this correspondence, an analysis of what was behind Russia's non-recognition of the new Brazilian government emerged for the first time. In the words of Teixeira de Macedo:

*The government of the Republic must realize that Russia's sympathy for Brazil was based solely on our old monarchical institutions, which it believed to be as solid as its own. Once these have disappeared, we have entered, for the Tsar, the list of nations whose friendship is based not on peace but on armistice, with mutual relations replacing sympathy with more or less apparent disdain, depending on the interests at stake (emphasis added)*¹⁴.

In correspondence dated January 27, 1890, Teixeira de Macedo reported that, for reasons of political expediency – that is, the need to maintain appearances to cover up Russia's non-recognition of the new Brazilian government – he had been forced to prolong his illness as a justification for not attending the great religious festival of the blessing of the waters (held on January 6) and the great ball at the Court (held on January 14). Macedo insisted on the inconvenience of prolonging his position, asking the Ministry to grant him leave due to ill health¹⁵:

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. P. 208–209.

¹³ Ibid. P. 209.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. P. 211–212.

In these circumstances, however, since we have no major interests here, why maintain an idle and currently embarrassing Legation? For my part, every day it becomes more urgent to leave this climate that is eating away at my health and sapping my strength¹⁶.

On January 30, 1890, the Viscount of Cabo Frio, in his capacity as Acting Minister of Foreign Affairs – since Quintino Bocaiúva was on a special mission to the River Plate to negotiate the Treaty of Montevideo on the Question of Palmas – responded to Teixeira de Macedo's request. Cabo Frio believed that the explanation given by the representative of the Brazilian Legation in Russia would not be enough to persuade Chancellor Bocaiúva to change what he had decided, i. e. that Macedo should remain in Russia, continuing relations unofficially. Cabo Frio stated that he did not consider himself authorized to decide otherwise¹⁷.

In a letter dated August 12, 1890, Teixeira de Macedo – who was already in Brazil – explained the acts of courtesy (mainly farewell visits) that he had to perform as a result of his departure from Russia. Two days after requesting an audience with the Tsar from Chancellor Girs, Teixeira de Macedo met the Russian Emperor at the Gatchina residence, with all the pomp of Russian ceremonial. The Brazilian representative was questioned extensively by Alexander III about Brazil's internal situation and noted "...in all the language and assessments of H.M. <the Tsar> a choice of attentive expressions that could never hurt either the present or the past political situation of our country"¹⁸.

In the same letter, Teixeira de Macedo reported that he had also paid farewell visits to other members of the Russian imperial family, the diplomatic corps accredited in St. Petersburg and the country's official high society¹⁹.

Two days after the audience with the Tsar, Teixeira de Macedo received from Chancellor Girs the insignia of the Grand Cross First Class of the Order of St. Stanislaus, a commendation that the Tsar used to give to foreign representatives who distinguished themselves in the fulfillment of their missions²⁰.

Russia's recognition of the Republic (1892). Almost two years after Teixeira de Macedo left Russia, Serzedello Corrêa, the new Brazilian

¹⁶ Ibid. P. 210.

¹⁷ Ibid. P. 212–213.

¹⁸ Ibid. P. 213–214.

¹⁹ Ibid. P. 214.

²⁰ Ibid.

Chancellor, in a letter dated April 22, 1892, reported to Chancellor Girs on recent events in Brazil, namely the promulgation of the 1891 Constitution, the election of the President and Vice-President of the Republic, the resignation of Marshal Deodoro da Fonseca and the inauguration of Marshal Floriano Peixoto as President of the Republic²¹.

In the same correspondence, Corrêa informed his Russian counterpart that President Floriano had chosen Francisco Regis de Oliveira as Brazil's Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary in Russia; Corrêa asked Girs that the Tsar accept this choice and thereby recognize the new Brazilian government²².

In correspondence dated June 7, 1892, Girs informed Serzedello Corrêa that the Tsar had agreed to the appointment of Francisco Regis de Oliveira to the post of Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of Brazil in Russia²³. This is considered to be the milestone in the Russian Empire's recognition of the government of the Republic of the United States of Brazil.

In a letter dated August 8, 1892, Francisco Regis de Oliveira, the new head of the Brazilian Legation in Russia, informed Chancellor Custódio de Mello about the meeting to hand over credentials to the Tsar, held on August 7 at Peterhof Palace. According to Oliveira, “<t>he Emperor's haste in receiving me three days after I had asked him for an audience shows the pleasure with which he saw the resumption of official relations between Brazil and Russia”²⁴.

At the meeting with the Tsar, the Brazilian representative expressed “...his satisfaction at seeing the resumption of relations between Brazil and Russia, which had been temporarily interrupted by the peaceful change of our institutions”. The Tsar said that “he was surprised that our <Brazilian> government had not given him the opportunity to recognize it earlier” and replied to Regis de Oliveira “...with great affability, returning the same expressions and telling me that the delay in recognizing the Republic was not due to him, since he had only recently received official notification of its legal institution”²⁵.

This revelation by Alexander III gives rise to tentative explanations for Russia's late recognition of the republican regime in Brazil. Although the ideological factor had an influence on St. Petersburg's resistance to recognizing the new Brazilian government in the months immediately following the Proclamation of the Republic, as is attested to in Teixeira

²¹ Ibid. P. 215–216.

²² Ibid.

²³ Ibid. P. 215.

²⁴ Ibid. P. 217–218.

²⁵ Ibid.

de Macedo's correspondence to Itamaraty of January 11, 1890, other factors had an influence on Russian non-recognition over time.

It is possible that the Russians waited for the death of Pedro II in 1891 and the exhaustion of any possibility of monarchical restoration before recognizing the Republic [Zhebit, 2009, p. 38]. Brazil's delay in appointing a successor to Teixeira de Macedo, who left Russia in mid-1890, may have meant one less incentive for the Russian government to recognize the Republic.

Finally, the Tsar's argument that it had only recently received official notification of the "legal institution" of the republican regime provides evidence that the Russian government was awaiting the constitutionalization of the Provisional Government – described in Serzedello Corrêa's letter to De Geers, dated 22 April 1892 – before recognizing it. Consequently, this indicates the possibility that the Russian government ignored the communication of November 18, 1889 from Quintino Bocaiúva to the Russian Legation in Rio de Janeiro, informing of the Proclamation of the Republic, as the manifestation of a legitimate government, which can be attributed to the Russian emphasis on the legitimacy of dynastic houses and the political instability and succession of military coups that characterized Latin America at that time.

In the same correspondence of August 8, 1892, Regis de Oliveira highlighted the Tsar's courtesy in not once mentioning Brazil's former monarchical regime, nor the circumstances that led to the Proclamation of the Republic. The Tsar ended the meeting "...by wishing Brazil to continue in peace and tranquillity so that it can continue its progressive march"²⁶.

The appointment of the Russian representative in Brazil (1892–1893). Once the Republic was recognized by Russia and contact was established between Regis de Oliveira and the Tsar, the question of the appointment of the Russian representative in Brazil remained unresolved. On August 6, 1892, P. Bodganov sent a note to the Brazilian Chancellor, Custódio de Mello, informing him of his return to Rio de Janeiro and his resumption of his duties as Russian Chargé d'Affaires in Brazil²⁷.

It remained to be seen, however, who Russia would appoint as its permanent representative as Minister to Brazil. In correspondence dated September 5, 1892, Francisco Regis de Oliveira reported to Chancellor Custódio de Mello that, in a conference with Mr. Chichkin (deputy to the Russian Foreign Minister), the holder of the post in Brazil was

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. P. 219.

Alexander Ionin, who, being on regular leave for health reasons, could only return to Brazil after January 1893²⁸.

Chichkin added that Russia regretted not being able to reciprocate Brazil's courtesy by sending its representative at the same time as Brazil had sent its own to Russia, which was due to the impossibility of fulfilling this duty of reciprocity before Ionin's return. Chichkin confirmed the appointment of Bodganov, secretary of the Legation, as Russia's Chargé d'Affaires to Brazil²⁹.

Trade

Main products exported. Brazil predominantly exported coffee to Russia³⁰, thanks to the popularity of the rubiaceae on the Russian market after the St. Petersburg International Exhibition (1884), in which the future Baron of Rio Branco played a leading role³¹.

Obstacles

The tepid bilateral trade was hampered by the absence of a merchant navy in both countries, which meant that trade had to be carried out by chartering vessels from British and Dutch companies³².

In addition to the geographical distance, another difficulty was Brazil's economic dependence on the United Kingdom, which was not interested in establishing direct trade relations between Rio de Janeiro and St. Petersburg³³.

Attempts to increase trade. The beginning of Brazilian-Russian trade relations in the context of the First Republic was marked by gestures by Russian Finance Minister Ivan Vyshnegradsky to increase trade relations – with the aim of guaranteeing most-favored-nation rights for Russian exports to Brazil – and consular relations in 1891 and 1892 [Zhebit 2009, p. 14]³⁴.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

³⁰ There are no consolidated statistics on the value of foreign trade between Brazil and Russia between 1889 and 1917.

³¹ *Degtiareva M.* Op. cit.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ Разговор с Борисом Комиссаровым... С. 7–8.

In 1896, the Brazilian government established a new customs policy and denounced the agreement on customs franchises in bilateral trade with Russia, which had been signed in 1847 [Zhebit 2009, pp. 37–38].

Vyshnegradsky's efforts in the early 1890s to increase trade and consular relations between Russia and Brazil were followed by unsuccessful attempts by Sergei Vitte, the Russian Finance Minister, in 1901 to negotiate a trade agreement with Brazil [Zhebit 2009, p. 14]³⁵.

In 1909, the Brazilian Chancellor Barão do Rio Branco proposed to the Russian representative in Brazil, Piotr Maksimov, that a bilateral trade agreement and a bilateral economic cooperation agreement be signed [Zhebit 2009, p. 44].

The period between 1910 and 1916 was marked by the efforts of the Russian envoy to Brazil, Piotr Maksimov, to expand bilateral trade relations. According to Boris Komissarov, these efforts were inspired by the work of Franz Borel, the first Russian representative to independent Brazil, who tried to sign bilateral trade agreements that would establish direct trade between the two countries, eliminating intermediaries [Zhebit 2009, p. 14].

In February 1911, the Russian Council of Ministers approved a report drawn up by Maksimov highlighting the political importance of Russia's rapprochement with the countries of South America. The report proposed the following measures for deepening bilateral trade relations:

- a) the organization of direct shipping lines between the two countries;
- b) sending experts to South America in the fields of trade and industry;
- c) the establishment of new consulates [Zhebit 2009, p. 14]³⁶.

There was a significant expansion of the consular network in both countries in the first two decades of the 20th century. Brazil set up consulates in Warsaw (1914), Abo, Libava, Nikolaev and Rostov-on-the-Don, while Russia opened representations in São Paulo and Belo Horizonte, in order to cater for the growing Russian immigration to Brazil [Zhebit 2009, p. 40]³⁷.

In 1916 Alexander Scherbatsky, the Russian representative in Brazil, sent correspondence to the Russian Ministry of Foreign Affairs, informing them of the need to establish direct maritime communica-

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Relatório apresentado ao Presidente da República dos Estados Unidos do Brasil pelo Ministro de Estado das Relações Exteriores compreendendo o periodo decorrido de 18 de Maio de 1913 a 3 de Maio de 1914. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 1914. P. 288.

tion between Russia and Brazil, to open branches of Russian banks and notaries for commerce in the country, to deepen assistance to Russian immigrants and to organize industrial and agricultural exhibitions in Brazil [Zhebit 2009, p. 40].

The direct shipping line issue. An attempt to establish a direct shipping line between the two countries was made in 1912, which was justified by the increase in the flow of Russian migrants to Brazil – the opening of a direct shipping line between Rio de Janeiro and Odessa was considered [Zhebit, 2009, p. 40].

Political relations

Early years (1892–1898). First of all, it should be noted that Brazil was the only Latin American country with which Russia maintained regular diplomatic relations until the beginning of the 20th century [Zhebit, 2009, pp. 68–69]. Indeed, Boris Komissarov points out that Russian contacts with Latin America were made through Rio de Janeiro, since the Russian Legation in the Brazilian capital was cumulative in neighboring countries: Argentina (1885), Uruguay (1887), Paraguay (1908) and Chile (1911)³⁸.

After the recognition of the Brazilian Republic by the Russian Empire (1892), bilateral relations went through a period of improvement, as evidenced by a statement made by Brazilian President Prudente de Morais in 1895, regarding the benefits Brazil had contracted due to “...Russia’s policy of extreme caution and non-intervention”. This statement referred to the fact that Saint Petersburg had not sent any of its navy ships to Rio de Janeiro during the revolts that destabilized the first years of the Republic, unlike other powers [Zhebit 2009, p. 38].

The case of the Russian ship *Hera*, which, on October 31, 1893, suffered damage when it was near Guanabara Bay, caused by the Brazilian cruiser *Iris*, inspired a Russian complaint to the Brazilian government. The damage, valued at 5,150\$000, was compensated to Russia in the two-year period 1894–1895³⁹.

³⁸ *Degtiareva M.* Op. cit.

³⁹ Relatório apresentado ao Presidente da República dos Estados Unidos do Brasil pelo Ministro de Estado das Relações Exteriores Carlos Augusto de Carvalho em maio de 1895. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 1895. P. 107; Relatório apresentado ao Presidente da República dos Estados Unidos do Brasil pelo Ministro de Estado das Relações Exteriores Carlos Augusto de Carvalho em 30 de abril de 1896. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 1896. P. 65.

Maintenance problems at the Brazilian Legation in St. Petersburg (1897–1898). The two-year period 1897–1898 was marked by problems with the financial maintenance of the Brazilian Legation in St. Petersburg. This was due to the fact that the National Congress had not voted on a law providing a budget for the maintenance of the Legation in Russia, which led to the withdrawal of Brazilian diplomatic staff from the Russian capital⁴⁰.

As a palliative measure to prevent the interruption of Brazilian representation to the Russian government, Itamaraty appointed José Augusto Ferreira da Costa, Minister Plenipotentiary to the Holy See, as Brazil's cumulative representative in Russia⁴¹.

In 1898, Congress passed a law providing a budget for the Legation in St. Petersburg. As a result, Henrique Carlos Ribeiro Lisboa was appointed Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary to Russia, replacing Ferreira da Costa⁴².

Russian invitation to the First Hague Peace Conference (1889). In 1898, the Brazilian Legation in St. Petersburg received a circular from the Russian Ministry of Foreign Affairs, dated August 12, 1898, inviting the Brazilian government to take part in the First Hague Peace Conference (1899), convened under the auspices of Tsar Nicholas II⁴³.

The aim of the Conference was to “...seek ways to put an end to the progressive development of current armaments and thus ensure a general and lasting peace”⁴⁴, in a context of heightened imperialist tensions between the powers of Europe.

Brazil responded to the Russian circular in a note dated January 27, 1899, stating that it would not send representatives to the Conference, but would support the resolutions adopted by the delegates⁴⁵. The Bra-

⁴⁰ Relatório apresentado ao Presidente da República dos Estados Unidos do Brasil pelo Ministro de Estado das Relações Exteriores General de Brigada Dionisio E. de Castro Cerqueira em 12 de julho de 1898. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 1898. P. 53.

⁴¹ Ibid.

⁴² Relatório apresentado ao Presidente da República dos Estados Unidos do Brasil pelo Ministro de Estado das Relações Exteriores Dr. Olyntho de Magalhães em 23 de maio de 1899. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 1899. P. 35–36.

⁴³ Ibid. P. 22–23.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Relatório apresentado ao Presidente da República dos Estados Unidos do Brasil pelo Ministro de Estado das Relações Exteriores compreendendo o periodo decorrido de 18 de Maio de 1913 a 3 de Maio de 1914. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 1914. P. 111.

zilian justification was that there was a significant difference in the level of development between the armaments of the great powers of Europe and the armaments that Brazil possessed, as evidenced in the *Annual Report of the Ministry of Foreign Affairs for 1899*:

The subject of the Conference is of interest to all nations, but particularly to those of Europe and there to the great powers that have most developed their armaments. Brazil's armaments are very modest and well below its needs. It [Brazil] could not therefore make the commitment not to increase them and would soon cease to be able to influence with its vote in deliberations that are certainly humanitarian, but are preferably provoked by the immediate conveniences of the politics of the Old World⁴⁶.

In addition to the argument regarding the asymmetry between the armaments of the European powers and those of Brazil, Brazil's refusal to take part in the Conference was due to the adverse macroeconomic situation that Brazil was going through at the turn of the 19th to the 20th century, due to the deleterious consequences of the encilhamento policy of the early 1890s. In 1898, Brazil had signed the first *funding loan* (consolidation loan) with the creditor banks, which provided for a monetary stabilization policy characterized by severe cuts in government spending [Franco 1990, pp. 26–28]. In this way, non-participation in the 1899 Hague Conference should also be understood as an effort by the Brazilian government to contain spending.

Second Hague Peace Conference (1907). The Second Hague Peace Conference (1907), however, was marked by a convergence of positions between Brazil and Russia. The Baron of Rio Branco had instructed Rui Barbosa, the Brazilian delegate to The Hague, to support the Russian position on the stationing in neutral waters of the ships of the countries participating in the war. Russian delegate Alexander Nelidov, for his part, supported the Brazilian thesis of the sovereign equality of states. Russia was the only European country to support Brazil's position in The Hague, which is due, to a certain extent, to the weakening of the Russian position as a result of the military defeat suffered by the country in the Russo-Japanese War (1904–1905) [Zhebit 2009, pp. 43–44].

The Brazilian-Russian convergence in The Hague made a positive impression on both countries' authorities. Russian Chancellor Ale-

⁴⁶ Relatório apresentado ao Presidente da República dos Estados Unidos do Brasil pelo Ministro de Estado das Relações Exteriores Dr. Olyntho de Magalhães em 23 de maio de 1899. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 1899. P. 22–23.

xander Izvolsky said that Rio Branco “has always been sincerely and efficiently in favor of Russia”. The Brazilian Chancellor, for his part, personally thanked Russia for its support for Brazil’s positions at the Conference. In recognition of Brazil’s constructive activity at the Conference, Baron Rio Branco was awarded the Grand Cross of the White Eagle by the Russian government [Zhebit 2009, pp. 43–44].

Arbitration Convention (1910). Mavrikiy Prosor, Russia’s Minister Plenipotentiary in Rio de Janeiro, sent Russian Chancellor Izvolsky a Brazilian proposal, drawn up by the Baron of Rio Branco, regarding the conclusion of an Arbitration Convention between Brazil and Russia (Zhebit 2009, p. 44).

The Convention was signed in August 1910, ratified by both countries in 1911 and promulgated by the Brazilian government through Decree No. 9.586 on May 22, 1912⁴⁷. This Convention can be considered a result of the process of political convergence between Rio de Janeiro and St. Peterburg that began at the Second Hague Peace Conference.

Death of Piotr Maksimov (1915). Indicative of the Brazilian-Russian political rapprochement was the fact that in 1915 the death of Piotr Maksimov, Russia’s Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary in Brazil since May 1910, was mentioned in the “Death of Notable Persons” section of the *Ministry of Foreign Affairs’ Annual Report for 1915–1916*.

The report describes the tributes paid by the Brazilian government to Maksimov: “<t>he illustrious extinct <Piotr Maksimov> was given the military honors that were his due <in Petrópolis>, and our Minister in Petrograd, according to instructions from the Brazilian Chancellery, presented wishes of condolence to the Government of Russia”⁴⁸.

World War I (1914–1918). World War I (1914–1918) was a milestone in bilateral relations. Firstly, the outbreak of the conflict led to relations being reduced to the purely diplomatic sphere, due to attacks by German submarines on merchant vessels in the Atlantic Ocean.

⁴⁷ Decreto nº 9.586, de 22 de maio de 1912. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional. URL: <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/decret/1910-1919/decreto-9586-22-maio-1912-577818-publicacaooriginal-100749-pe.html> (Accessed 22 May 2024).

⁴⁸ Relatório apresentado ao Presidente da República dos Estados Unidos do Brasil pelo Ministro de Estado das Relações Exteriores compreendendo o período decorrido de 1 de Julho de 1915 a 22 de Junho de 1916. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 1916. P. 6.

The German occupation of parts of Russian territory during the war brought restrictions on Brazilian diplomatic representation in Russia. In 1915, the German government's requirement regarding the *exequatur* of foreign consuls was extended to consuls established in Russian territories occupied by the German Army, which was communicated to the Brazilian government by means of the following telegram from the Brazilian Legation in Berlin, dated October 14, 1915⁴⁹:

Transmits: 188. Octobre 14. Ministre communique nos consuls Russie territoire occupé mêmes conditions France – Belgique. Sign: Teffé. Amaral, Minister. Brésil⁵⁰.

The progressive increase in tensions between Brazil and Germany, resulting from the torpedoing of Brazilian vessels by German submarines, led to closer political ties with Russia. On June 2, 1917, Brazil issued a circular note to foreign governments regarding the revocation of the country's neutrality in favor of the United States; this note was answered by the Russian government, directly to the Brazilian Legation accredited in Petrograd, on June 11 of the same year⁵¹.

The passage of the bill to revoke Brazil's neutrality, which was reported in letters to the Russian government, received praise from Russian Foreign Minister Mikhail Tereshchenko. The news of Brazil's declaration of war on Germany, however, received no Russian response, since it coincided with the Bolshevik seizure of power in November 1917 [Bandeira 2004, pp. 428–429].

Cultural and scientific exchange

Relations between Brazil and Russia have also been marked by occasional cultural and scientific exchange initiatives, through the exchange

⁴⁹ Relatório apresentado ao Presidente da República dos Estados Unidos do Brasil pelo Ministro de Estado das Relações Exteriores compreendendo o período decorrido de 23 de Junho de 1916 a 3 de Maio de 1917. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 1931. P. 115.

⁵⁰ “Transmitted: 188. October 14. – Minister communicates our consuls Russia occupied territory same conditions France – Belgium. Signed: Teffé. Amaral, Minister. Brazil” (author's translation).

⁵¹ Relatório apresentado ao Presidente da República dos Estados Unidos do Brasil pelo Ministro de Estado das Relações Exteriores compreendendo o período decorrido de 1 de Maio de 1917 a 3 de Maio de 1918. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 1920. P. 70.

of books between institutions in both countries and the organization of scientific expeditions.

Publications were exchanged between the National Museum of São Paulo and the Naturalist Society of Saint Petersburg and between the National Library of Rio de Janeiro and the library of the University of Moscow and the public libraries of Saint Petersburg and Odessa (Volskii 1970, p. 14).

A Russian scientific expedition to Brazil in 1914–1915 included the Russian ethnolinguist Heinrich Manizer, who carried out significant studies on the language of the Botocudo Indians [Zhebit 2009, pp. 14–15].

Although it pales in comparison to the great scientific expedition led by Baron de Langsdorff to Brazil in the 1820s, the cultural and scientific exchange between Brazil and Russia in the period between 1889 and 1917 represented the desire of both societies to deepen their knowledge of each other.

Immigration

Introduction. The period between 1889 and 1917 was marked by significant immigration of Russians and other ethnic groups from the Russian Empire (Poles, Ukrainians, Belarusians, Lithuanians and Armenians) to Brazil, motivated, among other factors, by the socio-political upheavals in Russia – such as the First World War and the two Revolutions of 1917 [Clissold 1970, p. 2].

First wave (1906–1917). The immigration of Russians to Brazil is divided into “waves”. The first wave, which covered the period between the arrival of the first immigrants in the country (1906) and the two Russian Revolutions of 1917, was motivated by predominantly religious reasons [Zhebit 2009, pp. 196, 204].

The majority of Russians belonging to this first wave were known as *starovery* (believers in the old creed), a group that was unhappy with the liturgical reforms promoted by the Russian Orthodox Church. Thus, the establishment of the Russian Orthodox Church in Brazil was concomitant with the arrival of the first Russian immigrants [Zhebit 2009, pp. 196, 204].

As most of these immigrants were peasants – coming from all regions of the Empire and with extensive experience in growing wheat, rye, barley and sunflowers – the migratory flow headed for the rural regions of southern Brazil, where the immigrants founded the town of Campina das Missões in Rio Grande do Sul in 1909 [Zhebit 2009, pp. 196, 204].

The beginning of the 1910s was marked by the arrival of thousands of immigrants from the Russian Empire in Brazil, especially peasants. Statistics show that 19 525 Russian immigrants had legally entered Rio Grande do Sul by 1912 [Zhebit 2009, pp. 40, 204].

Second wave (1917–1923). The second wave of Russian immigration to Brazil, which began with the 1917 Revolutions and intensified with the Russian Civil War (1917–1923), had a markedly political connotation, since a significant proportion of the immigrants were representatives of various social and professional groups who were unhappy with Bolshevism or refugees who had been displaced as a result of the conflicts in Russia [Zhebit 2009, pp. 197, 204–205].

As a considerable part of this contingent had a high level of professional training, second-wave immigration was mainly destined for large urban centers, where immigrants obtained jobs in liberal professions, such as engineers, scientists and teachers [Zhebit 2009, pp. 197, 204–205].

The revolutions in Russia (1917)

The dramatic events of 1917 (the overthrow of the tsarist regime and the two Russian Revolutions) would eventually culminate in the severing of diplomatic relations between Brazil and Bolshevik Russia.

Recognition of the Provisional Government. On April 9, 1917, Brazil recognized the Provisional Government of Alexander Kerensky, formed after the deposition of Tsar Nicholas II. On that day, Brazilian Chancellor Lauro Müller sent a telegram addressed to the President of the Provisional Government of Russia in the following terms:

I am very pleased to recognize the provisional government of Russia, assuring Your Excellency that I will do my utmost to help maintain the most cordial relations of friendship with that government and the Russian people [Bandeira 2004, pp. 427–428].

Although the Brazilian government received assurances that the new Russian government had popular support [Barreto Filho 2001, pp. 44], the *Annual Report of the Ministry of Foreign Affairs for 1916–1917* showed that prior recognition by the major powers was the real motivation for the Brazilian government to recognize the Kerensky regime:

Recently, a popular revolution took place in Russia, resulting in the abdication of the Tzar and the fall of the Romanoff dynasty.

The supreme power of the nation was in fact in the hands of the National Assembly or Duma, which organized a provisional government.

Since this de facto government was immediately recognized by the Entente powers – Great Britain, France and Italy – and soon after by Japan, the United States of America and China, the Brazilian government had no hesitation in recognizing it as well – which happened on April 9th.

The Russian nation will be consulted and will have the opportunity to pronounce itself on the definitive form of government that will direct its destinies (emphasis added)⁵².

The non-recognition of the Bolshevik regime. The news of the Bolsheviks' rise to power in November 1917, replacing Kerensky's Provisional Government, went largely unnoticed by official circles in Brazil. Moniz Bandeira [Bandeira 2004, pp. 425] attributes this to communication difficulties, since the telegraphs in Petrograd were occupied by the Red Guards, and to the supposed lack of sensitivity of the Brazilian authorities to the true significance of the event.

Brazil's non-recognition was justified at the time by the instability and uncertainty that followed the Bolshevik seizure of power:

The situation in Russia is very difficult. Its Provisional Government, which had been recognized by the Great Allied Powers, Brazil and other countries, was overthrown by a popular movement. The new government that succeeded it has been going through a very difficult period, with the internal order profoundly altered and successive movements to divide the national territory.

The latest events of the war, which took place on the Russian-German border, have made this situation even more serious.

Russia, of course, is going through a very serious national and international crisis, the consequences of which, for the time being, cannot be foreseen. For this very reason, the Allied governments have refused to recognize the acts and facts arising from the current situation of the great Slavic nation⁵³.

⁵² Relatório apresentado ao Presidente da República dos Estados Unidos do Brasil pelo Ministro de Estado das Relações Exteriores compreendendo o periodo decorrido de 23 de Junho de 1916 a 3 de Maio de 1917. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 1931. P. 99.

⁵³ Relatório apresentado ao Presidente da República dos Estados Unidos do Brasil pelo Ministro de Estado das Relações Exteriores compreendendo o periodo decorrido de 1 de Maio de 1917 a 3 de Maio de 1918. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 1920. P. 142.

Although the Brazilian claim that political instability made it impossible to recognize the new Russian government was valid for the period immediately after the October Revolution, the persistence of non-recognition in the following years can only be justified by the opposition of segments of Brazilian society to maintaining relations with a socialist and revolutionary state like Soviet Russia and, later, the Soviet Union⁵⁴.

The Bolshevik government then sent a telegram to Russian diplomatic representations abroad, ordering the dismissal of all diplomats who refused to implement the new regime's foreign policy. As a result of this directive, Alexander Scherbatsky, Russia's Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary in Brazil, was dismissed [Zhebit 2009, pp. 44–45].

Representation of Brazilian interests in Russia by Norway. In 1918, Gustavo Vianna Kelsch, Brazil's Chargé d'Affaires in Russia, sent an encrypted telegram suggesting the possibility of leaving the country and handing over the defense of Brazilian interests to Norway's diplomatic representation in Petrograd:

Isolated land maximalist lines [Bolsheviks] and no land maritime communications June point Most allied representatives already absent others leave point If impossible next return count on going Odessa point I also follow England to receive orders point Our interests post Norway [Bandeira 2004, pp. 431].

As a result of Vianna Kelsch's departure from the city of Petrograd in 1918 – justified by Itamaraty on the grounds of the “recent invasion of German forces in that country” – Brazilian interests in Russia began to be defended by the Legation of the Kingdom of Norway located in the Russian capital⁵⁵.

Closure of the Russian Legation in Rio de Janeiro (1920). The Russian Legation in Rio de Janeiro, commanded by elements linked to the Provisional Government that had been deposed by the Bolsheviks, depended financially on the Brazilian government's national defense

⁵⁴ On the reaction of Brazilian society to the October Revolution, see [Bandeira 2004].

⁵⁵ Relatório apresentado ao Presidente da República dos Estados Unidos do Brasil pelo Ministro de Estado das Relações Exteriores compreendendo o período decorrido de 1 de Maio de 1917 a 3 de Maio de 1918. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 1920. P. 142–143.

credits, with President Nilo Peçanha agreeing to grant two loans to the Russian representation in 1918 and 1919, for a total of 45 млн <рейс> [Bandeira 2004, pp. 427].

Due to the unfeasibility of its operation, the Legation was closed in December 1920. As a result, the Russian Chargé d’Affaires in Brazil, Georgi Brandt, handed over eleven volumes of the Russian Legation’s archives to Itamaraty [Bandeira 2004, p. 433].

Diplomatic relations between Brazil and the Soviet Union were only established almost thirty years later, in April 1945, in the context of the two countries’ joint participation in the Allied camp in World War II⁵⁶.

Conclusion

An analysis of the documents and bibliography relating to relations between the First Brazilian Republic and the Russian Empire (1889–1917) shows that bilateral contacts covered a surprising variety of topics, unusual for two geographically distant states that suffered from the communication difficulties that characterized diplomacy at the end of the 19th century and the beginning of the 20th century.

Contrary to the characterization made by Flávio Castro [Castro 1993, pp. 111–112], Brazilian-Russian relations in the period between 1892 and 1917 were characterized as “hibernal”, due to the supposed lack of any relevant facts in bilateral interactions, the primary sources show that there were official gestures by the two governments on a series of important issues, such as the expansion of trade, the establishment of a direct maritime route between the two countries, bilateral political consultation (through the signing of the Arbitration Convention of 1910) and assistance to Russian immigrants in Brazil.

The ideological factor – in other words, the opposition between the republican and monarchist conceptions of government – did not represent a significant restriction on the course of Brazilian-Russian relations in the period. Within the dichotomy between ideology and pragmatism in the formulation of a country’s foreign policy, the documentation shows that ideological considerations only had an influence on the Russian delay in recognizing the Brazilian republican government, while pragmatism prevailed in situations such as bilateral politi-

⁵⁶ For an in-depth approach to unofficial relations between Brazil and the Soviet Union in the period between 1917 and 1947, especially the relationship between the Brazilian Communist Party (PCB) and the Communist Party of the Soviet Union (CPSU), see [Hilton 1991].

cal convergence at the Second Hague Peace Conference – examples of which include Russian support for the Brazilian thesis of the sovereign equality of states and Brazilian support for the Russian position on the stationing in neutral waters of ships from countries participating in the war – and attempts to establish a direct shipping line between the two countries.

The pragmatism of the bilateral relationship also manifested itself in the Russian conception of Brazil as St. Petersburg's "gateway" to Latin America, which is evidenced by the fact that the Russian Legation in Rio de Janeiro cumulatively took over Russia's diplomatic relations with other Southern Cone countries, such as Argentina, Uruguay, Paraguay and Chile, during the late 19th and early 20th centuries.

Other factors, besides ideology, influenced relations between the young Brazilian Republic and the Russian Empire. The fact, highlighted by Komissarov⁵⁷, that the two countries were linked to different regional political and economic logics – Brazil, politically linked to the inter-American system and economically dependent on the United Kingdom and the United States; Russia, linked to the European system inherited from the Congress of Vienna (1815) – represented a restriction on deepening bilateral economic relations, as demonstrated by the failure of attempts to eliminate intermediaries in bilateral trade and to establish a direct shipping line between Rio de Janeiro and Odessa.

Литература

- Bacigalupo 2000 – *Bacigalupo G.Z., de.* As relações russo-brasileiras no pós-Guerra Fria // Revista Brasileira de política internacional. Vol. 43. No. 2. P. 59–86.
- Bandeira 2004 – *Bandeira L.A.M.* O ano vermelho: a Revolução Russa e seus reflexos no Brasil. São Paulo: Expressão popular, 2004. 378 p.
- Barreto Filho 2001 – *Barreto Filho, M., de.* Os Sucessores do Barão: 1912–1964: Relações Exteriores do Brasil. São Paulo: Paz e Terra, 2001. 519 p.
- Castro 1993 – *Castro F.M.O., de.* As relações oficiais russo-soviéticas com o Brasil (1808–1961) // Revista Brasileira de política internacional. 1993. Vol. 36. No. 2. P. 101–118.
- Clissold 1970 – Soviet relations with Latin America, 1918–1968: A documentary survey / ed. by S. Clissold. L.: Oxford University Press, 1970. 313 p.
- Franco 1990 – *Franco G.* A primeira década republicana // A ordem do progresso: cem anos de política econômica republicana, 1889–1989 / Org. M.P. Abreu, de. Rio de Janeiro: Campus, 1990. P. 11–30.

⁵⁷ Разговор с Борисом Комиссаровым...

- Guimarães 2000 – *Guimarães L.L.* Brasil – URSS: os processos de mudança e as relações bilaterais // *Sessenta anos de política externa brasileira (1930–1990): O desafio geoestratégico.* São Paulo: Nupri/USP, 2000. P. 424.
- Hilton 1991 – *Hilton S.* Brazil and the Soviet challenge, 1917–1947. Austin: University of Texas Press, 1991. 287 p.
- Jelavich 1974 – *Jelavich B.* St. Petersburg and Moscow: tsarist and Soviet foreign policy, 1814–1974. Bloomington: Indiana University Press, 1974. 480 p.
- Volskii 1970 – *Volskii V.V.* The study of Latin America in the USSR // *Soviet image of contemporary Latin America: A documentary history, 1960–1968.* Austin: University of Texas Press, 1970. P. 13–23.
- Zhebit 2009 – *Brasil–Rússia: história, política e cultura / Org. A. Zhebit.* Rio de Janeiro: Gramma, 2009. 214 p.

References

- Bacigalupo, G.Z., de (2000), “*As relações russo-brasileiras no pós-Guerra Fria*”, *Revista Brasileira de política internacional*, vol. 43, no. 2, pp. 59–86.
- Bandeira, L.A.M. (2004), *O ano vermelho: a Revolução Russa e seus reflexos no Brasil*, Expressão Popular, São Paulo, Brazil.
- Barreto Filho, F.M., de (2001), *Os Sucessores do Barão: 1912–1964: Relações Exteriores do Brasil*, Paz e Terra, São Paulo, Brazil.
- Castro, F.M.O., de (1993), “*As relações oficiais russo-soviéticas com o Brasil (1808–1961)*”, *Revista Brasileira de Política Internacional*, vol. 36, no. 2, pp. 101–118.
- Clissold, S., ed. (1970), *Soviet relations with Latin America, 1918–1968: A documentary survey*, Oxford University Press, London, UK.
- Franco, G. (1990), “*A primeira década republicana*”, in *A ordem do progresso: cem anos de política econômica republicana, 1889–1989*, Campus, Rio de Janeiro, Brazil, pp. 11–30.
- Guimarães, L.L. (2000), “*Brasil-URSS: os processos de mudança e as relações bilaterais*”, in *Sessenta anos de política externa brasileira (1930–1990): O desafio geoestratégico*, Nupri/USP, São Paulo, Brazil, p. 424.
- Hilton, S. (1991), *Brazil and the Soviet challenge, 1917–1947*, University of Texas Press, Austin, USA.
- Jelavich, B. (1974), *St. Petersburg and Moscow: tsarist and Soviet foreign policy, 1814–1974*, Indiana University Press, Bloomington.
- Volskii, V.V. (1970), “*The Study of Latin America in the U.S.S.R.*”, in Oswald J.G. (ed.), *Soviet image of contemporary Latin America: a documentary history, 1960–1968*, University of Texas Press, Austin, pp. 13–23.
- Zhebit, A., org. (2009), *Brasil–Rússia: história, política e cultura*, Gramma, Rio de Janeiro, Brazil.

Информация об авторе

Бруно Квадрос и Квадрос, магистр международных отношений, Министерство иностранных дел Бразилии, (Дворец Итамарати), Эспланада-дос-Министериос, Блок Н, Бразилиа/DF, Бразилия, CEP 70.170-900; bquadrosequadros@gmail.com

Information about the author

Bruno Quadros and Quadros, MA in International Relations, Brazilian Ministry of External Relations (Itamaraty), Palácio Itamaraty – Esplanada dos Ministérios – Bloco H – Brasília/DF – Brazil – CEP 70.170-900; bquadrosequadros@gmail.com

УДК 327.8(470+430)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-36-46

Политическое взаимодействие
России и Германии в Китае
в ходе подавления восстания Ихэтуаней
1900–1901 гг.

Александр С. Тихонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sashati99@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются русско-германские отношения в период активных боевых действий (с июня по октябрь 1900 г.) в ходе подавления восстания Ихэтуаней 1900–1901 гг. Анализируется характер взаимодействия России и Германии на Дальнем Востоке, выделяются актуальные проблемы двухстороннего диалога, а также прослеживаются неразрешенные противоречия между государствами, приведшие к политической неопределенности в двухсторонних отношениях. Источниковую базу исследования составляют документы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Автор приходит к выводу, что декларируемое русско-германское партнерство на деле представляло собой прагматичное сотрудничество, основанное на кратковременном пересечении интересов двух государств.

Ключевые слова: Германская империя, Российская империя, русско-германские отношения, восстание Ихэтуаней, Дальний Восток

Для цитирования: Тихонов А.С. Политическое взаимодействие России и Германии в Китае в ходе подавления восстания Ихэтуаней 1900–1901 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 36–46. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-36-46

Political interaction between Russia and Germany in China during the suppression of the Yihetuan uprising of 1900–1901

Aleksandr S. Tikhonov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sashati99@mail.ru*

Abstract. The article examines the Russian–German relations at the time of active hostilities (from June to October 1900) during the Yihetuan uprising of 1900–1901. The nature of the interaction between Russia and Germany in the Far East is analyzed, the current problems of the bilateral dialogue are highlighted, and the unresolved contradictions between the states are traced, which have led to a political uncertainty in the bilateral relations. The source base for the study consists of the documents from the State Archives of the Russian Federation (GA RF), the Russian State Archives of the Navy (RGA Navy) and the Archives of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI). The author comes to the conclusion that the declared Russian-German partnership was in fact a pragmatic cooperation based on a short-term intersection of interests of the two states.

Keywords: German Empire, Russian Empire, Russian-German relations, Yihetuan uprising, Far East

For citation: Tikhonov, A.S. (2024), “Political interaction between Russia and Germany in China during the suppression of the Yihetuan uprising of 1900–1901”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 36–46, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-36-46

К концу XIX в. Циньский Китай стал объектом неприкрытой колониальной экспансии европейских держав, а также США и Японии. Причиной этого стало поражение Китая в японо-китайской войне 1894–1895 гг., которое привело к упадку и ослаблению центральной власти Китая и неспособности противостоять притязаниям европейских держав на китайскую территорию. Усилившаяся экономическая экспансия иностранных держав в Китай привела к разделению Китая на сферы влияния между великими державами.

Активное проникновение европейского и американского капитала, захват нескольких китайских портов европейскими державами, а также активная христианизация вызвали недовольство среди китайского населения. Вспыхнувшие в 1899 г. в провинции Шаньдунь беспорядки возглавило общество «Кулак во имя мира и справедливости» («Ихэтуань»), которое вскоре стало основной

ударной силой в борьбе с иностранцами и христианами в Китае [Калюжная 1978, с. 47–54].

Одними из основных действующих лиц в ходе подавления восстания Ихэтуаней стала Российская и Германская империи. Взаимодействие двух держав между собой в период восстания Ихэтуаней в условиях англо-русского и франко-германского противоречий представляет особый интерес как с точки зрения англо-русско-германского соперничества в Китае на рубеже XIX–XX вв., так и с точки зрения его влияния на последующие русско-германские отношения.

Политические и экономические аспекты российской политики на Дальнем Востоке подробно рассмотрены в работах И.В. Лукоянова [Лукоянов 2008] и Д. Схиммельпенника ван дер Ойе [Схиммельпенник 2009]. Значительный интерес представляют исследования англо-германских, русско-германских и германо-китайских взаимоотношений на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв., представленные соответственно в работах Е.Ю. Сергеева [Сергеев 1998], Х. Альтрихтера [Altrichter 1977] и Дж. Шрекера [Schrecker 1971]. Восстание Ихэтуаней подробно рассмотрено в работе Н.М. Калюжной [Калюжная 1978], а участие русских войск в подавлении восстания Ихэтуаней рассмотрено в работе В.Г. Дыцышена [Дыцышен 1999]. И наконец, вопрос изучения проблем международных отношений на Дальнем Востоке затронут в работе И.С. Рыбаченок [Рыбаченок 2012].

Источниковой базой исследования являются материалы фонда № 568 Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), фонда № 417 Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ) и фонда № 167 Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ).

С начала боевых действий российское правительство выступало с миротворческой политикой в отношении Китая, считая необходимым сохранить тесные и дружеские взаимоотношения с китайским правительством. Краеугольным камнем российской политики в отношении Китая являлось сохранение статуса-кво и территориальной целостности Циньского Китая. Эти принципы были сформулированы недавно назначенным на пост министра иностранных дел России графом В.Н. Ламздорфом в циркулярной записке от 14 (27) июня 1900 г. [Рыбаченок 2012, с. 494].

В этом вопросе российское правительство всецело поддерживало Германию. Не желая выходить на первый план в решении китайского вопроса, германское правительство приняло решение придерживаться данных Вильгельмом II в 1897 г. обещаний о поддержке России в дальневосточных делах, о чем и был извещен

русский посол в Берлине граф Н.Д. Остен-Сакен через германского министра иностранных дел Б. фон Бюлова¹.

В соответствии с российской позицией по Китаю, германское командование составило инструкции вице-адмиралу Ф. фон Бендеману, возглавляющему германскую восточноазиатскую эскадру и взявшему на себя функции германского политического представителя на время отсутствия связи с германским посланником в Пекине².

Однако пришедшая новость об убийстве в Пекине германского посланника Клеменса фон Кеттелера существенно повлияла на германскую политику в отношении Китая. Первой реакцией на убийство своего посланника стала речь Вильгельма II 20 июня 1900 г. в Вильгельсхафене во время отправки солдат экспедиционного корпуса³, где Вильгельм II выступил с воинственной речью, что вызвало опасения со стороны России в дальнейшей приверженности российской программы действий по отношению к Китаю.

Несмотря на последовавшие заверения Бюлова в полной поддержке русской программы в отношении Китая⁴, импульсивная реакция Вильгельма II оставила неприятный осадок в наметившемся русско-германском согласии.

Вместе с тем воинственные выступления Вильгельма II были крайне негативно встречены в русской прессе. Поток «бестактных статей» был отмечен германским императором, что произвело на него «болезненное впечатление»⁵. Как отмечал российский военно-морской атташе в Берлине лейтенант А.К. Полис: «Бестактные статьи наших газет, как раз в то время, когда нам нужна была дипломатическая поддержка Германии, и принятые как выражение нашего общественного мнения произвели самое дурное впечатление»⁶.

Впрочем, несмотря на возникшие разногласия, Россия и Германия по-прежнему были вынуждены полагаться друг на друга, в частности выступая противовесом английским и японским интересам в Китае. Основным вопросом, стоявшим перед руководством обеих империй, стала подготовка войск международной коалиции к походу на Пекин для освобождения посольского квартала.

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 129. Л. 74.

² GR. Bd. 16. No. 4538. S. 25–26: Бюлов – Дидерихсу, Берлин, 30 июня 1900 г.

³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1925. Л. 61.

⁴ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 129. Л. 36.

⁵ Там же. Л. 84.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1925. Л. 65–67.

В русских и германских интересах было максимально задержать поход на Пекин войск международной коалиции до подхода из Европы русских и германских подкреплений. Ждать предполагалось до прибытия необходимых подкреплений и прекращения сезона дождей, т. е. примерно до второй половины сентября⁷.

Вместе с тем встал вопрос о подчинении контингентов всех воюющих государств единому командованию. Первым инициативу в этом вопросе проявила германская сторона в лице Бюлова в начале июля 1900 г. Обсуждая с Остен-Сакеном «китайские дела», Бюлов высказал мысль о «необходимости передачи Главнокомандования всеми контингентами в одни руки с согласия всех держав»⁸. Кроме того, Бюлов высказал мысль, что «если бы Россия как наиболее заинтересованная держава нашла в себе силы оставить за собой Главнокомандование иностранными войсками», то Германия не стала бы возражать по этому вопросу.

Предложение Германии взять на себя командование международными силами в Китае вызвала озабоченность в российском внешнеполитическом руководстве. В частности, во Всеподданнейшем докладе от 4 июня 1900 г. отмечалось: «нам отнюдь не следовало бы добиваться сосредоточения в своих руках командования общими силами Держав, представив такое руководство Французскому, Английскому, Германскому, либо иному военачальнику»⁹.

Поэтому в ответ на предложение немецкой стороны Ламздорф ответил, что Россия не заинтересована в назначении русского генерала главнокомандующим международными силами в столичной провинции Чжили¹⁰.

Вокруг вопроса о кандидатуре на пост главнокомандующего международными силами развернулась острая дипломатическая борьба. Великобритания активно выступала против назначения французского или русского военачальника, тогда как российская сторона выступала против английского командования и предлагала создание коллективного органа управления на месте из имеющих в войсках командиров [Сергеев 1998, с. 113–114].

Япония опалась назначения русского адмирала М.В. Алексева главнокомандующим международными силами и высказывалась

⁷ GP. Bd. 16. No. 4594. S. 74: Бюлов в Министерство иностранных дел, Гельголанд, 29 июля 1900 г.

⁸ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 130. Л. 19.

⁹ Там же. Д. 129. Л. 27.

¹⁰ Там же. Д. 130. Л. 26.

в пользу германских генералов¹¹, а США и Франция занимали пассивную позицию по данному вопросу.

В этой ситуации компромиссным вариантом являлось назначение главнокомандующим германского генерала – бывшего начальника Генерального штаба Альфреда фон Вальдерзее. Кандидатуру Вальдерзее впервые выдвинул Вильгельм II в своей телеграмме Николаю II от 5 августа 1900 г.¹² В ней Вильгельм II еще раз уточнил, желает ли Николай II «чтобы главнокомандующим стал русский генерал?», и уже затем предложил в качестве альтернативы фельдмаршала Вальдерзее.

Получив согласие от российского монарха¹³, Вильгельм II направил французскому президенту телеграмму, в которой известил о принципиальном согласии русского монарха назначить графа Вальдерзее главнокомандующим международными силами в Китае¹⁴. Более того, формулировка телеграммы предполагала, что именно Николай II выдвинул кандидатуру графа Вальдерзее на данный пост, а не наоборот. Это должно было позволить добиться согласия французов на эту кандидатуру.

Не дожидаясь согласия со стороны французов, заместитель министра иностранных дел Германии А. фон Деренталь направил 7 августа английскому послу в Берлине Лэссельсу ноту, в которой оповестил о полной поддержке германской кандидатуры с русской и французской стороны, а также о принципиальном согласии японцев встать под командование германских генералов¹⁵.

Для британского правительства кандидатура Вальдерзее была меньшим из зол, а учитывая форсирование англичанами операции по деблокаде посольского квартала в Пекине, должность главнокомандующего международными силами, по мнению англичан, была номинальна [Сергеев 1998, с. 116]. Однако еще 5 августа силы международной коалиции под командованием генерал-лейтенанта Н.П. Линевича, как старшего по званию (армейского генерала) и наиболее авторитетного генерала, выступили в направлении

¹¹ GP. Bd. 16. No. 4561. S. 47: Временный поверенный в делах в Токио граф Бото фон Ведель в Министерстве иностранных дел, Токио, 9 июля 1900 г.

¹² ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 130. Л. 70.

¹³ GP. Bd. 16. No. 4602. S. 83: Вильгельм II – Бюлову, Вильгельмсхёэ, 6 августа 1900 г.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 130. Л. 66.

¹⁵ GP. Bd. 16. No. 4604. S. 84–86: Заместитель государственного секретаря Министерства иностранных дел фон Деренталь послу в Лондоне графу фон Хацфельдту, Берлин, 7 августа 1900 г.

Пекина и уже через 10 дней успешно взяли город [Дыцышен 1999, с. 103].

Несмотря на имеющиеся договоренности отложить наступление русского и германского контингентов как минимум до второй половины августа 1900 г.¹⁶, под давлением английского и японского командования Линевиц выступил на Пекин, тогда как германские войска отказались от участия в походе.

Успешный захват Пекина оказался неожиданностью как для германского, так и для русского правительства и полностью изменил имеющийся расклад сил. Российское военно-политическое руководство, считая военный конфликт законченным, предложило перейти к переговорам с китайским правительством, ибо, как отметил Николай II в разговоре с австро-венгерским послом А. фон Эренталем: «С военными покончено, теперь ваша очередь, дипломаты»¹⁷.

Первым шагом к началу мирных переговоров, по мнению российского правительства, стал вывод русских войск из Пекина в Таньцзинь вместе с русской дипломатической миссией. Желая до последнего действовать в «согласии» с Германией, граф Ламздорф первым известил 26 августа 1900 г. германского посланника в Санкт-Петербурге графа Брокдорф-Ранцау о выводе войск и перемещении дипломатической миссии с целью облегчить возвращение бежавшего императорского двора в Пекин для начала мирных переговоров¹⁸.

Решение российского правительства вызвало неоднозначную реакцию даже у французских союзников, не говоря уже про Германию. В частности, князь С.Д. Урусов в своем письме графу Ламздорфу отмечал сильнейшее удивление со стороны французского правительства решением Петербурга, поскольку «в Петербурге этот вопрос считался полностью выясненным и решенным, в Париже об этом имели очень смутное представление и не понимали мотивов, продиктовавших наше решение»¹⁹.

Реакция Германии на российский демарш была крайне негативной. Германское руководство считало, что взятие столицы еще не

¹⁶ Ibid. No. 4599. S. 79–80: Бюлов в Министерство иностранных дел, Бебра, 4 августа 1900 г.

¹⁷ Ibid. No. 4615. S. 96: Вильгельм II в Министерство иностранных дел, Вильгельмскхё, 21 августа 1900 г.

¹⁸ Ibid. No. 4621. S. 101–103: Делопроизводитель в Петербурге граф Брокдорф-Ранцау в Министерство иностранных дел, Санкт-Петербург, 26 августа 1900 г.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 131. Л. 97.

положило конец конфликту, а предложенная Россией эвакуация из Пекина всего лишь поспешная уступка, ставящая под угрозу достигнутые успехи по подавлению восстания [Altrichter 1977, S. 220]. Как отмечал заместитель министра иностранных дел Германии А. фон Деренталь: «Тот факт, что поспешная эвакуация из Пекина никоим образом не соответствовала бы немецким интересам, что желание России избежать подчинения немецкому верховному командованию, пожалуй, <...> не нуждается в объяснении»²⁰.

Несмотря на заверения графа Ламздорфа в приверженности прежним русско-германским договоренностям по Китаю, а также обещание принять графа Вальдерзее в Таньцзине со всеми почестями для последующей передачи ему командования русскими войсками²¹, германское руководство по-прежнему воспринимало данный демарш как неприкрытое оскорбление.

Дошло до того, что Бюлов в своем письме кайзеру Вильгельму II так охарактеризовал задачу германской политики в Китае: «Задача дипломатии Вашего Величества, особенно в Лондоне и Санкт-Петербурге, будет заключаться в том, чтобы затормозить “российскую колесницу мира”²²».

С этой целью Германия активно противодействовала началу мирных переговоров с китайским правительством, выдвигая предварительные требования к Китаю по наказанию всех виновных в гибели своего посланника, а также отказываясь признавать китайского дипломата Ли-Хун-Чжана в качестве переговорщика [Altrichter 1977, S. 220].

Более того, Вильгельм II заявил российскому послу в Берлине Остену-Сакену, что «если Ли-Хун-Чжан попадет в руки немецкого контингента, он без колебаний возьмет его в плен и будет держать в качестве заложника»²³.

Дополнительным источником раздражения в Германии российской политикой на Дальнем Востоке стал вопрос об оккупации Маньчжурии русскими войсками на фоне заявлений российского правительства о необходимости сохранения территориальной целостности Китая. Как отмечал кайзер Вильгельм II: «Вкратце, это означает, что с вашей помощью мы имеем в своем кармане

²⁰ GP. Bd. 16. No. 4622. S. 104: Запись заместителя государственного секретаря Министерства иностранных дел Деренталя, Берлин, 27 августа 1900 г.

²¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 132. Л. 3.

²² GP. Bd. 16. No. 4619. S. 100: Бюлов – Вильгельму II, Нордернай, 23 августа 1900 г.

²³ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 131. Л. 31.

Маньчжурию, которая нам не принадлежит, и благодарим вас за это: Мавр сделал свое дело, Мавр может уйти»²⁴.

Военная и экономическая экспансия России в Маньчжурии, а также игнорирование германских интересов в Китае в пользу сохранения союзнических русско-китайских отношений сделали Германию открытой для предложений со стороны Великобритании как естественного конкурента России на Дальнем Востоке.

Великобритания стремилась заручиться поддержкой Германии против экспансии России в Северном Китае, взамен предлагая доступ германской торговле в долине реки Янцзы [Schrecker 1971, p. 141].

Результатом этого стало заключение 16 октября 1900 г. Янцзыской англо-германской конвенции, в которой оба государства обязывались держать порты открытыми для торговли и любой другой экономической деятельности, а также поддерживать территориальную целостность Китая [Altrichter 1977, S. 223–224].

Таким образом, имевшиеся русско-германские договоренности 1897 г. о поддержке русской политики на Дальнем Востоке при первых же разногласиях привели к охлаждению отношений между двумя государствами и попыткам Германии договориться с Великобританией по китайскому вопросу. Видимость «союза» и согласованность действий России и Германии на первых этапах подавления восстания Ихэтуаней были вызваны во многом нежеланием Германии выходить на первый план в решении возникшего кризиса, предпочитая находиться в фарватере русской политики на Дальнем Востоке. Однако нежелание России воспринимать интересы Германии в Китае привели в итоге к кратковременному англо-германскому сближению и поставили под угрозу дружеские отношения с Россией. Как позднее отмечал граф Ламздорф, «не представляется сомнений, что на почве политических отношений несравненно легче иметь дело с открытою враждебностью англичан, нежели чем с “благожелательными” намерениями немцев»²⁵.

Литература

Дыцышен 1999 – *Дацышен В.Г.* Русско-китайская война 1900 г.: Поход на Пекин.

СПб.: Альманах «Цитадель»: Галей Принт, 1999. 157 с.

Калужная 1978 – *Калужная Н.М.* Восстание Ихэтуаней (1898–1901). М.: Наука:

ГРВЛ, 1978. 365 с.

²⁴ GP. Bd. 16. No. 4615. S. 96: Вильгельм II в Министерство иностранных дел, Вильгельмсхёэ, 21 августа 1900 г.

²⁵ АВПРИ. Ф. 167. Оп. 509/4. Д. 18г. Л. 115.

- Лукоянов 2008 – *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
- Рыбаченок 2012 – *Рыбаченок И.С.* Закат великой державы: Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М.: РОССПЭН, 2012. 582 с.
- Сергеев 1998 – *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. М.: ИВИ РАН, 1998. 230 с.
- Схиммельпеннинк 2009 – *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Автор. пер. с англ. Н. Мишаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
- Altrichter 1977 – *Altrichter H.* Konstitutionalismus und Imperialismus: der Reichstag und die deutsch-russischen Beziehungen, 1890–1914. Frankfurt a/M.: P. Lang, 1977. 426 S.
- Schrecker 1971 – *Schrecker J.E.* Imperialism and Chinese nationalism: Germany in Shantung. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1971. 322 p.

References

- Datsyshen, V.G. (1999), *Russko-kitaiskaya voina 1900 g.: Pokhod na Peking* [Russo-Chinese War 1900. March on Beijing], Al'manakh "Tsitadel'", Galeya Print, Saint Petersburg, Russia.
- Kalyuzhnaya, N.M. (1978), *Vosstanie Ikhetuanei (1898–1901)* [Yihetuan rebellion (1898–1901)], Nauka, GRVL, Moscow, USSR.
- Rybachenok, I.S. (2012), *Zakat velikoi derzhavy: Vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: tseli, zadachi i metody* [The decline of a great power. Russian foreign policy at the turn of the 19th–20th centuries: goals, objectives and methods], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Sergeev, E.Yu. (1998), *Politika Velikobritanii i Germanii na Dal'nem Vostoке 1897–1903 gg.* [Policy of Great Britain and Germany in the Far East 1897–1903], IVI RAN, Moscow, Russia.
- Schimmelpenninck van der Oye, D. (2009), *Navstrechu Voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voine s Yaponiei* [Towards the Rising Sun: How imperial myth-making led Russia to war with Japan], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Altrichter, H. (1977), *Konstitutionalismus und Imperialismus: der Reichstag und die deutsch-russischen Beziehungen, 1890–1914*, Peter Lang, Frankfurt am Main, Germany.
- Schrecker, J.E. (1971), *Imperialism and Chinese nationalism: Germany in Shantung*, Harvard University Press, Cambridge (Mass.), USA.

Информация об авторе

Александр С. Тихонов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sashati99@mail.ru

Information about the author

Aleksandr S. Tikhonov, post-graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sashati99@mail.ru

«Мы всегда считали, что наш народ
способен на великое достижение»:
военные планы пангерманцев в 1914–1918 гг.

Александр А. Турыгин

*Костромской государственный университет, Кострома, Россия,
aturigin@mail.ru*

Аннотация. Общее представление о Пангерманском союзе, как правило, неразрывно связано с популярным убеждением о разжигании внутри немецкого общества военных настроений накануне и в годы Первой мировой войны, а также с подготовкой почвы для укоренения национал-социализма. Если ограничиться изучением только лишь массовой литературы, издаваемой Пангерманским союзом большими тиражами, то несомненно это представление справедливо. Пангерманцы действительно предложили немцам свое оригинальное видение военных целей Германии, настойчиво добиваясь их одобрения обществом и правящей элитой. Однако за рамками общих исследований часто остается понимание причин, мотивов и условий, в которых Пангерманский союз вел свою агитационную и пропагандистскую работу. Воспоминания его председателя расширяют знания о том, что стояло за рамками пангерманского движения: борьба за отставку рейхсканцлера, учреждение диктатуры, широкое использование всех видов вооружения, немецкая колонизация, германизация. Цель статьи в том, чтобы на основании ранее не публиковавшихся воспоминаний Г. Класса показать, как шла подготовка военных целей Пангерманского союза, чем они были обоснованы, а также внутренние противоречия и намерения, выходившие за рамки военных планов. Делается вывод о неудавшихся попытках пангерманцев учредить диктатуру, оттеснив гражданскую администрацию, как и о провале проекта военных целей. Агитация пангерманцев достигла другой цели, спровоцировав кризис общественного доверия рейхсканцлеру, а их попытки распространить в обществе мысли о диктатуре, сформулированные Г. Классом, позволили кристаллизироваться будущему мифу о фюрере.

Ключевые слова: Пангерманский союз, военные цели, диктатура, Г. Класс, воспоминания, политика диагонали, Т. Бетман-Гольвег

Для цитирования: Турыгин А.А. «Мы всегда считали, что наш народ способен на великое достижение»: военные планы пангерманцев в 1914–1918 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 47–58. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-47-58

“We have always believed that our people
are capable of great achievements”:
the Pan-Germans’ war plans in 1914–1918

Aleksandr A. Turygin

Kostroma State University, Kostroma, Russia, aturigin@mail.ru

Abstract. The basic understanding of the Pan-German League in historical literature is, as a rule, inextricably linked with the popular belief in the incitement of a military sentiment within the German society on the eve and during the First World War, as well as in the fact that Pan-Germans paved the way for the rooting of National Socialism during the Weimar Republic. If we limit ourselves to only studying the mass literature published by the Pan-German League in large editions, then, undoubtedly, this idea is true. The Pan-Germans really offered the Germans their vision of Germany’s military goals, persistently seeking their approval by the society and the ruling elite. However, outside the scope of the general research, there often remains an understanding of the reasons, motives and the conditions in which the Pan-German League carried out its agitation and propaganda work. The memoirs of its chairman, published in 1932 and 2022, significantly expand the knowledge of what was outside the Pan-German movement: the struggle for the resignation of the Chancellor, the establishment of a dictatorship, the widespread use of all types of weapons, German colonization. The purpose of the article is to show, on the basis of the previously unpublished memoirs of H. Claß, how the Pan-German League’s military objectives were prepared, how those objectives were justified; the paper also aims at revealing the internal contradictions and intentions that went beyond the scope of military plans. The conclusion is about the failed attempts of the Pan-Germans to establish a temporary dictatorship, pushing aside the civil administration, as well as about the failure of the project of military goals. However, despite the failures, the Pan-German agitation achieved its goal, causing a crisis of public confidence in the Chancellor’s personally, and their attempts to spread thoughts about dictatorship in society, inspired by H. Claß, allowed the future myth of the Fuhrer to crystallize.

Keywords: Pan-German league, military goals, dictatorship, H. Claß, memoirs, diagonal politics, T. Bethmann-Hollweg

For citation: Turygin, A.A. (2024), “We have always believed that our people are capable of great achievements”: the Pan-Germans’ war plans in 1914–1918”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 47–58, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-47-58

Введение

Политические воспоминания председателя Пангерманского союза Генриха Класса (1868–1953), подготовленные Исторической комиссией при Баварской академии наук и опубликованные одним из старейших немецких издательств *Duncker & Humblot* в 2022 г., представляют важный источник с точки зрения систематизации разрозненных сведений о деятельности пангерманцев от начала Первой мировой войны до официального роспуска организации¹. Для вовлеченного читателя воспоминания Г. Класса ценны тем, что показывают, как война и вызванные ею социальные и политические потрясения повлияли на мировоззрение и индивидуальный опыт пангерманцев. Исследователь обратит внимание на ограниченность пангерманской политики из-за неспособности наладить сотрудничество внутри фундаментально менявшегося в годы войны блока правых политических сил и начавшейся после ее завершения конкуренции с «новыми» военизированными и популистскими массовыми движениями правых – аспект, на который до сих пор почти не обращалось внимания. В этой связи воспоминания Г. Класса показывают, что «национальная оппозиция» между империей и национал-социализмом по своим мировоззренческим установкам была гораздо более фрагментированной и дифференцированной.

Недавнее издание политических воспоминаний Г. Класса дополнило ранее опубликованную еще при жизни самого автора в 1932 г. первую часть его мемуаров под названием «Против течения: о сущности и развитии национальной оппозиции в старой империи»². Вторая часть рукописи долго и упорно скрывалась в семейном архиве наследницы Г. Класса – его дочери Анны Элизабет Класс (1898–1973). Контакты с дочерью Г. Класса и попытки издания оставшейся части воспоминаний историками О. Беккером, А. Круком и В.А. Моммзенем оказались тщетными. Причина,

¹ *Clafß H. Politische Erinnerungen des Vorsitzenden des Alldeutschen Verbandes 1915–1933/36. Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts (DGQ). Vol. 79. Berlin, 2022. S. 31, 43–48.*

² *Clafß H. Wider den Strom. Vom Werden und Wachsen der nationalen Opposition im alten Reich. Leipzig, 1932.*

во-первых, была связана со страхом наследницы Г. Класса, так как в первое послевоенное десятилетие рукопись пытались выкрасть скрывавшиеся нацисты, а во-вторых, с недобросовестностью А. Крука, который, получив часть текста, без разрешения дочери Г. Класса опубликовал его в своей диссертации в 1954 г. Незадолго до смерти А.Э. Класс рукопись все же была передана федеральному архиву Кобленца, в котором она почти целое десятилетие фактически оставалась без внимания. Доступ к источнику у историков появился только в 1980-е гг. К рукописи активно обращались современные исследователи пангерманизма (А. Шильдт [Schildt 1998], Й. Ляйхт [Leicht 2012], Б. Джекиш [Jackisch 2017]).

Основная часть

Существенная часть политических воспоминаний Г. Класса посвящена войне. Он приветствовал войну, полностью разделяя эйфорию «1914 года». Однако в самом начале войны у пангерманцев возникли опасения за ее исход. Причиной тому стали выступления кайзера Вильгельма II и рейхсканцлера Т. Бетман-Гольвега на открытии рейхстага 4 августа 1914 г. В своей как всегда пламенной тронной речи кайзер произнес позже ставшую знаменитой фразу о том, что для него «больше не существовало партий, а были только немцы!»³. Следом за Вильгельмом II выступил рейхсканцлер, который высказался о немецкой оккупации Люксембурга и Бельгии (2 и 4 августа), буквально извиняясь за нее перед международным сообществом. Его слова, которые Г. Класс процитировал в своих воспоминаниях, были такими: «Хотя это и противоречит международному праву, мы были вынуждены игнорировать протесты правительств Люксембурга и Бельгии, дабы не допустить хаоса от французского вторжения, но мы исправим эту несправедливость, как только наша цель будет достигнута»⁴. И прежде чем прокомментировать слова первых лиц государства, посвятив этому треть своих воспоминаний, Г. Класс приводит реакцию на эти речи, опубликованные на следующий день в местной прессе города Майнца, в котором сам он находился в начале войны. Он написал, что «один из образованных молодых людей нашей коллегии адвокатов, юноша с политическим инстинктом новорожденного ребенка», попытался публично прокомментиро-

³ Stenographische Berichte des Reichstages. 13. Legislaturperiode. Vol. 306: 2. Session: 1914. S. 1–12.

⁴ См.: *Claf H. Wider den Strom*. S. 307.

вать «гениальность» Бетман-Гольвега, заявив, что этими словами рейхсканцлер сразу же завоевал международное общественное мнение в пользу Германии⁵. Ответ Г. Класса этому «юноше» по краткости напоминал заключение судмедэксперта родственникам покойного о «политической безнадежности»⁶, хотя в узком семейном кругу, комментируя эту ситуацию, Г. Класс позволил себе дать некоторые разъяснения о том, что война началась с поражения во внешней политике⁷. Тронная речь кайзера произвела на Г. Класса неменьшее впечатление. Председатель Пангерманского союза, который в прессе и публичных лекциях прежде сам не раз выступал от имени нации, был крайне обеспокоен тем, как император с легкостью признал, что симпатизировал некоторым партиям в ущерб другим, тогда как должен был стоять над любыми формами партийности и как монарх служить всему народу⁸.

Собственно начало пангерманского движения за военные цели Г. Класс связал с нежеланием Италии в августе 1914 г. присоединиться к блоку Центральных держав из-за того, что Австро-Венгрия, первой объявив войну Сербии, становилась агрессором, а не жертвой. Это обстоятельство итальянцы решили использовать в своих собственных целях, затягивая вступление в войну на чьей-либо стороне. Начавшиеся переговоры о «предательстве итальянцев»⁹ могли посеять панику в общественном мнении Германии, а желание рейхсканцлера Т. Бетман-Гольвега показать Германию жертвой конфликта и вовсе было способно лишить немцев веры в победу. Оценив внешнеполитическую ситуацию с коллегами по руководству Пангерманского союза, Г. Класс пришел к выводу, что было необходимо «немедленно заняться тем», чтобы «развить волю народа таким образом, чтобы компенсировать ее недостаток у власть имущих»¹⁰. Встретившись с бароном Л. фон Фитингоф-Шеелем и А. Гугенбергом, Г. Класс заключил, что в нынешних условиях «не было иного и лучшего средства укрепить народный дух, чем показать нашему великому народу, какие задачи поставила перед ним судьба в этой борьбе за существование»¹¹. Оценив ту работу, которую предстояло сделать, председатель Пангерманского союза назвал ее тяжким трудом «за пределами кабинетов, без достаточной поддержки прессы

⁵ Ibid. S. 308.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. S. 307.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. S. 316–317.

¹⁰ Ibid. S. 318.

¹¹ Ibid.

и без участия лучших людей, ушедших на фронт»; «поэтому мы немедленно приступили к работе, начав немецкое движение за военные цели, которому предстояло сыграть значительную роль в ходе военного конфликта»¹².

Как и другие представители среднего образованного класса, формирование которого пришлось уже на время после объединения Германии, Г. Класс верил в победу, воспринимая войну как способ «очистить нацию и возродить ее былое величие»¹³. Однако осуществить это было возможно не под руководством прежних элит, привыкших к стабильности и порядку, – именно они в большей мере сопротивлялись войне, – а под управлением нового поколения немцев, к которому принадлежал и сам председатель Пангерманского союза («поколение 1860-х»). Он писал об этом поколении чрезмерно идеалистически, как о поколении «настоящих лидеров», благодаря которым «наш народ способен на любое великое достижение»¹⁴. В то же время стремление этого нового поколения к господству удачным образом ретушировалось популярными геополитическими идеями о «жизненном пространстве», столь необходимом для сохранения немецкой культуры. Теорию «жизненного пространства» активно развивала органическая научная школа пангерманца Ф. Ратцеля¹⁵. Его геополитика проводила прямую связь между территорией и культурой, главную угрозу которой, и без того зажатой в тисках европейских границ, представляло состояние стабильности и покоя. Отмечая влияние теории Ф. Ратцеля на взгляды Г. Класса, получается, что самым великим достижением немецкого народа стало бы разрушение стягивающих немецкую культуру оков и придание ей новых импульсов развития.

Новые импульсы Германия могла приобрести только в том случае, если добьется победы в войне, – в чем Г. Класс не сомневался, – реализуя широкую программу военных целей так, как понимали ее сами пангерманцы. Целью этой программы была «Великая Германия» или «Срединная империя». Проект ее создания был подготовлен еще в 1895 г. Э. Хассе в футурологическом эссе «Великая Германия и Срединная Европа в 1950 г.»¹⁶. Конкретные методы

¹² Ibid. S. 319.

¹³ Ibid. S. 310.

¹⁴ Ibid. S. 311.

¹⁵ *Ratzel F. Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges.* München; Berlin, 1897; *Ратцель Ф.* Народоведение: В 2 т. Т. 1. СПб., 1904.

¹⁶ *Hasse E. Großdeutschland und Mitteleuropa um das Jahr 1950.* Von einem Alldeutschen. Berlin, 1895.

были описаны в «меморандуме Класса»¹⁷. С помощью войны и аннексии пограничных территорий предполагалось создание единого пространства с германизированными, зачищенными для заселения «землями, свободными от людей», находящимися в распоряжении императора и предназначенными для нужд немецкого народа.

В сентябре 1914 г. текст «меморандума» был опубликован в мюнхенском издательстве Юлиуса Лемана и разослан высшим чиновникам империи в количестве 2000 экземпляров. Однако очень скоро его новая публикация и распространение оказались под запретом цензуры ввиду резкой критики пангерманцами политики рейхсканцлера Т. Бетман-Гольвега. Новая версия «меморандума», опубликованная в 1917 г. вопреки цензуре, оказалась во многом идентична версии 1914 г., но за исключением требований, касавшихся Польши. Г. Класс пересмотрел их в 1916 г. Если прежде речь шла о присоединении к рейху только западных территорий Польши, то с 1916 г. Г. Класс настаивает уже на захвате всей Польши, хотя и с сохранением ее формальной государственности внутри империи как «подзащитного государства», «упорядоченного» с точки зрения управления и без какого бы то ни было голоса в немецком рейхстаге¹⁸. Речь шла о том, чтобы прочно привязать Польшу к Германии посредством контроля над ее военной, транспортной и экономической системой, хотя и отмечалась необходимость предоставления ей самостоятельности для внутренней организации и решения социальных проблем.

В остальном военные цели Пангерманского союза оставались неизменными на всем протяжении войны. В соответствии с ними за счет экспансии предполагалось создать единую империю, границы которой простирались бы от Северного и Балтийского морей до Адриатики, от Атлантики (французское побережье Ла-Манша) и до Черного моря. Силой рейхсвера следовало укрепить западную границу Великой Германии от Арденн, через леса Вогез, горный хребет Юра вплоть до Монблана, включив территории Нидерландов, Бельгии и Швейцарии. Предвидев еще в конце XIX в. распад империи Габсбургов¹⁹, пангерманцы планировали сохранить австрийскую монархию в качестве союзника Германии. С помощью войны надлежало усилить Австрию за счет Хорватии, Славонии,

¹⁷ *Claß H.* Denkschrift betreffend die national-, wirtschafts-, und sozialpolitischen Ziele des deutschen Volkes im gegenwärtigen Kriege. München, 1914 / Hrsg. R. Opitz. Europastrategie des deutschen Kapitals. Köln, 1977. S. 226–266.

¹⁸ См.: *Claß H.* Wider den Strom. S. 320–327.

¹⁹ См.: *Hasse E.* Großdeutschland und Mitteleuropa. S. 25.

Далмации, Черногории, Боснии и Герцеговины вместе с Сербией. Россию следовало отбросить на Восток к допетровским границам²⁰. В этой связи, заметил Ф. Фишер, программа военных целей Т. Бетман-Гольвега, сколь бы амбициозной она ни казалась, воспринималась как умеренная по сравнению с аннексионистскими планами пангерманцев [Фишер 2017].

Воспоминания Г. Класса создают у исследователя впечатление, что каждое слово, сказанное председателем Пангерманского союза, находило полное одобрение у остальных участников. Однако это не так. Неоднозначной реакцией на «меморандум Класса» была реакция члена исполнительного комитета Пангерманского союза, историка Дитриха Шефера, вышедшего в знак своего несогласия из руководства организации в 1914 г., но вернувшегося обратно в 1915 г. Д. Шефер не поддержал аннексионистские планы на Западе, посчитав, что «они противоречат всем принципам гуманности»²¹, что, скорее всего, навредит Германии, чем окажет немцам честь²².

В неопубликованном архиве одного из основателей Пангерманского союза Т. Райсман-Гроне, хранящемся в архиве Эссена, содержатся материалы внутренней переписки между представителями исполнительного комитета. На их основании можно заключить, что внутри Пангерманского союза шла острая дискуссия о военных целях, которая обострила давние противоречия между его католическим меньшинством, к которому принадлежал сам Т. Райсман-Гроне, и протестантским большинством [Frech 2009, SS. 109–110]. В письме Э. Кирдорфу по поводу своего выхода из Пангерманского союза в марте 1915 г. Т. Райсман-Гроне уделил внимание «фантазиям»²³ Г. Класса о военных целях.

Он писал, что изначально «сопротивлялся публикации целей войны Класса, но не мог посещать собрания из-за слишком большой работы в издательстве и болезни», что вследствие войны «империя Бисмарка выродилась в географического монстра, которого уже невозможно защитить военным путем <...> своей кровью нам пришлось спасти Австро-Венгрию <...>. Теперь же мы должны

²⁰ См.: *Claß H.* Denkschrift betreffend die national-, wirtschafts-, und sozialpolitischen Ziele. S. 226–266.

²¹ См.: *Claß H.* Wider den Strom. S. 361.

²² *Schäfer D.* Deutschland und der Osten. Berlin, 1915. S. 182–191.

²³ Dr. Reismann-Grone in Essen an Geheimrat Kirdorf betr. Gegnerschaft zu den Alldeutschen und deren proösterreichische Politik, Jan. 1917 // Bundesarchiv. N 1022/11: Nachlaß von Bauer, Max (Oberst). Vol. 1. 1914–1917. S. 24.

добиться мира либо посредством полного господства, а это невозможно, либо через примирение. Но тогда нам придется отказаться от всех завоеваний. Где компенсация 7–8 миллионов человеческих потерь? <...> Из тысячи человек сегодня мира желают 999. Вперед нас подталкивает ощущение, что мы заблудились на тропе и погибнем, если не выберемся. А поскольку немецкий народ, как и Пангерманский союз, не хочет признавать свою ошибку от довоенного глупого ликования и желания прогулок по Парижу и Лондону, то причину неудачи все ищут в тайных, темных силах, а не в собственной вине. Нападки на рейхсканцлера за трусость по отношению к США только нарастают. Но если бы Америка вступила в войну со 100 миллионами человек в результате морской торпедной атаки по ее судам, это стало бы для нас ужасной катастрофой <...>. Политически война была проиграна в тот же день, когда она началась. Мы не смогли вынести 50 лет французского реваншизма, так как мы можем вынести 50 лет французской и английской мести? А терпеть русскую месть?»²⁴.

Вероятнее всего, поддержку и одобрение своего «меморандума» Г. Класс получил после реформы внутренней структуры Пангерманского союза после того, как в 1908 г. он стал его председателем. В своих воспоминаниях он называет этих людей «своими друзьями» или «новыми помощниками»²⁵, которые были введены в руководящий состав Пангерманского союза уже при председательстве Г. Класса (К. фон Гебзаттель, Э. фон Либерт, К. Клингеман, Х. фон Либиг, А. Гебхардт, В. Бахмайстер, П. Банг). Поддержка этих людей была важна для Г. Класса, так как со времен основания Пангерманского союза в нем периодически возникал конфликт поколений. Так, не все «отцы-основатели» поддержали кандидатуру Г. Класса, которую представил предыдущий председатель Пангерманского союза Э. Хассе. Назначение его председателем после внезапной смерти Э. Хассе состоялось в упрощенном и экстренном порядке посредством аккламации членами исполнительного комитета²⁶.

Незадолго до своего выхода из Пангерманского союза один из его «отцов-основателей», Т. Райсман-Гроне, обвинил Г. Класса в неправомерности нападков на рейхсканцлера, с «политикой диагонали» которого председатель связывал неудачи реализации своих военных планов. Г. Класс критиковал политику Т. Бетман-Гольвега

²⁴ Ibid. S. 24–31.

²⁵ См.: *Claß H. Wider den Strom. S. 98, 100; Claß H. Politische Erinnerungen. S. 162–163, 532.*

²⁶ См.: *Claß H. Wider den Strom. S. 127, 130.*

за постоянные компромиссы между правыми и левыми, за то, что как политик рейхсканцлер был безоговорочно предан монархии, считая ее символом национального единства, но одновременно с этим Т. Бетман-Гольберг верил и в возможности создания демократических структур. В вину рейхсканцлеру вменялось: нежелание информировать общественность о реальном положении дел на фронте, отсутствие политической воли, неудачная марокканская политика, попытка сближения с Великобританией, отказ от дискуссий по вопросам подготовки к войне, введение военной цензуры, политика экономии ресурсов и ошибки с организацией продовольственного снабжения, отказ от использования эффективных средств ведения войны (подводных лодок)²⁷.

Стремясь добиться отставки рейхсканцлера, Г. Класс организует встречи на высшем уровне (военный министр Герман фон Штейн, адмирал А. Тирпиц, министр-президент Баварии Г. фон Гертлинг, герцог Иоганн Альбрехт Мекленбургский, адмирал и председатель Флотского союза Ганс фон Кёстер), которые, однако, не принесли желаемого успеха. Рейхсканцлер сохранил свой пост до июля 1917 г. Попытки убедить военных в необходимости роспуска рейхстага и введения должности диктатора также не имели успеха. Из воспоминаний явствует, что военные предпочли верность присяге, отказавшись каким-либо образом повлиять на императора.

Незадолго до окончания войны Г. Класс, стремясь ответить на усиливающуюся критику пангерманцев, попытался избежать для Пангерманского союза политического ostracизма в будущем. Он написал эссе о том, в чем на самом деле состояли военные цели пангерманцев²⁸. Вместо эмоциональной растерянности и злобы немцев друг на друга, в том числе из-за поиска виновных, Г. Класс воззвал к чувству национальной гордости и предложил сосредоточиться на достижении приемлемых условий мира.

Прежде чем вновь напомнить немцам о военных целях Пангерманского союза, Г. Класс решил объяснить их значение, изложив в восьми тезисах суть геополитической теории. Председатель Пангерманского союза призвал «не сдавать свое оружие до тех пор, пока во имя будущего не будет обеспечена необходимая безопасность»²⁹. По его мнению, гарантиями могли стать: 1) защищенные от нападения со всех сторон границы; 2) пространство, которое могло обеспечить нормальное и ничем не стесненное развитие немецкого

²⁷ См.: *Clafß H.* Politische Erinnerungen. S. 114–116.

²⁸ *Clafß H.* Die Wahrheit über das alldeutsche Kriegsziel // Handbuch des Alldeutschen Verbandes. 22. Ausgabe. Berlin, 1918. S. 69–76.

²⁹ *Ibid.* S. 70.

народа³⁰. Оправдывая немецкую экспансию естественной потребностью обеспечить выживаемость немцев на фоне внешних угроз со стороны Великобритании, Франции или России, Г. Класс отметил, что в самом начале войны Пангерманский союз, как «любое другое патриотическое объединение»³¹, взял на себя смелость «своевременно и конкретно структурировать» большие потоки информации, переложить знание о развитии международных дел «в четкие, ясные формулировки», достигнув понятной большинством определенности³². Все это, полагал Г. Класс, было не столько правом, сколько обязанностью тех, кто взял на себя заботу об общественном мнении. В противном случае, лидеры общественного мнения просто упустили бы время реализовать свою главную задачу – быть духовными руководителями немецкого народа, указав ему правильный путь и миссию, от исхода которой зависело его будущее³³.

Заключение

Вопреки сложившемуся в историографии мнению, Пангерманский союз не был так уж всемогущ³⁴. Ему не удалось организовать общий националистический фронт правых сил и повлиять на процесс принятия политических решений, хотя начавшаяся европейская война вселяла в пангерманцев надежду на реализацию собственных утопических планов. Воспоминания Г. Класса показывают, что непарламентский статус Пангерманского союза, разногласия среди его руководства, отсутствие прочных организационных основ взаимодействия между правыми националистическими силами, а также неудачи военного времени травмировали пангерманцев, усугубив их чувство политической и социальной неустроенности. Однако, несмотря на неудачи и объективные условия отставки рейхсканцлера, агитация пангерманцев достигла цели, спровоцировав кризис общественного доверия лично Т. Бетман-Гольвегу, а их попытки распространить в обществе мысли о диктатуре, вдохновляемые Г. Классом, позволили кристаллизоваться будущему мифу о фюрере.

³⁰ Ibid. S. 71.

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ Численность Пангерманского союза в годы войны: 1914 г. – 18 тыс. чел.; 1917 г. – 32 тыс. чел.; 1918 г. – 37 тыс. чел. (максимум за всю историю в 1922 г. – около 40 тыс. чел., а дальше спад почти в 2 раза).

Литература

- Фишер 2017 – *Фишер Ф.* Рывок к мировому господству: Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М: РОССПЭН, 2017. 676 с.
- Frech 2009 – *Frech S.* Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann–Grone. Ein völkischer Nationalist (1863–1949). Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2009. 463 S.
- Jackisch 2017 – *Jackisch B.* The Pan-German league and radical nationalist politics in interwar Germany, 1918–1939. Burlington: Routledge, 2017. 220 p.
- Leicht 2012 – *Leicht J.* Heinrich Claß, 1868–1953. Die politische Biographie eines Alldeutschen. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2012. 463 S.
- Schildt 1998 – *Schildt A.* Konservatismus in Deutschland – von den Anfängen im 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. München: C.H. Beck, 1998. 328 S.

References

- Fisher, F. (2017), *Ryвок k mirovomu gospodstvu: Politika voennykh tselei kaizerovskoi Germanii v 1914–1918 gg.* [Germany's aims in the First World War], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Frech, S. (2009), *Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann–Grone. Ein völkischer Nationalist (1863–1949)*, Ferdinand Schöningh Verlag, Paderborn, Germany.
- Jackisch, B. (2017), *The Pan-German league and radical nationalist politics in interwar Germany, 1918–1939*, Routledge, Burlington, UK.
- Leicht, J. (2012), *Heinrich Claß, 1868–1953. Die politische Biographie eines Alldeutschen*. Ferdinand Schöningh Verlag, Paderborn, Germany.
- Schildt, A. (1998), *Konservatismus in Deutschland – von den Anfängen im 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart*, C.H. Beck, München, Germany.

Информация об авторе

Александр А. Турыгин, кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия; 156000, Россия, Кострома, ул. 1 Мая, д. 14а; aturigin@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-0758-6422

Information about the author

Aleksandr A. Turygin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia; bld. 14a, 1st of May St., Kostroma, Russia, 156000; aturigin@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-0758-6422

Китайско-индийские отношения в репрезентациях современных исследователей КНР

Анастасия А. Ломова

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН),
Москва, Россия, lomova.dip@list.ru*

Аннотация. Взаимодействие КНР и Индии после установления дипломатических отношений развивалось неоднородно: периоды активного сотрудничества сменяла конфронтация, а за ними следовала постепенная нормализация. С момента последней смены политического руководства в Китае (в 2012 г. приход к власти Си Цзиньпина) и в Индии (в 2014 г. приход к власти администрации Нарендры Моди) начинается новый виток перехода их отношений от так называемого мирного сосуществования к вооруженному сосуществованию. Прежние надежды на эффективное политическое взаимодействие даже при сохранении высокого уровня экономической кооперации наталкиваются на принципиально разное понимание двумя странами друг друга. Свидетельством этого стал вновь вспыхнувший пограничный конфликт между двумя странами. И если политические круги Индии во многом секьюритизируют китайский вопрос, то позиция КНР в основном строится на восприятии соседа через призму отношений Дели и Вашингтона, а также остроты антикитайской риторики индийских политических кругов. В такой ситуации асимметричный характер отношений сторон можно рассматривать в рамках теории статуса.

Принимая во внимание конфликтный потенциал, китайские эксперты продолжают поиск возможных путей взаимодействия с Индией, делая упор на их историческую общность и общую судьбу, схожие проблемы и взгляды на мировую экономическую и политическую системы.

Ключевые слова: Китай, Индия, США, мировая политика, теория статуса

Для цитирования: Ломова А.А. Китайско-индийские отношения в репрезентациях современных исследователей КНР // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 59–73. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-59-73

China-India relations in the representations of contemporary PRC researchers

Anastasia A. Lomova

*Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO),
Moscow, Russia, lomova.dip@list.ru*

Abstract. Since the establishment of the diplomatic relations, the interaction between the PRC and India has developed unevenly: the periods of active cooperation were followed by confrontation, and a gradual normalization. Since the last change of the political leadership in China (in 2012 Xi Jinping came to power) and in India (in 2014 the N. Modi administration took office), a new path of their relations has begun from the so-called “peaceful coexistence to armed coexistence”. The previous hopes for effective political interaction (even while maintaining a high level of economic cooperation) are met with a fundamentally different understanding of each other by the two countries. The renewed border conflict between the two states has demonstrated that. And if the Indian political circles securitize the Chinese problem, the PRC’s position is mainly based on the perception of its neighbor through the prism of the relations between Delhi and Washington, as well as through the intensity of the anti-Chinese discourse of the Indian elites. In that situation, the asymmetrical nature of the relations between the two sides is considered by researchers within the frame of a status theory.

At the same time, considering the conflict potential, Chinese experts continue to seek the ways of interaction with India, focusing on their historical background and common destiny, the similar problems and views on the global economic and political systems.

Keywords: China, India, USA, developing countries, status theory

For citation: Lomova, A.A. (2024), “China-India relations in the representations of contemporary PRC researchers”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 59–73, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-59-73

Введение

Развитие и подъем КНР стали важнейшими факторами, определяющими трансформацию системы международных экономических и политических отношений XXI в. Вместе с тем внимание ученых и исследователей всего мира привлекает еще один азиатский гигант – Индия. Эти страны являются древнейшими цивилизациями, соседями, стремятся к ведущим позициям на международной

арене. При этом рост конфликтного потенциала отношений КНР и Индии может поставить под угрозу не только их собственные усилия по национальному возрождению и процветанию, но и региональную, а возможно, и глобальную безопасность. Страны очень по-разному воспринимают друг друга, что во многом берет корни в истории их отношений.

Объектом настоящей статьи выступают отношения КНР и Индии, предметом – факторы и особенности китайского восприятия и подхода к взаимодействию между двумя странами.

Новизна исследования заключается в самом его фокусе – изучение восприятия Китайской Народной Республикой ее отношений с Республикой Индия на современном этапе не было предметом особого внимания отечественных специалистов.

Методология подобрана для оптимального достижения целей статьи – используется метод системного и историко-эволюционного анализа, а также метод исторической периодизации и дискурс-анализ.

Гипотеза статьи заключается в том, что особенности восприятия Индии и ее китайского дискурса со стороны КНР строятся на историческом опыте взаимодействия двух сторон с учетом фактора США, но при этом базовой выступает идея о необходимости прямого диалога и расширения взаимодействия между сторонами.

Ключевой вопрос: какие существуют особенности восприятия Китаем Индии и ее китайского дискурса и как они влияют на современное состояние отношений двух стран?

Этапы развития отношений КНР и Индии

Отношения между двумя крупнейшими государствами Азии – Китаем и Индией – за свою современную историю прошли через периоды «бурь и гроз» – от успешного взаимодействия до военного конфликта и нормализации отношений. Условно можно выделить несколько этапов.

Первый этап – 1950–1962 гг.: «Индия и Китай близки, как братья». Дипломатические отношения между КНР и Республикой Индия были установлены 1 апреля 1950 г. Индия стала одной из первых в мире (и первым государством, не принадлежавшим к социалистическому блоку стран), признавшей новое правительство Китая. Динамичное развитие китайско-индийских отношений строилось в духе нерувианства и в рамках Движения неприсоединения. Обе стороны продвигали в своей политике Пять принципов

мирного сосуществования и эффективно взаимодействовали в продвижении сотрудничества развивающихся стран вне блоковых систем и противостояния СССР и США.

Второй этап – 1962–1988 гг.: «война и постепенное восстановление». Все изменилось в 1962 г., когда на китайско-индийской границе разгорелся крупномасштабный вооруженный конфликт. Началом столкновения послужила политика «зеркальных действий» [Толмачев 2016, с. 73], а также концептуально разное отношение сторон к имеющимся спорным вопросам. Еще до усиления конфронтации индийцы призывали Пекин «не поднимать проблему там, где ее нет, так как пограничный вопрос между двумя странами давно был решен, подтверждением чему служат исторические документы и соглашения» [Толмачев 2016, с. 73]. В свою очередь, как утверждает Ю. Толмачев, «если учесть, что Китай не признавал линию Макмагона на восточном секторе границы, а средний и западный секторы границы никогда не определялись никакими юридическими договорами, то тогда пограничный вопрос действительно существовал» [Толмачев 2016, с. 74]. Военный конфликт завершился поражением индийских войск и ухудшением отношений между двумя странами, самым значительным за их современную историю. С того времени Аксайчин (тогда территория бывшего штата Джамму и Кашмир в индийской интерпретации), а также Южный Тибет (индийское название Аруначал-Прадеш) сохраняют статус спорных регионов: ни Индия, ни Китай не признают суверенитет друг друга над этими территориями, считая их исключительно своими, хотя фактически контроль разделен.

Третий этап – 1988–2013 гг.: «конструктивное сотрудничество». Десятилетие спустя стороны возобновили обмен послами, а дипломатический прорыв 1988 г., связанный с визитом премьер-министра Индии Раджива Ганди в Китай, стал началом нового этапа отношений двух стран. Вместе с тем менялись и внешняя ситуация, и внутривнутриполитические условия обеих стран – распад СССР и последующая трансформация мировой политической и экономической архитектуры, экономический рост Китая и развитие самой Индии. Отношения двух стран стали рассматриваться не только в контексте их двустороннего взаимодействия, но и с точки зрения влияния на Азиатский регион – важнейший для экономического развития обеих стран.

Так КНР и Индия перешли к эпохе конструктивного взаимодействия, что выразилось в подписании следующих документов: «Декларация о принципах китайско-индийских отношений и всестороннего сотрудничества» 2003 г., совместное заявление «Об установлении отношений стратегического партнерства и сотрудни-

чества во имя мира и процветания» 2005 г., совместное заявление «О десяти пунктах по углублению отношений стратегического партнерства и сотрудничества» 2006 г.¹ Отношения продолжали активно развиваться: Китай и Индия начали сотрудничать по линии ШОС, БРИКС, «Группы двадцати», а также в рамках других международных механизмов.

Четвертый этап – 2013–2023 гг.: «новые элиты: от “мирного сосуществования к вооруженному сосуществованию”»². Новый период в двусторонних отношениях связан с приходом к власти в КНР Си Цзиньпина (2012), в Индии – Нарендры Моди (2014).

Содержание китайско-индийских отношений в этот период стало отвечать классическому примеру «азиатского парадокса», когда экономическое измерение двусторонних отношений опережает политическую динамику. В 2000 г. двусторонний товарооборот составлял 2,9 млрд долл. США, в 2014-м – 70 млрд долл. США, в 2022-м – 136 млрд долл. США. При этом для Индии неизменно пропорционально рос дефицит торгового баланса, который в 2022 г. составил более 100 млрд долл. США³.

В 2020 г. между КНР и Индией вновь вспыхнул пограничный конфликт, всколыхнув старые обиды и обнажив неурегулированные вопросы. По состоянию на декабрь 2023 г. стороны «договорились договариваться» – то есть поддерживать диалог по линии военных и дипломатов для сохранения мира и спокойствия на линии фактического контроля⁴. Однако в ближайшей перспективе ни одна из сторон не готова к компромиссу – единственному возможному пути решения пограничных вопросов. Причины этого заключаются в стратегическом расположении конфликтной области с точки зрения геополитики и политической географии, а также в достаточной силе и политической воле двух сторон «не уступить

¹ 中国同印度的关系 [Отношения Китая и Индии]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/sbgx_677224/ (дата обращения 24 декабря 2023).

² Madan T., Gokhale V., Menon S. A big-picture look at the India-China relationship // The Brookings Institution. September 20, 2023. URL: <https://www.brookings.edu/articles/a-big-picture-look-at-the-india-china-relationship/> (дата обращения 24 декабря 2023).

³ India China bilateral trade. URL: https://www.eoibeijing.gov.in/eoibeijing_pages/MjQ (дата обращения 24 декабря 2023).

⁴ 国防部：中印两军在莫尔多/楚舒勒会晤点印方一侧举行第十九轮军长级会谈 [Минобороны: военные Китая и Индии провели 19-й раунд переговоров на уровне командиров]. URL: <https://m.huanqiu.com/article/4E8fIm16Mx> (дата обращения 5 января 2024).

ни ли земли»⁵. Кроме того, для КНР любые уступки в территориальном вопросе могли бы быть восприняты как прецедент и для других участников территориальных споров с Китаем (например, в Южно-Китайском или Восточно-Китайском морях). Что касается Индии, «активные действия Китая расцениваются Нью-Дели как нарушение статус-кво, что с учетом многочисленных территориальных споров между КНР и Индией вызывает беспокойство у индийского руководства. Наконец, не стоит сбрасывать со счетов известный реваншизм ряда военных и политических кругов в Нью-Дели, заинтересованных в том, чтобы заретушировать поражение Индии в войне 1962 г.»⁶.

Столкновения на границе привели к новому охлаждению двусторонних отношений, а такие сопутствующие факторы, как подъем национального самосознания обеих стран, значительный рост их экономик, повышение значимости КНР и Индии в международных делах и, наконец, возникновение ситуации стратегической конкуренции между Китаем и США, углубили разницу стратегического восприятия странами друг друга.

Исследователи мировой политики задаются вопросом: «Почему сильные лидеры, такие как Си и Моди, не смогли восстановить отношения? И как мы объясним сохраняющуюся напряженность в двусторонних отношениях?» [Pu Xiaoyu 2022, p. 227].

По мнению Пу Сяюй, новый этап взаимодействия КНР и Индии проходит не в рамках классической «дилеммы безопасности», ученый предлагает рассмотреть его через призму теории статуса. Он придерживается определения, что статус можно обозначить как «коллективные представления о месте данного государства по оцениваемым характеристикам (богатству, возможностям использования принудительных мер, культуре, демографической ситуации, социально-политической организации и дипломатическому влиянию)» [Wolf 2011, p. 105].

Ученый утверждает, что поскольку статус – это позиционное благо, ограниченный и неделимый ресурс, то теория статуса применима тогда, когда одно государство намерено изменить статус-кво, чтобы получить более высокий статус по сравнению с другим государством. Пу Сяюй формулирует дилемму статуса следующим

⁵ Ли (里) – китайская единица измерения расстояния.

⁶ *Куприянов А.В.* Конфликт на плато Доклам: причины и возможные последствия // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/konflikt-na-plato-doklam-prichiny-i-vozmozhnye-pos> (дата обращения 24 декабря 2023). См. также [Куприянов 2020].

образом: «Когда действие государства А по совершенно другим причинам воспринимается государством Б как угроза его статусу, государство Б предпринимает ответные действия, которые А воспримет как угрозу своему статусу» [Pu Xiaoyu 2022, p. 231].

Определенные подтверждения этой теории мы находим в китайско-индийских отношениях на современном этапе.

Индия, обеспокоенная интенсивным развитием Китая, воспринимает его как непосредственную угрозу (иногда экзистенциальную), что лишь обострилось с началом столкновений на границе. Эту идею в видении индийских политиков подкрепляют усиление военной мощи КНР в Индоокеанском регионе и сопряжение взаимодействия по линии «Один пояс – один путь» (ОПОП) со странами региона (самым провокационным примером сотрудничества из которых для Дели является взаимодействие по оси Пекин – Исламабад). При этом Пояс и Путь – один из самых масштабных проектов Китая, участниками которого являются уже более 150 стран (Индия не входит в число стран-участниц ОПОП).

Именно Индоокеанский «домашний» для Индии регион представляет особую значимость для развития ее стратегических возможностей и реализации внешнеполитической стратегии [Куприянов 2020, с. 136], но, с другой стороны, является важным и для КНР – с точки зрения реализации Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века и построения новых цепочек поставок. Министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар заявил: «Подъем Китая – это реальность, но есть и другая реальность – подъем Индии»⁷.

Пу Сяоюй называет это «асимметрией силы»: статусный разрыв ведет к тому, что Индия чрезмерно чувствительна к действиям КНР, а Китай, в свою очередь, менее чувствителен к действиям Индии и не рассматривает ее как значительную угрозу [Pu Xiaoyu 2022, p. 240]. Асимметрия силы ведет к разной реакции двух стран на кризисы и росту напряженности в их отношениях, а также ведет к неправильному восприятию странами друг друга: «Обе стороны обвиняют друг друга в создании и сохранении напряженности и считают, что инициатива урегулирования должна исходить от противоположной стороны» [Шаумян 2022, с. 146].

Сам же Китай недоволен построением сети формальных и неформальных, имеющих тенденции к милитаризации союзов под предводительством США и с участием стран региона, активность

⁷ *Chakraborty A.* Envoys' talks seen to boost ties with India // China Daily. 06.12.2023. URL: <https://epaper.chinadaily.com.cn/a/202312/06/WS656fc039a310d4219e3aa926.html> (дата обращения 7 января 2024).

которых направлена на сдерживание КНР, и называет их «Азиатским НАТО». При этом администрация Дж. Байдена отводит Индии ведущую роль в реализации американской стратегии в Индоокеанском регионе.

Пу Сяоюй считает, что «Индия склонна переоценивать статусные амбиции и роль Китая» и его стремление стать гегемоном Азии, и считает неверным восприятие китайско-индийских отношений как «игры с нулевой суммой» [Pu Xiaoyu 2022, pp. 240–241]. Он отмечает, что восприятие Индией Китая в целом более негативное и конкурентное, чем восприятие Индии со стороны КНР.

Китайский дискурс индийских политических кругов

Исследования Индии в китайской академической среде, как правило, имеют в своем фокусе либо исторические аспекты, религию и другие культурно-гуманитарные особенности взаимодействия двух стран, либо же направлены на изучение и сравнение позиций двух стран по международным вопросам. Изучение непосредственно политики Индии в отношении КНР в публичном академическом дискурсе весьма ограничены, что обусловлено историческими особенностями развития их двусторонних отношений.

Среди немногочисленных исследований интерес представляет одна комплексная работа специалистов Шанхайского университета политических наук и права (Ван Вэньцзя и Ван Вэйминь), которые изучили «китайский дискурс» индийских политиков. Это позволит нам несколько приблизиться к пониманию восприятия Индии академическими кругами КНР.

Исследователи отмечают, что за период правления администрации Н. Моди политика Индии в отношении КНР перешла от идеи «конструктивного взаимодействия» к явно выраженному «антикитайскому» курсу, от прагматизма к ультранационализму, а в стратегической конкуренции между Китаем и Соединенными Штатами Индия выбирает «высокорискованный оппортунизм» (то есть продолжает движение в сторону более близкого альянса с США). Они отмечают, что текущее поведение политических кругов «иррационально и радикально»⁸.

⁸ 王文佳、汪伟民：印度战略界对华策略论争研究 [Ван Вэньцзя и Ван Вэйминь: исследование дискуссий стратегических кругов Индии в отношении Китая] // Fudan Institute. 22.11.2021. URL: https://brgg.fudan.edu.cn/articleinfo_4270.html (дата обращения 24 декабря 2023).

В этих условиях китайские ученые условно разделяют политические элиты Индии на ультранационалистов, прагматиков и пацифистов. Для отображения базовых ориентиров каждого течения выделяются основные представители-политики, их отношение к Китаю, пограничному вопросу и позиция по индийско-американским отношениям.

Первая группа – ультранационалисты. По мнению китайских специалистов, ультранационализм исторически строится на геополитических концепциях мандалы, а в современной политике – на идее «Индия прежде всего» (India first). Ученые отмечают, что по пограничным вопросам они выступают за восстановление четкой линии фактического контроля и создание ситуации прямой зависимости нормализации отношений между двумя странами с решением пограничных споров, установив для этого четкие временные рамки. Китай рассматривается как «долгосрочная угроза» для Индии, и поэтому представители этой фракции выступают за стратегию конфронтации и сдерживания Китая, для чего в Азиатско-Тихоокеанском регионе должны быть созданы военные альянсы с заинтересованными державами⁹. Представителями этой группы, по мнению китайских исследователей, являются, например, советник премьер-министра Индии по национальной безопасности Аджит Довал и министр иностранных дел Индии Субраманьям Джайшанкар.

Вторая группа – прагматики. В рамках прагматизма Индия и Китай рассматриваются как конкуренты. При этом особая роль отводится идее «неприсоединения» как важнейшей основе внешнеполитической стратегии Индии. Это позволяет ей принимать решения исходя из собственных интересов, не будучи ограниченной крупными державами или группами стран. Ван Вэньцзя и Ван Вэйминь считают, что индийские прагматики «признают, но не преувеличивают “китайскую угрозу”», а важность пограничных вопросов в китайско-индийских отношениях считают второстепенной, поскольку «ни одна из них не готова фундаментально изменить статус-кво на границе»¹⁰. Значительное внимание при этом уделяется стратегической конкуренции между Китаем и США, которая, однако, сама по себе не ведет к возникновению «автоматических преимуществ для Индии»¹¹. Прагматики, по мнению китайских ученых, ищут идею «стратегического баланса» – Индии необходимо поддерживать контакты с Китаем и Соединенными

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

Штатами одновременно и обеспечить, чтобы Индия находилась в таком положении, когда ее двусторонние отношения с Китаем и Соединенными Штатами были бы лучше, чем отношения последних двух друг с другом. Основными представителями этой группы, по мнению китайских исследователей, являются бывшие министры иностранных дел Индии Шьям Саран и Шившанкар Менон, а также бывший посол Индии в Китае Нирупама Рао.

Третья группа – пацифисты. «Сегодняшний идеализм – это завтрашний реализм» [Gupta 1972, p. 360] – пацифисты, как отмечают Ван Вэньцзя и Ван Вэйминь, критически относятся к силовой политике, призывают к выходу за ее рамки посредством механизмов коллективной безопасности и укрепления международных институтов. Китайские исследователи считают, что для этой группы индийских политиков ключевым вопросом в «Азиатском веке» будет то, смогут ли Китай и Индия, две крупнейшие державы, помочь обеспечению мира и стабильности во всем мире. Что касается пограничного вопроса, то «Индия упустила ценную возможность избежать войны и мирным путем определить свою границу с Китаем, а продолжающееся размещение индийским правительством обычных вооруженных сил на границе является проявлением “неспособности мыслить за пределами традиционного мышления”, что в целом подрывает перспективы сотрудничества между двумя странами в других областях»¹². Идеи пацифистов строятся на возможности мирного развития двух стран. В вопросе выбора Индии в стратегической конкуренции между Китаем и США Ван Вэньцзя и Ван Вэйминь считают, что для представителей этого течения поворот правительства Н. Моди к США нарушил китайско-индийские отношения, и поскольку в настоящее время Китай фактически окружен Соединенными Штатами и их союзниками, то его желание укрепить свою периферийную безопасность вполне обоснованно. Основными представителями этой группы названы политический аналитик и бывший советник премьер-министра Индии Санджая Бару, а также политик и обозреватель Судхендра Кулкарни.

Китайские исследователи считают, что, «судя по текущим публичным текстам крупнейших стратегических аналитических центров Индии и основных средств массовой информации, побеждает ультранационализм», но в то же время отмечают несоответствие идей ультранационализма политической традиции Индии. Они отмечают, что «с исторической точки зрения, как пацифизм, так и прагматизм были основными идеями в стратегических кругах Индии и сыграли роль в успешном достижении независимости Индии

¹² Ibid.

и ее экономическом подъеме»¹³, тем самым выражая надежду на возвращение Индии к этим идеям. Кроме того, ученые обобщают взгляды китайских политических кругов на отношения КНР и Индии, также условно разделяя их на группы «традиционной дружбы», «непримиримых противоречий» и «параллельного подъема»¹⁴.

Китайские исследователи, очевидно, отдают свои предпочтения пацифистам и прагматикам, а как результат своей работы по изучению восприятия Китая индийскими политическими кругами предлагают, во-первых, укреплять китайско-индийский стратегический диалог, что должно создать новую основу для развития двусторонних отношений, а во-вторых, использовать ресурсы Китая для содействия развитию Индии, а не следовать стратегии реагирования на «китайскую угрозу».

Эта же логика прослеживается в статье «Эволюция китайско-индийских отношений и пути выхода из сложившейся ситуации» за авторством директора Азиатско-Тихоокеанского департамента Института международных исследований Китая младшего научного сотрудника Лань Цзяньсюэ. Он выделяет пять негативных стратегий, которые использует правительство Индии в отношении Китая: цифровое подавление (запрет работы ряда китайских приложений), ограничение китайских инвестиций и запрет использования китайского оборудования, бойкотирование китайских товаров, препятствование работе китайских СМИ и манипулирование такими вопросами, представляющих «особую озабоченность» для КНР, как Тайвань и Тибет [Лань Цзяньсюэ 2023, р. 68]. Исследователь также особо подчеркивает важность фактора США, называя его основной причиной текущего «антикитайского» политического курса Индии. В долгосрочной перспективе Лань Цзяньсюэ признает значительный потенциал развития обеих стран и рассматривает КНР и Индию как «двух героев, стоящих бок о бок». Исследователь считает, что они смогут преодолеть влияние иностранных сил и вернуться к ситуации здоровой конкуренции. Он полагает, что китайско-индийское взаимодействие должно строиться на основе идеи совместного развития, а в качестве базового ориентира рассматривает нормализацию отношений между странами на основе принципов 1988 г.

Нарратив необходимости более тесного индийско-китайского сотрудничества характерен и для работ других ученых КНР, в академических кругах которой вполне естественно повышается интерес к Индии. Специалисты, как правило, все еще рассматривают ее как крупную региональную развивающуюся державу

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

(с тенденцией стать великой державой, но пока не являющейся таковой¹⁵). При этом ученые изучают не только «факторы политического, дипломатического, экономического и военного развития Индии»¹⁶, но и, например, сравнивают модель ее экономического роста с китайской¹⁷, признавая ее значительный потенциал. Идеальным вариантом взаимодействия для китайских специалистов представляется поддержка Индией ОПОП¹⁸ и сотрудничество сторон в регионе Индийского океана¹⁹.

Однако следует отметить ужесточение риторики со стороны некоторых китайских экспертов. Исполнительный директор Института Южной Азии Китайской академии современных международных отношений ученый Лоу Чуньхао призывает Индию определиться со стратегическим курсом. По его мнению, многовекторная дипломатия Индии, основанная на позиционировании себя одновременно «и как страны Юга, и как страны Запада» (где под «Западом» имеется в виду поддержка демократических ценностей, а «Югом» – лидерство среди развивающихся стран), рано или поздно зайдет в стратегический тупик²⁰. Он отмечает, что Индии

¹⁵ 王世达: 世界百年变局中的印度大国梦 [Ван Шида: мечта Индии стать великой державой в столетие перемен] // Fishnet. 13.09.2023. URL: <http://comment.cfsnet.com/2023/0913/1328602.html> (дата обращения 24 декабря 2023).

¹⁶ 印度问题 学术研讨会在浙江杭州举行 [Индийские вопросы: научный семинар прошел в Ханчжоу, провинция Чжэцзян]. 13.10.2023. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202310/t20231013_5690276.shtml (дата обращения 24 декабря 2023).

¹⁷ 多面全球化 – 国际发展的新格局 [Многогранная глобализация – новая структура международного развития]. 12.10.2023. URL: https://www.cssn.cn/dsskhs/skhs_xstj/202310/t20231012_5690101.shtml (дата обращения 24 декабря 2023).

¹⁸ 共建“一带一路”前景更加值得期待 [Еще больше ожиданий от перспектив совместного строительства «Пояса и пути»]. 18.10.2023. URL: https://www.cssn.cn/skwxsd/gjhy/202310/t20231018_5691196.shtml (дата обращения 24 декабря 2023).

¹⁹ 印度洋地区发展报告(2022)(蓝皮书)发布会举行 [Пресс-конференция «Отчет о развитии региона Индийского океана (2022 г.) (Синяя книга)»]. 03.06.2023. URL: https://www.cssn.cn/skwxsd/hyrl/hyxx/202306/t20230606_5643089.shtml (дата обращения 24 декабря 2023).

²⁰ 楼春豪: 印度战略投机“多头下注”能持久吗 [Лоу Чуньхао: Как долго смогут продолжаться стратегические спекуляции Индии?]. 15.09.2023. URL: <https://m.huanqiu.com/article/4EXiIyXZjXp> (дата обращения 24 декабря 2023).

невозможно «получить всестороннюю помощь от США, обеспечив при этом стратегическую независимость»²¹. В своей публикации он выделяет два критически важных момента, в которых, как предполагается, должны отдавать себе отчет политические элиты Индии: первый – не хочет ли, а *может ли* Индия противостоять Китаю в долгосрочной перспективе, и второй – не будет ли она в случае своего успешного развития следующей «мишенью» Вашингтона, как ею сегодня стал Китай.

Заключение

Взаимодействие КНР и Индии с момента установления дипломатических отношений развивалось неоднородно. Ухудшение двусторонних отношений после пограничной войны 1962 г. оказывает существенное влияние и на их современное состояние: взаимное доверие было подорвано и так и не было восстановлено до прежнего уровня. Изменение международной обстановки, связанное с распадом СССР, а также развитием обеих стран добавило новый импульс их взаимодействию, что прежде всего выразилось в активизации их экономических связей (в 2013 г. Китай занимает место ведущего торгового партнера Индии, уступая его лишь в отдельных годах США).

Асимметрия в китайско-индийских отношениях проявляется в стратегических подходах двух стран по отношению друг к другу. Смена политических элит в обеих странах в 2012 и 2014 гг., экономическое развитие Китая и Индии, возникновение стратегической конкуренции между КНР и Соединенными Штатами, подпитанные ростом национального самосознания и переоценкой исторического наследия, привели к усилению расхождения стратегических курсов и росту конфликтного потенциала Китая и Индии. Это отразилось в активизации пограничных столкновений между двумя странами.

Отвечая на ключевой вопрос статьи, необходимо отметить, что китайские академические круги уделяют внимание изучению восприятия Индией КНР и следят за развитием «китайского дискурса» ее политических кругов, предлагают свои сценарии взаимодействия с ними. Китайские исследователи продолжают поиск возможных сфер сотрудничества двух стран на основе их исторической общности и совместных интересов развития, полагая, что их успешное взаимодействие послужит во благо народов Китая

²¹ Ibid.

и Индии. Значительную роль китайские исследователи отводят фактору США, считая его одной из основных причин, препятствующих нормализации двусторонних отношений. Вместе с тем за скобками китайская сторона оставляет наследие пограничной войны 1962 г., спекуляции вокруг которой питают антикитайский дискурс и влияют на важнейшие императивы внешней политики Индии в отношении КНР.

Литература

- Куприянов 2020 – *Куприянов А.В.* Индия и Китай: игра с ненулевой суммой // *Мировая экономика и международные отношения.* 2020. Т. 64. № 6. С. 133–141.
- Толмачев 2016 – *Толмачев Ю.О.* Китайско-индийский пограничный конфликт в 1962 г. // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.* 2016. № 2 (51). С. 73–82.
- Шаумян 2022 – *Шаумян Т.Л.* Индия на глобальных перекрестках // *Свободная мысль.* 2022. № 2 (1692). С. 144–155.
- Gupta 1972 – *Gupta S.R.* Indian non-alignment // *India Quarterly: A Journal of International Affairs.* 1972. Vol. 28. No. 4. P. 358–363.
- Pu Xiaoyu 2022 – *Xiaoyu P.* The status dilemma in world politics. An anatomy of the China – India asymmetrical rivalry // *The Chinese Journal of International Politics.* 2022. Vol. 15. No. 3. P. 227–245.
- Wolf 2011 – *Wolf R.* Respect and disrespect in international politics. The significance of status recognition // *International Theory.* 2011. Vol. 3. No. 1. P. 105–142.
- Лань Цзяньсюэ 2023 – 蓝建学. 中印关系嬗变及出路// *国际问题研究*, 2023 年第 3 期 55 – 73 [Лань Цзяньсюэ. Эволюция китайско-индийских отношений и пути выхода из сложившейся ситуации // *Международные исследования.* 2023. № 3. С. 55–73.]

References

- Gupta, S.R. (1972), “Indian non-alignment”, *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, vol. 28, no. 4, pp. 358–363.
- Kupriyanov, A. (2020), “India and China: the non-zero-sum game”, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no. 6, pp. 133–141.
- 蓝建学. 中印关系嬗变及出路// *国际问题研究*, 2023 年第 3 期 55 – 73 [Lan, J. (2023), “The evolution of Sino-Indian relations and the way out of the current situation”, *International Studies*, vol. 3, no. 3, pp. 55–73].
- Pu, X. (2022), “The status dilemma in world politics. An anatomy of the China–India asymmetrical rivalry”, *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 15, iss. 3, Autumn, pp. 227–245.

- Shaumyan, T. (2022), "India at global crossroads", *Svobodnaya mysl'*, vol. 1692, no. 2, pp. 73–82.
- Tolmachev, Yu.O. (2016), "China–India conflict in 1962", *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, vol. 51, no. 2, pp. 73–82.
- Wolf, R. (2011), "Respect and disrespect in international politics. The significance of status recognition", *International Theory*, vol. 3, no. 1, pp. 105–142.

Информация об авторе

Анастасия А. Ломова, кандидат политических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), Москва, Россия; 123007, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; lomova.dip@list.ru
ORCID: 0009-0004-3178-7480

Information about the author

Anastasia A. Lomova, Cand. of Sci. (Political Science), Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russia; bld. 23, Profsouznaya St., Moscow, Russia, 117997; lomova.dip@list.ru
ORCID: 0009-0004-3178-7480

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.8(73)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-74-85

The influence of US policy on the formation of a common approach between Iran and Russia to resolve the Syrian crisis

Zahra Ghiasi

*The cultural representation in the Embassy of Iran in the Russian Federation,
Moscow, Russia, zhr.ghiasii@gmail.com*

Abstract. After the dissolution of the Soviet Union, the US has always played the most important and influential role in the Iran-Russia relations. From the second half of the 1990s, one of the US foreign policy priorities has constantly been on the separation and divergence in the Iran-Russia relations, for which the US spared no efforts. Since the synergy of powers between the two countries and their anti-unipolar policies have always been a serious threat to the US hegemony at a global level, by the beginning of the Syria crisis in late 2010, following the Arab Spring, the US interests and goals were directly at odds with Iran's and Russia's political and security interests. The goals of Washington in the Syria crisis included: the decline of the Syrian government, the overthrow of Bashar al-Assad, and an effort to establish a pro-Western government to eliminate the sole ally of Russia after the dissolution of the Soviet Union, and also to prevent Iran's regional penetration, particularly its proxy groups like Hezbollah. For achieving these goals, Washington has profited from its allied countries in the region, such as Saudi Arabia, Qatar, and Turkey, as a front line. The US strategy in Syria not only exacerbated the crisis but also provided a situation in which Iran and Russia achieved their highest level of military and security cooperation in the past three decades. And it was precisely the same incident that the US considered a serious threat to its national interests and policies. Although Iran and Russia have pursued specific and sometimes contradictory interests, in the end, focusing on common goals and threats – arising from the Syrian crisis – they were able to cooperate effectively and take a new step in building a strategic unity.

Keywords: Iran, Russia, Syrian crisis, United States of America, Middle East

© Ghiasi Z., 2024

For citation: Ghiasi, Z. (2024), "The influence of US policy on the formation of a common approach between Iran and Russia to resolve the Syrian crisis", *RSUH/RGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 74–85, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-74-85

Влияние политики США на формирование общего подхода Ирана и России к разрешению сирийского кризиса

Гияси Захра

*Культурное представительство Посольства Ирана в РФ,
Москва, Россия, zhr.ghiasii@gmail.com*

Аннотация. После распада Советского Союза США всегда играли самую важную и влиятельную роль в отношениях Ирана и России. Со второй половины 90-х годов одним из приоритетов внешней политики США постоянно был раскол и расхождение в ирано-российских отношениях, для чего США не жалели сил. Поскольку синергия держав двух стран и их антиоднополярная политика всегда представляли серьезную угрозу гегемонии США на глобальном уровне, к началу сирийского кризиса в конце 2010 г., последовавшего за «арабской весной», интересы и цели США прямо противоречили политическим интересам и интересам безопасности Ирана и России. Цели Вашингтона в сирийском кризисе включали в себя: падение сирийского правительства, свержение Башара Асада и попытку создать прозападное правительство для устранения единственного союзника России после распада Советского Союза, а также чтобы предотвратить региональное проникновение Ирана, особенно групп, поддерживаемых Ираном, таких как «Хезболла». Для достижения этих целей Вашингтон воспользовался преимуществами своих стран-союзников в регионе, таких как Саудовская Аравия, Катар и Турция, в качестве линии фронта. Стратегия США в Сирии не только усугубила кризис, но и создала ситуацию, в которой Иран и Россия достигли самого высокого уровня сотрудничества в военной сфере и сфере безопасности за последние три десятилетия. И именно этот инцидент США посчитали серьезной угрозой своим национальным интересам и политике. Хотя Иран и Россия преследовали конкретные, а иногда и противоречивые интересы, в конечном счеде, сосредоточившись на общих целях и угрозах, возникших в результате сирийского кризиса, они смогли эффективно сотрудничать и сделать новый шаг в построении стратегического единства.

Ключевые слова: Иран, Россия, сирийский кризис, Соединенные Штаты Америки, Ближний Восток

Для цитирования: Ghiasi Z. The influence of US policy on the formation of a common approach between Iran and Russia to resolve the Syrian crisis [Влияние политики США на формирование общего подхода Ирана и России к разрешению сирийского кризиса] // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 74–85. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-74-85

Introduction

During the last three decades, Iran and Russia have had vicissitudinous relations in which the US played a major role in their convergence or divergence. What is evident is Washington's attempts at building tension and diverging Iran-Russia relations. The first footprints of such attempts can be seen at the Gore–Chernomyrdin commission in 1995. This diplomacy, which resulted in a four-billion-dollar economic loss to Russia and the isolation of Iran, led to a kind of distrust in their future relations. Washington has followed this diplomacy with its other Middle East allies such as Saudi Arabia and Israel.

However, with the onset of the Arab Spring and the spread of protests to Syria as the remaining ally for Russia from the era of the Soviet Union and the sole strategic ally for the Islamic Republic of Iran, a new path began in Iran–Russia relations. With the direct and indirect entry of regional and trans-regional forces and the formation and progression of terrorist groups such as ISIS* and Jabhat an-Nusra**, Iran and Russia's national and security interests were in danger. Contrary to Washington's expectations and forecasts, with the military entry of Russia into the Syria crisis in September 2015 and the beginning of military and political cooperation between Moscow and Tehran, these two countries formed a single front to confront shared threats.

Taking a look at the US role in Iran-Russia relations

After the dissolution of the Soviet Union, the US has always played the most important and influential role in Iran-Russia relations. Even relations between countries like Saudi Arabia, Turkey, and Europe with Iran and Russia have been affected by the United States.

Policies of the Russian Federation in the initial years after the dissolution of the Soviet Union – in Yeltsin's government – were aimed

*Признана в России террористической организацией.

**Признана в России террористической организацией.

at normalizing relations with the West and depreciating the East in the dominant Euro-Atlantic discourse that in turn was regarded as the most favorable alternative for Washington officials. In particular, these policies aimed at diverging from the Islamic Republic of Iran in the Middle East – as an independent country – which was even promoting anti-Western policies in the region. In essence, Washington, in addition to isolating Iran, could also begin its separatist policies over Iran-Russia relations by exerting influence over Kremlin officials, something which has been on the US agenda since the second half of the 90s [Roy 2004]. The first fruits of US efforts are observable in the Gore–Chernomyrdin commission, signed between the US and Russia in Washington in 1995¹. According to the commission, Russia was committed to putting an end to its prior military contracts with Iran until 1999 without entering into any new arms deals with it. However, the rise of Vladimir Putin to power, on the one hand, and the focus of dominant Russian elites and officials on Eurasianism, on the other hand, led to the formation of multilateral policies and freedom from commitment to the West. In reality, Kremlin officials concluded that for ending the unipolar order shaped by the United States of America, it was necessary to put the Look to the East policy on their agenda to reduce US power. As a result of changing such perspective, Russia has to strive to follow good relations and new cooperation with independent actors who do not have strategic convergence with the West. Thus, the relationship with the Islamic Republic of Iran, which has an independent policy from the West and is the leading opposer of US policies, particularly in the Middle East, has doubled in importance. By pursuing the new policy, Washington felt threatened by the close relationships between the two countries and put some measures on the table. Washington efforts to create a divergence in Tehran–Moscow relations included: The Gore–Chernomyrdin commission in 1995, to prevent the delivery of the Russian research reactor to Iran in 1998, to emphasize the danger of Shiite thinking, especially its spread to the North Caucasus and Post-Soviet states, to put Russia under duress in canceling the delivery of the S-300 missile defense system, to encourage Russia to vote against Iran in the United Nations Security Council Resolution in 1929, and to fine Russia if it tries to have close relationships with Iran, for instance sanctioning Russian companies connected with Iran, like the sanction of ROSOBORONEXPORT company (the Russian state company in

¹ Broder J.M. Despite a secret Pact by Gore in '95, Russian arms Sales to Iran Go On // NY Times. 13.10.2000. URL: <https://www.nytimes.com/2000/10/13/world/despite-a-secret-pact-by-gore-in-95-russian-arms-sales-to-iran-go-on.html> (Accessed 18 Oct. 2023).

exports and defense-related products) in 2006 [Shad 2019]. But after more cooperation and close relationships between Iran and Russia since 2015, the pursuit of earlier plans intensified, resulting in new measures to escalate tension in their relations. Following is a brief discussion of a few of these new measures:

- to encourage the Israel and Arab states of the Persian Gulf, especially Saudi Arabia, to increase their trades with the Russian Federation and convince Kremlin officials to overthrow Bashar al-Assad and not comply with Iran;
- Donald Trump promised to lift Russian sanctions if the Kremlin prevents Iran from penetrating the region;
- imposing joint sanctions against Iran and Russia²;
- to emphasize the threat of an independent and powerful Iran for Russia, especially Iran's potential replacement for exporting gas to Europe instead of Russia;
- focusing on the occidental front in Iran and Russia, who believe in the trustworthiness of the United States and its extensive capacity to enhance the internal situation of both countries;
- making use of Media potentials, especially Hollywood, for showing a dangerous, unreliable, and unpredictable figure from Russian officials;
- to provoke the feelings of Iranian and Russian people against each other by stressing historical records, especially the Treaties of Gulistan and Turkmenchay, also utilizing independent and dependent media and news agencies;
- using the capacities of the countries that comply with the United States of America to pose barriers to the expansion of relations between Iran and Russia, especially when it comes to nuclear, military, and technical cooperation.

Furthermore, the United States House of Representatives, via the National Defense Authorization Act for Year 2017, devoted a budget for monitoring the level and type of cooperation between Iran and Russia. Accordingly, the United States secretary of defense and secretary of state had to deliver a report jointly about Iran-Russia cooperation to Congress. Briefly, topics included in the report are: the level of interaction between two countries concerning the Iran Ballistic Missile Program; to survey *the Information Exchange Center* that was

² *Solomon J.* U.S. eyes Russia-Iran split in bid to end Syria conflict: Washington Middle East allies aim to coax Putin to support limits on Tehran-backed Assad time in power // Wall Street Journal. 19.11.2015. URL: <https://www.wsj.com/articles/u-s-eyes-russia-iran-split-in-bid-to-end-syria-conflict-1447895357> (Accessed 18 Oct. 2023).

established in Baghdad by Iran, Russia, Syria, and Iraq; to analyze maritime cooperation between Iran and Russia, and the conduct of joint naval maneuvers between these two countries, especially its effect on the expansion of Russian naval forces in the East of the Mediterranean Sea and Iran naval forces in the Persian Gulf; to observe the cooperation between two countries since the onset of the Syrian crisis; to examine the level of collaboration between Russia and Hezbollah³.

The Syria crisis and the US strategy

By looking at the history of relationships between Syria and the United States of America, it becomes evident that Syria has been of great importance for the US from the beginning to meet Israel's security, and then for approaching the Eastern bloc and signing various military as well as economic contracts. After the September 11 attacks, Syria was on the top of the list of countries introduced as dangerous enemies of the United States. More specifically, the US asked Syria to close the agencies of Hamas and the Islamic Jihad Movement in Palestine, which in the US and its allies' perspective, were considered terrorist organizations. However, when Syria refused to undertake such an action, and especially after the occupation of Iraq when Syria allowed thousands of resistance volunteers to enter into Iraq from its border, as well as when almost one million Iraqis sought asylum in Syria, the relationship between the two countries deteriorated [Ahmadi, 2010]. Therefore, the US sanctions against Syria started, and its economic problems aggravated than ever before.

With the onset of the Arab Spring from the Southwest of Asia and North Africa in 2010, the course of changes in the Middle East intensified. Due to several factors, including strategic position, economic problems, ethnic and tribal cleavages, the growth of Islamic extremism, and foreign intervention, Syria was one of the countries deeply involved in the crisis [Mirkushesh, Nokande, Kalai 2018]. But among all the countries involved in the crisis, Syria was the only country where immediately after the inception of mass protests in Daraa, it delved into parallel armed conflicts simultaneously. Protesters quickly became armed with all kinds of weapons, and terrorist groups transferred speedily to Syria. For a short while, armed conflicts extended to various Syrian cities. Such circumstances did not happen in

³ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/2943/text> (Accessed 18 Oct. 2023).

any other countries involved in the crisis of the Arab Spring. From the beginning of the Syria crisis, the US policy was that its allied regional countries – especially Saudi Arabia, Turkey, and Qatar – proceed with the overthrow of Bashar al-Assad. Also the US logistic, armed and instructional help was vested in these countries and the Syrian regime opponents [Deheshyar 2015].

At a global level, the goal of the West in toppling the Assad administration was to develop its hegemony against the remaining Eastern bloc. And at a regional level, the goal was to encounter the increasing geopolitics of Iran and the resistance front [Ashrafi, Babazade 2015]. Indeed, the United States of America was well aware of Syria's geopolitical and geostrategic position for both Iran and Russia.

Concerning Russia: Syria is the only associate remained for Russia since the dissolution of the Soviet Union in the Middle East that has had extensive political and diplomatic relationships with the country. The Soviet Union had its first arms deal with Syria in 1954 that the process of selling weapons still continues up to the present time. And Syria is considered as one of the main markets for Russian arms. From 2007 to 2012, Russia supplied 78% of Syria's weaponry [Ghasemiayn, Simbor 2018]. Since 1971, Tartus port was shared by Russian forces, leading to Russia's access to the Mediterranean Sea and its increasing penetration in the Middle East. Generally, Syria and Russia's relationships from the dissolution of the Soviet Union till now have been of vital importance in three essential axes: arms industry, trade relations, and Tartus port.

But concerning Iran, Syria stands at the crossroads of Europe, Asia, and Africa. Iran and Iraq's reliance on Syria for oil and gas transmission to Europe has paramount economic importance for Iran. Iran has spent at least \$3000 on building gas pipelines to Syria [Esmailpur 2017]. Moreover, Syria is the only Arab country with independent relations; and it is Iran's strategic ally in the region that has always collaborated with the Islamic Republic of Iran and its related forces to support Palestinians. Syria is considered a safe route for transporting equipment of these forces. However, conversely, Syria is regarded as a dangerous and threatening path for the US regional ally, i. e., Israel. In the US view, political instability in Syria means more siege of Iran and Hamas, and therefore more security for Israel. On the other hand, it means preventing the reinforcement of the Axis of Resistance, which has severely threatened Saudi Arabia, the most important ally of the United States in the region.

In addition, some believe that the most significant economic and political rival of the US in the East is the Shanghai Pact, which considers Iran and Russia as its eastern gates, and attempts to reduce the amount of Western political and economic interventions in Asia. Therefore,

the decline of Syria and consequently Iran is the main priority of the United States [Amini, Aghaalkhani, Ebrahimi 2013]. Given the course of incidents and the activation of terrorists throughout Syria, Iranian and Russian officials were concerned about protests led by regional and trans-regional forces. Because Syria's civil war was not between people, ethnicities, Shias, and Sunnis, but it was between foreign terrorists, along with some separated forces from the Syrian Army backed as Bashar al-Assad opponents by the US and its regional allies such as Turkey, Qatar, and Saudi Arabia [Abdollahian 2020]. In this regard, rebel groups generally considered Russia alongside Iran as the principal supporters of the Assad regime. In their view, Iran and Russia were the leading agents for the effective agreement because Bashar Assad's government takes their word. Therefore, it was not possible to achieve a deal without their intermediary. In Russia's military intervention in September 2015, the Syrian opposition regarded Russia as the most influential political supporter of Bashar al-Assad that vetoes United Nations Security Council resolutions concerning Assad's condemnation or fault [Tabrizi, Pantucci 2016].

Thus, with the knowledge that Syrian protests are being led by these countries, the Islamic Republic of Iran stood by the Syrian government right from the start. Iran announced its diplomatic and political support for the country that gradually obtained financial and military backing after. It is interesting to note that the indirect entry of the United States into the Syria crisis with the goal of Assad's downfall, on the one hand, led to the extension of conflicts, the weakening of Syrian military forces, the destruction of Syrian infrastructures, and industries. On the other hand, in the post-war era, the Syrian nation has to spend decades rebuilding Syria again. Thus, this means a weak Syria and also the elimination of threats against Israel [Sajedi 2013]. But the other important goal of the US in elongating the crisis was to incur financial, military, and human losses for Iran and its related forces. Because by elongating the Syrian crisis, Iran has no choice but to supply its armed forces financially, in addition to wrestling with undesirable internal economic problems. Additionally, it has to encounter the threat of terrorist groups approaching its borders. And all these cases were scheduled with the goal of reducing Iran's regional penetration.

With Russia's military entry in September 2015 that was unexpected for the West and even for countries like Saudi Arabia and Turkey, the situation changed dramatically. Earlier, Russia relied solely on providing political and diplomatic support for the Syrian government and vetoed every United Nations Security Council resolution against the Syrian government. But since 2015, military and operational cooperation have started between Iran, Russia, and Syria's state army. As a

result, the retake of Aleppo in favor of Syria and the repetitive defeats of terrorist groups like ISIS* are worthy of mention. Russia's military entry into the Syria crisis to help the Bashar Assad government, fighting with terrorist groups, and confronting the West led to Iran and Russia's alliance within a single front for the first time, aggravating US concerns about Iran–Russia close relationships. From the viewpoint of US officials, Iran and Russia's strategic closeness in the Syria crisis was unprecedented in their 500-year relationship. Notably, Iran and Russia's cooperation in Syria reached the point that a foreign country used Iranian air force bases to raid another country. Several Russian bombers took off from Hamadan Noje airbase to attack ISIS* positions⁴. The Syrian crisis has changed the historical course for the region's future generations. Because of the Syrian crisis, millions of Syrian people were killed, wounded, or displaced. Regional sectarianism aggravated, and the danger of war between Iran and Israel increased. It led to the worst refugee crisis since world war II and created a new and horrible wave of brutal radicals whose influence will transgress the region⁵. And all of these will adversely affect US interests. The US did not succeed in either calming the Syrian crisis or directing it in a way that was in line with US interests. But with the weakening of opposing forces, the enhancement of terrorists and extremists related to Al-Qaeda***, the Syrian crisis led to the revival of terrorist fundamentalism. In other words, the recovery of a global movement that the United States of America – after years of fighting and spending high costs-had strived to uproot or control after the September 11 attacks [Kushki, Karimi 2014].

Conclusion

The close relationship between Iran and Russia is a dangerous strategic threat for the US in the mid and long term. Thus, monitoring the cooperation between the two countries in various fields has been the main priority of American foreign policy in the past years. As a result, the US spared no efforts to build divergence and take advantage of conflicts between Iran and Russia. But with the onset of the Syria

⁴ Katz Y., Bohbot A. How Israel sold Russia drones to stop missiles from reaching Iran // Jerusalem Post. 2017. 3 Feb.

⁵ Itani F., Rosenblatt N. US policy in Syria: A seven-year reckoning // Atlantic Council. 10.09.2018. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/us-policy-in-syria-a-seven-year-reckoning/> (Accessed 18 Oct. 2023).

***Признана в России террористической организацией.

crisis, a new path started in Iran and Russia relations. US goals and foreign policy in the Syria crisis, based upon the overthrow of Bashar al-Assad and the expansion of terrorist and extremist groups, caused common threats for Iran and Russia arising from these goals. Therefore, Iran and Russia stood together for the first time in the Middle East to have close military and intelligence cooperation against the West and its regional allies. In essence, it can be stated that-despite its recent attempts to prevent close relations between Russia and Iran – the US strategy in the Syria crisis provided a situation that these two countries could experience a new level of military cooperation. This cooperation, in turn, led to the revival of Russia's power in the Middle East and Iran's increasing penetration in the region. In the Libya crisis, Washington convinced Moscow not to veto Resolution 1973. Therefore, Russia lost its old ally. With the onset of the Syria crisis, Washington strived not to involve Russia directly in the conflict. However, by military entrance into the Syria crisis and the bombardment of ISIS* positions, Russia announced its official entry. And hence, Iran and Russia stood united on a single front.

But it has to be noted that the structure of the international system does not always allow states to have friendships and permanent strategic cooperation. Because in an anarchic system, states constantly follow their interests and are willing to increase their power. Thus, the cooperation will continue until power and national interests warrant so. Indeed, Iran and Russia approached together tactically and temporarily because of common threats arising from this crisis to encounter with the West. But for building a real strategic relationship between two countries, with the minimum impressibility from the West, the Islamic Republic of Iran and the Russian Federation must strive to create a roadmap based upon their shared interests in Western Asia, the Caucasus, and Central Asia. And in addition to military and operational cooperation, they need to take significant steps to improve economic, commercial, and culture collaboration.

Литература

- Abdollahian 2020 – *Abdollahian A.H.* Morning of Syria. Tehran: Sooreh Mehrpublication, 2020. 236 p.
- Ahmadi 2010 – *Ahmadi H.* The roots of the crisis in The Middle East. Tehran: Kayhan Publications, 2010. 350 p.
- Amini, Aghaalikhani, Ebrahimi 2013 – *Amini A., Aghaalikhani S., Ebrahimi R.* Anatomy of America's intervention in the Syrian crisis // The Journal of International Relations. 2013. Vol. 23. No. 6. P. 47–76.

- Ashrafi, Babazade 2015 – *Ashrafi A., Babazade A.* Russia and America's foreign policy toward the Syrian crisis // International Relations Research Paper. 2015. Vol. 32. No. 8. P. 43–65.
- Deheshyar 2015 – *Deheshyar H.* The Syrian crisis: US strategic ambiguity and Russian opportunism // Quarterly Journal of International Rawabs Research. 2015. Vol. 17. No. 1. P. 43–68.
- Esmailpur 2017 – *Esmailpur A.* Analyze and compare the geopolitical goals of Russia and the United States in the 2011 Syria crisis with emphasis on security of Israel and the regional role of Iran // Geographical Research Quarterly. 2017. Vol. 7. No. 2. P. 227–248.
- Ghasemiayn, Simbor 2018 – *Ghasemiayn R., Simbor R.* The Syrian crisis and the new Cold War // Quarterly Journal of Political Research in Islamic World. 2018. Vol. 8. No. 1. P. 159–195.
- Kushki, Karimi, 2014 – *Kushki S., Karimi M.* US foreign policy paradoxes in the Syrian crisis // The Journal of International Relations Studies. 2014. Vol. 26. No. 7. P. 86–107.
- Mirkushesh, Nokande, Kalai 2018 – *Mirkushesh A., Nokande B., Kalai H.* The US role in the Syrian crisis with emphasis on Michael Bercher's crisis management model // Political Strategy Quarterly. 2018. Vol. 7. No. 2. P. 49–76.
- Roy 2004 – *Roy A.* Security in Central Asia. Tehran: Ministry of Foreign Affairs Publications, 2004. 540 p.
- Sajedi 2013 – *Sajedi A.* The Syrian crisis and the intervention of foreign powers // International Relations Studies. 2013. Vol. 24. No. 6. P. 125–155.
- Shad 2019 – *Shad A.* Iran in the geometry of Russian foreign policy. Tehran: Tehran International Studies, 2019. 440 p.
- Tabrizi, Pantucci 2016 – *Tabrizi A., Pantucci R.* Understanding Iran's role in the Syrian conflict. Tehran: Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, 2016. 220 p.

References

- Abdollahian, A.H. (2020), *Morning of Syria*, Sooreh Mehrpublication, Tehran, Iran.
- Ahmadi, H. (2010), *The roots of the crisis in The Middle East*, Kayhan Publications, Tehran, Iran.
- Amini, A., Aghaalikhani, S. and Ebrahimi, R. (2013), "Anatomy of America's intervention in the Syrian crisis", *The Journal of International Relations*, vol. 23, no. 6, pp. 47–76.
- Ashrafi, A. and Babazade, A. (2015), "Russia and America's foreign policy toward the Syrian crisis", *International Relations Research Paper*, vol. 32, no. 8, pp. 43–65.
- Deheshyar, H. (2015), "The Syrian crisis: US strategic ambiguity and Russian opportunism", *Quarterly Journal of International Rawabs Research*, vol. 17, no. 1, pp. 43–68.

- Esmailpur, A. (2017), "Analyzing and comparing the geopolitical goals of Russia and the United States in the 2011 Syrian crisis with emphasis on Israeli security and Iran's regional role", *Geographical Research Quarterly*, vol. 7, no. 2, pp. 227–248.
- Ghasemiayn, R. and Simbor, R. (2018), "The Syrian crisis and the new Cold War", *Quarterly Journal of Political Research in Islamic World*, vol. 8, no. 1, pp. 159–195.
- Kushki, S. and Karimi, M. (2014), "US foreign policy paradoxes in the Syrian crisis", *The Journal of International Relations Studies*, vol. 26, no. 7, pp. 86–107.
- Mirkushesh, A. Nokande, B. and Kalai, H. (2018), "The US role in the Syrian crisis with emphasis on Michael Bercher's crisis management model", *Political Strategy Quarterly*, vol. 7, no. 2, pp. 49–76.
- Roy, A. (2004), *Security in Central Asia*, Ministry of Foreign Affairs Publications, Tehran, Iran.
- Sajedi, A. (2013), "The Syrian crisis and the intervention of foreign powers", *International Relations Studies*, vol. 24, no. 6, pp. 125–155.
- Shad, A. (2019), *Iran in the geometry of Russian foreign policy*, Tehran International Studies and Research Institute, Tehran, Iran.
- Tabrizi, A. and Pantucci, R. (2016), *Understanding Iran's role in the Syrian conflict*, Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, Tehran, Iran.

Информация об авторе

Захра Гияси, Культурное представительство Посольства Ирана в РФ, Москва, Россия; 129110, Россия, Москва, Больничный пер., д. 7; zhr.ghiasii@gmail.com

Information about the author

Zahra Ghiasi, The cultural representation of the Iran Embassy in Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 7, Bolnichny Lane, Moscow, Russia, 129110; zhr.ghiasii@gmail.com

Индия в военной пропаганде Пакистана: формирование образа врага

Екатерина В. Голубцова

*Военный университет МО РФ им. князя А. Невского,
Москва, Россия, ekaterinasalupenko6@gmail.com*

Аннотация. Индийско-пакистанские отношения находятся в состоянии хронического кризиса. Основные причины конфликта зародились во время раздела британской колонии в Южной Азии в 1947 г. В свою очередь, разногласия, возникшие между Пакистаном и Индией в связи с распределением колониального имущества, оказали значительное влияние на формирование образов стран-соперниц. Так, восприятие пакистанскими лидерами Индии является наглядным примером воплощения концепции «образ врага». Об этом свидетельствует приписывание ей враждебных намерений по отношению к Пакистану. Кроме того, религиозный фактор, послуживший основой для создания Пакистана, способствовал разделению мусульман и индусов на «своих» и «чужих» и, как результат, противопоставлению пакистанцев и индийцев в целом. При этом важнейший вклад в создание образа Индии внесли генералы, напрямую управлявшие Пакистаном на протяжении почти 30 лет его существования в качестве независимого государства. Мухаммад Айюб-хан, первый генерал, возглавивший Пакистан в 1958 г., начал обращаться к идее агрессивного соседа для сплочения пакистанского народа. Вместе с тем журналы пакистанской армии, а также мемуары и политическая публицистика военных деятелей свидетельствуют о поэтапном развитии образа врага в лице соседнего государства: «британское», «американское» и «пакистанское» поколения военных воспринимали Индию по-разному. Однако в каждом поколении очевидно усиление тенденции демонизировать соседнюю страну. Сформировавшийся образ Индии оказывает непосредственное влияние на политику пакистанского руководства по отношению к ней.

Ключевые слова: образ врага, Пакистан, Индия, военный режим, пропаганда, международные отношения

Для цитирования: Голубцова Е.В. Индия в военной пропаганде Пакистана: формирование образа врага // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 86–103. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-86-103

© Голубцова Е.В., 2024

India in Pakistan's military propaganda: formation of the enemy image

Ekaterina V. Golubtsova

*Prince Alexander Nevsky Military University, Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow, Russia,
ekaterinasalupenko6@gmail.com*

Abstract. The relations between Pakistan and India have always been hostile. The disagreements between them had a significant impact on the formation of the images of these countries. Pakistani leaders' perception of India is an example of the enemy image concept. The constant attribution to India of hostile intentions towards Pakistan is the evidence of it. In addition, the religious factor that was basic for the creation of Pakistan, contributed to the division of Muslims and Hindus into "friends" and "foes" and, as a result, added to the opposition between Pakistanis and Indians in the main. The generals who had ruled Pakistan directly for almost 30 years contributed to the creation of the enemy image of India. General Muhammad Ayub Khan was the first to start using the idea of an "aggressive neighbor" in order to unite the Pakistanis. The journals of the Pakistan army, as well as the political autobiographies of the military leaders, indicate that the development of the enemy image of the neighboring state was gradual: the generations of Pakistani officers perceived India differently. However, the tendency to demonize India can be seen as growing within every generation. The image of the neighboring country has a direct impact on the policy of Pakistan towards that country.

Keywords: enemy image, Pakistan, India, military regime, propaganda, international relations

For citation: Golubtsova, E.V. (2024), India in Pakistan's military propaganda: formation of the enemy image, *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 86–103, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-86-103

Введение

Индийско-пакистанский конфликт – один из самых продолжительных в новейшей истории. Раздел Британской Индии в 1947 г. стал источником разногласий между Пакистаном и Индией, некоторые из которых, например территориальная принадлежность Кашмира, по-прежнему определяют характер отношений между двумя странами.

В свете хронической напряженности взаимоотношений, Пакистан и Индия культивируют негативный образ друг друга на протяжении многих десятилетий. В свою очередь, образ Индии прочно лег в основу внешнеполитической стратегии Пакистана и в значительной степени влияет на решения пакистанского руководства в области международных отношений.

Первый военный переворот и приход к власти в Пакистане генерала Мухаммада Айюб-хана в 1958 г. послужил стартом для открытого участия военных в политике. На протяжении десятилетий армия сохраняет решающее влияние в политической жизни Пакистана. В связи с этим логично предположить, что генералитет сыграл важную роль при формировании вражеского образа Индии.

К научным публикациям, определившим историографическую базу статьи, можно отнести следующие труды: работы по проблемам национального строительства Пакистана [Cohen 2004; Jaffrelot 2002]; исследования специфики формирования и роли пакистанских вооруженных сил (ВС) [Fair 2014; Rizvi 2000]; работы, посвященные экстремистским движениям в Южной Азии [Чекризова 2016; Рашид 2012]. Методологическая основа исследования базируется на теории формирования «образа врага» отечественных историков А.С. Сенявского и Е.С. Сенявской, предложивших, на наш взгляд, наиболее исчерпывающее определение данного термина.

В их интерпретации «образ врага» – это совокупность представлений, возникающих у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущем угрозу его интересам, ценностям или самому физическому и социальному существованию, и формируемых на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия [Сенявский, Сенявская 2006, с. 65].

Стереотипы обладают высокой устойчивостью в обществе, способны передаваться из поколения в поколение и нередко воспринимаются как реальность, несмотря на то что стереотипное мышление, как правило, способствует искаженному восприятию тех или иных действий вражеского государства. Стереотип вражеского государства подразумевает, что оно обладает агрессивными и злыми намерениями по отношению к определенной стране. В целом А.С. Сенявский и Е.С. Сенявская предлагают следующую классификацию стереотипов: адекватные реальности, частично адекватные и совершенно ей неадекватные. Они также указывают, что большинство людей не склонны отказываться от своих взгля-

дов, даже если их личный опыт противоречит стереотипу [Сенявский, Сенявская 2006, с. 58].

По мнению исследователей, проблема формирования «образа врага» является частью более широкой проблемы «свой–чужой», для которой характерна самоидентификация какой-либо социальной группы с помощью соотношения себя с другими и выработке отношения к «чужому». Важным представляется и тезис, что содержание образа врага во многом зависит от социума, его ценностей, исторической эпохи и других факторов [Сенявский, Сенявская 2006, с. 58].

На примере армейских журналов, а также мемуаров и политической публицистики военных деятелей проанализируем специфику вражеского образа Индии в пакистанской армии. Для большей наглядности проследим формирование образа Индии в армейской среде через поколенческую призму.

Так, американский политолог и специалист по Южной Азии С.Ф. Коэн, принимая во внимание специфику политических режимов, а также внешних обстоятельств, в частности вооруженных конфликтов и геополитической обстановки, выделил несколько поколений пакистанских военных: «британское», «американское» и «пакистанское» [Cohen 2004, p. 99].

Офицеры, чья профессиональная карьера началась при колониальной администрации, являются представителями «британского» поколения. Большинство из них получило образование в Великобритании и соответственно переняло военный опыт метрополии. Этим во многом объясняется тот факт, что разные политические взгляды и религиозная принадлежность военнослужащих не оказывали какого-либо существенного влияния на сплоченность армейской среды.

Однако раздел бывшей британской колонии в Южной Азии в 1947 г. спровоцировал столкновения между индусами, мусульманами и сикхами, а также послужил источником конфликтов вокруг распределения колониального имущества между доминионами Индийский Союз и Пакистан. В свою очередь, разногласия по поводу территориальной принадлежности княжества Джамму и Кашмир стали причиной первой индийско-пакистанской войны в 1947–1948 гг. Указанные факторы оставили серьезный отпечаток в сознании военных, преимущественно мусульман, которые предпочли продолжить службу в армии Пакистана. Они начали с недоверием относиться к бывшим сослуживцам-индусам, большая часть которых выбрала службу в ВС Индии.

*Формирование подхода к восприятию Индии
в период правления генерала Мухаммада Айюб-хана
(1958–1969 гг.)*

Перечисленные события, а также начавшееся в середине 1950-х гг. тесное сотрудничество между Пакистаном и США в военной области способствовали формированию нового поколения офицеров – «американского». Этот период совпал с первым военным режимом генерала Айюб-хана.

Особенностью «американского» поколения военнослужащих стало недоверие к Индии, которое со временем только усилилось. Эту тенденцию наглядно демонстрируют выпуски военного журнала «Хилал»: в 1950-х гг. для них было характерно ограниченное внимание к Индии, связанное в основном с первой индийско-пакистанской войной, а в 1960-х гг. количество ее упоминаний в негативном ключе уже не ограничивалось контекстом Кашмира.

В годы правления Айюб-хана, а затем Ага Мухаммада Яхья-хана¹, его преемника, происходила трансформация мировоззренческих взглядов военных. Эта тенденция во многом обуславливалась отношением мирового сообщества к Пакистану: не только индийские политические деятели, но и представители других стран выражали неверие в жизнеспособность страны. Например, швейцарский журналист Питер Шмидт открыто обратился к Айюб-хану с вопросом «почему вы существуете?», подразумевая, что раздел Британской Индии стал ошибкой и что Пакистан является «невозможным государством» [Schmid 1961, p. 203].

Положение Пакистана усугублялось и неоконченным процессом формирования национального самосознания его граждан. Пакистан – государство, объединившее многонациональное население под эгидой ислама. Однако общая религиозная принадлежность не являлась прочным фактором для удержания пестрого этнолингвистического населения в рамках одной страны [Голубцова 2022, с. 105].

В связи с этим сформировавшееся на международной арене отношение к Пакистану не устраивало армейскую верхушку, которая начала обвинять Индию в невыгодном положении страны. Генералитет, оказавшись у власти на начальном этапе формирования пакистанской государственности, начал позиционировать себя не

¹ Ага Мухаммад Яхья-хан, в отличие от Айюб-хана, не обладал характером лидера, он являлся «марионеткой» армии. В 1971 г., не сумев справиться с кризисным положением в стране в связи с потерей Восточного Пакистана, он подал в отставку.

только в качестве гаранта целостности внешних границ, но и государственной идеологии [Fair 2004, p. 5]. Айюб-хан проводил политику, направленную на укрепление национальной идентичности пакистанцев, результатом которой стало культивирование вражеского образа Индии. Свои взгляды на Индию Айюб-хан отразил в политической автобиографии, которую в СМИ прозвали «гимном ненависти к Индии»².

Так, пакистанское руководство негативно отзывалось об Индии и индусах, приводя доводы в пользу несовместимости идеологий ислама и индуизма. Министр иностранных дел в 1958–1962 г. Манзур Кадир публично высказывался о том, что религия и иррациональный склад ума индусов чужды мусульманам. По его мнению, индусы и мусульмане неспособны сосуществовать вместе из-за несовместимого менталитета [Schmid 1961, p. 204].

В ноябре 1966 г. в интервью британской газете «Манчестер Гардиан» Айюб-хан, отвечая на вопрос журналиста о необходимости раздела Британской Индии, подчеркнул, что раздел не был ошибкой. Если бы Пакистан и Индия остались целостной географической единицей, на субконтиненте могла начаться гражданская война из-за противоречий в учениях ислама и индуизма. По словам генерала, мусульмане верят в братство среди людей и предоставляют всем равные возможности. Для них нехарактерны классовые или расовые предрассудки, в то время как неотъемлемой чертой индуизма является кастовая система, подразумевающая неравенство в обществе [Голубцова 2022, с. 110].

Неоднократно в своих выступлениях Айюб-хан называл Индию оплотом индуизма и империализма. Так, в интервью для пакистанского издания «Доун», опубликованного в марте 1966 г., он резко критиковал основополагающий принцип индийской государственности – секуляризм, предполагающий равно уважительное отношение ко всем религиям, скептически высказывался о существовании нации индийцев [Голубцова 2022, с. 111].

Поскольку Пакистан был создан на основе «теории двух наций», согласно которой индийский национализм основывался на индуизме, а пакистанский на исламе, вера пакистанской стороны в истинность принципа секуляризма в Южной Азии противоречила бы этой теории. Поэтому в идейном воспитании военнотружущих Пакистана акцентировались «индусскость» Индии и якобы присущее ей стремление уничтожить соседнее мусульманское государство³.

² См.: Washington Post. 1967. 12 Sept.

³ См.: Khan M.A. Friends not masters. A political autobiography. Islamabad: Mr. Books, 2006. P. 126.

В связи с «индусской угрозой» генералитет воспринимал защиту и присоединение княжества Джамму и Кашмир, население которого являлось преимущественно мусульманским, к Пакистану как восстановление справедливости. Долг пакистанских ВС часто объяснялся волей самих мусульман. Например, в военном журнале «Хилал» начиная с 1960-х гг. нередко можно встретить статьи, в которых обосновывается нежелание кашмирцев быть гражданами Индии⁴.

В рамках становления ислама в качестве государственной идеологии логичным представляется расширение связей Пакистана со странами Ближнего Востока. В этих условиях индусы начали позиционироваться как «чужие», в то время как мусульмане считались «своими».

При этом Айюб-хан, как следует из его биографии, не являлся строгим последователем предписаний ислама. Он выступал против привнесения мусульманской идеологии во все сферы общества. Вероятно, свою роль сыграло британское образование. И в то же время он явно осознавал важность исламского фактора для обособления существования Пакистана⁵.

Другой чертой образа Индии, которая начала демонизироваться при Айюб-хане, стали ее устремления доминировать в регионе. Индия позиционировалась как экспансионист, наследница Британской империи, лидеры которой якобы мечтали расширить границы страны. В своей автобиографии Айюб-хан писал о том, что у Индии не может быть иных целей, кроме экспансионизма, поскольку она не удовлетворена нынешней сферой влияния⁶.

Когда в конце 1940 – начале 1950-х гг. Индия заключила ряд договоров с Непалом, Бирмой, Цейлоном и Бутаном, опасения пакистанского военного руководства еще больше усилились, по-

⁴ См.: سابق فوجیوں کے مسائل [Проблемы бывших солдат] // ہلال (Hilal) [Полумесец]. 1963. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/1680-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 31 января 2021);

سارے کشمیر میں ہندوستان کے خلاف زبردست بے چینی پائی جاتی [Индийский Кашмир настроен против Китая] // ہلال (Hilal) [Полумесец]. 1964. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/3227-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 31 января 2021);

ہندوستان سے مسلمانوں کو زبردستی نکلانے سے پیدا شدہ صورت حل [Принудительное выселение мусульман из Индии] // ہلال (Hilal) [Полумесец]. 1964. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/3439-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 31 января 2021).

⁵ См.: Khan M.A. Op. cit. P. 196.

⁶ Ibid.

скольку, по мнению генералитета, соглашения фактически поставили внешнюю политику этих стран под контроль Индии [Khan 2006, p. 143]. Вместе с тем реальность не соответствовала восприятию пакистанской стороны: согласно договору, Индия действительно получила широкие полномочия при определении внешней политики Бутана, в то время как с Непалом, Бирмой и Цейлоном устанавливались равноправные отношения.

В армейской среде было распространено мнение, будто Пакистан является буфером, сдерживающим индийский экспансионизм и препятствующим его распространению на Афганистан, Иран и другие страны Ближнего Востока, а также на Малайзию и Индонезию. Например, об этом свидетельствует содержание статьи в пакистанской газете «Наи Рошини», опубликованной 8 ноября 1962 г. [Голубцова 2022, с. 114].

В начале 1960-х гг. в риторике пакистанских военных под термином «индийская нация» подразумевалась не только индусская община, но и различные этнические группы, проживающие на территории Индии. Широко транслировалась идея, что Индия близка к развалу⁷. В мартовском издании газеты «Доун» 1966 г. были опубликованы слова Айюб-хана о том, что пакистанцы могут наблюдать раскол Индии, поскольку в освободительную борьбу вовлечены различные народы Южной и Северо-Восточной Индии, в частности нага, мизо, а также последователи сикхизма [Голубцова 2022, с. 115].

Кроме того, в начале 1970-х гг. появилась тенденция обвинять Индию в поддержке сепаратистских настроений в Пакистане: жители Восточного Пакистана, Белуджистана, Синда, а также Северо-Западной пограничной провинции (после 2010 г. – Хайбер-Пахтунхва) выражали недовольство политикой центрального правительства, направленной на насильственное внедрение языка урду в качестве государственного, а также в выкачивании ресурсов из перечисленных провинций, значительная часть которых использовалась для развития провинции Панджаб [Голубцова 2022, с. 47].

Игнорируя жалобы населения, военное руководство начало обращаться к индийскому фактору для объяснения центробежных настроений (даже тогда, когда следы ее поддержки были неочевидны) и сокрытия реальных причин этого явления.

⁷ В связи со стремлением ослабить Индию Пакистан поддерживал морально и в некоторых случаях материально восстания народов нага и мизо, а также другие сепаратистские движения на территории Индии, включая Кашмир.

Негативные тенденции в восприятии Индии при военном режиме Мухаммада Зия-уль-Хака (1978–1988 гг.)

В свою очередь идейные установки «американского» поколения сохранили актуальность и для третьего, «пакистанского», поколения, которое начало формироваться в начале 1970-х гг. под влиянием таких факторов, как индийско-пакистанские войны 1965 и 1971 гг., поддержка Индией сепаратизма Восточной Бенгалии и, как результат, отделение Восточного Пакистана в 1971 г., разработка Индией военной ядерной программы и политика «исламизации»⁸ Мухаммада Зия-уль-Хака, третьего генерала, возглавившего Пакистан в 1977 г. [Cohen 2004, p. 106].

Так, военные неудачи 1965 г. стали моральным ударом для пакистанской стороны. Чтобы избежать падения авторитета в глазах гражданского населения, промежуточные итоги участия в войне преподносились генералитетом как победоносные⁹. Поэтому отсутствие уверенной победы, став неожиданностью для населения, породило шовинистические и реваншистские настроения. Пакистанцы требовали отмщения Индии и освобождения Восточного Пакистана от «индусского рабства». Кроме того, раздел страны пошатнул веру во всесильность ВС не только среди гражданских, но и самих военнослужащих [Москаленко 1984, с. 186].

Поражение в войне 1971 г. привело к удручающим результатам, поскольку завершилось расколом страны. Это событие сильнее укрепило убежденность военнослужащих в агрессивных намерениях Индии по отношению к Пакистану¹⁰. Пакистанской стороне в какой-то степени стало удобно обвинять во всех неудачах Индию.

⁸ Политика «исламизации» затронула фактически все сферы жизни пакистанского общества: конституционно-законодательную, внешнеполитическую, экономическую и социально-культурную.

⁹ См.: اسلام عليکم [Да пребудет с вами мир] // ہلال (Hilal) [Полумесяц]. 1966. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/1362-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 31 января 2021);

پاڪستان بر حملہ آور کا منہ توڑ سکتی ہیں [Пакистанские ВС могут отразить любую атаку] // ہلال (Hilal) [Полумесяц]. 1966. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/1319-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 31 января 2021).

¹⁰ См.: صدر پاکستان کا قوم سے خطاب [Обращение президента Пакистана к народу] // ہلال (Hilal) [Полумесяц]. 1971. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/1869-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 31 января 2021).

Перекладывая на нее часть ответственности за трудные времена, пакистанское руководство, во-первых, оправдывало свои действия, а во-вторых, спланировало народ перед угрозой со стороны врага, который якобы перешел в активную фазу наступления и помимо Кашмира отнял еще и восточную часть Пакистана.

На фоне потери Восточного Пакистана произошел кризис национальной идеологии. Военные неудачи продемонстрировали необходимость ее переосмысления. Именно Зия-уль-Хак привнес новшества в идейное воспитание военнослужащих, которые стали одним из проявлений политики «исламизации».

В 1982 г. генерал объявил, что значимость сохранения исламской идеологии в Пакистане по важности не уступает защите внешних границ [Rizvi 1986, p. 242]. Несмотря на то что и в предыдущие годы военные кадры воспитывались в духе «защитников ислама», при Зия-уль-Хаке эта тенденция проявилась интенсивнее.

Зия-уль-Хак в свете возрастающей популярности в Пакистане исламистских сил, в частности партии Джамаат-е ислами, был вынужден тесно с ними сотрудничать, чтобы удержаться у власти. Новый глава Пакистана впервые разрешил исламскому миссионерскому обществу Таблигхи Джамаат* распространять религиозную литературу и вести пропаганду среди военного персонала.

Кроме того, произошли изменения и в кадровом составе военнослужащих. Место военных, относящихся к «британскому» поколению, начали занимать представители мелких и средних слоев населения, большая часть которых получила образование в Пакистане и придерживалась фундаменталистских религиозных взглядов [Чекризова 2016, с. 14]. Соответственно влияние исламских духовных лиц и ислама в армейской среде выросло. От военнослужащих требовалось соблюдение всех предписаний ислама, что, по убеждению Зия-уль-Хака, должно было благоприятно сказаться на их дисциплине и уровне подготовки.

Обращение к исламу для пакистанской армии традиционно оставалось важным идеологическим концептом и для обоснования борьбы с «индусской Индией». При Зия-уль-Хаке у пакистанской армии появился новый лозунг: «Вера, благочестие и священная война»¹¹. Предполагалось, что в священной войне или джихаде главным врагом станут кафиры (неверные), т. е. индусы [Jaffrelot 2002, p. 290].

«Исламизация» способствовала изменениям в сфере военного и гражданского образования. В Пакистане переписывались учебные пособия. Особенный акцент делался на культивировании

* Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

¹¹ Старый лозунг звучал как «Вера, единение и дисциплина».

ненависти к индусам и сакрализации войн с соседней страной, восхвалялись военные режимы. Согласно новым учебникам, раздел Британской Индии стал результатом индусской агрессии, что, разумеется, было искажением истории. Обязательной частью военного образования становились исламские дисциплины [Aziz 1993, p. 227].

Военнослужащих, начавших карьеру при Зия-уль-Хаке и попавших под влияние «исламизации», от «британского» поколения отличали консервативность, негативное отношение к западной культуре и убежденность в повсеместной дискриминации мусульман, осуществляемой в том числе и индусами [Cohen 2004, p. 117]. Однако в реальности нередким явлением становилась и напускная религиозность, которую офицеры намеренно демонстрировали для быстрого продвижения по службе [Rizvi 2000, p. 208].

Указанные тенденции в идейном воспитании военнослужащих сохранились и в последующие годы.

Специфика образа Индии в годы правления генерала Первеза Мушаррафа (2001–2008 гг.)

В 1999 г. в Пакистане произошел очередной военный переворот, в результате которого страну возглавил генерал Первез Мушарраф. Будучи выходцем из армейских кругов, он не стал исключением в своем отношении к Индии, которая воспринималась как вражеское государство. Кроме того, военные круги по-прежнему считали ислам идеологической основой страны [Рашид 2012, с. 150].

Вместе с тем Пакистан после теракта 11 сентября 2001 г. оказался вынужден перейти в возглавленную США коалицию по борьбе с терроризмом, поскольку из-за помощи, оказываемой джихадистским группировкам¹², перед ним возникла угроза международной изоляции. Таким образом, Пакистан оказался в одном лагере с Индией¹³.

¹² Отношения с Индией осложнялись и тем фактом, что Пакистан, ввязавшись в афганский конфликт, способствовал росту международного терроризма: после окончания боевых действий в Афганистане (1979–1989 гг.) пакистанское руководство начало оказывать поддержку боевикам «Аль-Каиды» (террористическая экстремистская организация, запрещенная в РФ), которые помогали тренировать джихадистов для борьбы в Кашмире.

¹³ См.: *Musharraf P. In the line of fire. A memoir.* L.: Free Press, 2006. P. 202.

Соответственно это решение пакистанского руководства не могло не оказать влияния на идеологию страны. Так, Мушарраф объявил о необходимости проведения политики «просвещенной умеренности» или приверженности к умеренному исламу на национальном уровне. Выбор подобной стратегии объясняется возрастанием террористической угрозы и набирающей скорость мировой тенденцией отождествлять террористов с мусульманами. Мушарраф намеревался доказать, что считать ислам религией, разжигающей только ненависть и нетерпимость, неправильно¹⁴.

Тем не менее в Пакистане по-прежнему была популярна риторика о необходимости джихада против его врагов, особенно против Индии. Даже школьники воспитывались с мыслью, что они как члены мусульманской уммы, общины должны стать моджахедами, воспитав в себе способность к самопожертвованию [Bangash 2015, p. 21].

Такие же установки по-прежнему преобладали и в идейном воспитании военнослужащих. В 1990 г. была издана книга генерала Джаведа Хассана «Индия: основная характеристика», которая до сих пор числится в списке рекомендованной литературы в пакистанских военных учебных заведениях. Его труд направлен главным образом на дискредитацию индусского населения, его верований, менталитета и боевых навыков [Голубцова 2022, с. 128]. Генерал на примерах военных поражений индусов обосновывает их неспособность защитить свою страну от иноземных нашествий. Он полагает, что у индусов в отличие от пакистанцев отсутствуют врожденные военные способности [Hassan 1990, p. 52].

В военной среде не потеряли актуальность и опасения перед экспансионизмом и агрессивными намерениями Индии. Более того, они только усиливались в связи с ядерными испытаниями, которые Индия проводила начиная с 1970-х гг. Полковник Гулам Сарвар в статье для военного журнала 1995 г. писал, что разработка Индией ядерного оружия подтверждала ее стремление закрепиться в статусе регионального гегемона и мировой державы [Sarwar 1995, pp. 63–74].

Взгляд на Индию в начале XXI в.

При позитивных сдвигах в индийско-пакистанских отношениях в начале XXI в.¹⁵ антииндийская и антииндусская риторика

¹⁴ Ibid. P. 203.

¹⁵ Причиной, по которой военные смягчили риторику в отношении Индии, стал рост террористической угрозы внутри страны. Обстановка

военных кругов свидетельствовала о том, что в их идейном воспитании не произошло серьезных изменений.

Преемник Мушаррафа на наиболее значимом в ВС Пакистана посту начальника штаба сухопутных войск (НШСВ) в 2007–2013 гг. генерал Ашфак Первез Кайяни в своих публичных выступлениях подчеркивал важность исламской идеологии для безопасности Пакистана¹⁶. Во время пресс-конференции в 2010 г. генерал сообщил пакистанским СМИ, что главная цель армии по-прежнему заключалась в обеспечении защиты страны от «индийской угрозы» и что отношения с Индией кардинально не меняются, пока не будут улажены кашмирская проблема, а также проблема раздела водных ресурсов¹⁷.

Тем не менее при последующих НШСВ Рахиле Шарифе (2013–2016 гг.) и Камаре Джаведе Баджве (2016–2022 гг.) можно констатировать некоторое отступление военных от традиционной жесткой позиции в отношении Индии. Стали популярными призывы к улучшению отношений с соседней страной и продолжению переговоров по кашмирскому вопросу.

Необходимость в нормализации индийско-пакистанских связей обуславливалась потребностью не распылять силы, подавляющая часть которых уходила на стабилизацию внутренней обстановки в стране, в частности борьбу с терроризмом.

Вместе с тем примирительные жесты пакистанского генералитета по отношению к Индии едва ли означают, что в идейных установках ВС произошли коренные изменения.

Отход от жесткой риторики позволяет усомниться в коренной трансформации взглядов армии еще и потому, что в 2014 г. к власти в Индии пришла проиндусская партия Бхаратия джаната парти во главе с Нарендрой Моди, для которого характерны антимусульманские настроения¹⁸ и твердая позиция по поводу

в Пакистане оказалась сильно дестабилизированной, а в этих условиях военные не могли позволить себе очередное военное противостояние с Индией, тем более что она являлась союзницей Пакистана по антитеррористической коалиции.

¹⁶ См.: Pak army for “Strong democratic system”: Kayani // Hindustan Times. 2012. URL: <https://www.hindustantimes.com/world/pak-army-for-strong-democratic-system-kayani/story-czC5ZagsxA6bHtV6uowFtM.html> (дата обращения 10 апреля 2024).

¹⁷ См.: Kayani spells out threat posed by Indian doctrine // Dawn. 2010. URL: <https://www.dawn.com/news/858309/kayani-spells-out-threat-posed-by-indian-doctrine> (дата обращения 24 марта 2024).

¹⁸ Убеждения по поводу негативного отношения Моди к мусульманам укрепились в связи с принятием нового закона о гражданстве, согласно

Кашмира: вся территория бывшего княжества позиционируется как индийское владение, а Пакистан видится «оккупантом».

Пакистанская сторона публично обвиняет Моди в «исламофобии», «индусском национализме», стремлении уничтожить мусульманскую общину [Zainab 2019]. Например, в выпусках «Хилал» за 2019 г. нынешнее правительство Индии неоднократно называли «экстремистским»¹⁹. Моди неоднократно вменяли в вину нетерпимость по отношению к мусульманам, приписывали ответственность за погромы мусульман в штате Гуджарат в 2002 г., в котором он в указанный год являлся главным министром²⁰.

При этом военное руководство по-прежнему считает своим долгом вести борьбу за Кашмир, т. е. за братьев-мусульман, поскольку отказ от нее станет ударом по государственной идеологии, основанной на «теории двух наций». Эта идея весьма характерно изложена в военном журнале «Хилал» за 2007 г. в статье, посвященной Дню Кашмира: «Без Кашмира теория создания Пакистана не может быть воплощена в жизнь полностью»²¹. В информационных ресурсах пакистанской армии Индия по-прежнему позиционируется как агрессор, который «душит» освободительную борьбу жителей Кашмира²² и является организатором террористических атак на его территории²³.

которому мигрировавшим в Индию мусульманам Пакистана, Бангладеш и Афганистана будет отказано в предоставлении индийского гражданства, и с ликвидацией автономного статуса штата Джамму и Кашмир в 2019 г., большая часть населения которого – мусульмане.

¹⁹ См.: ايجنڈا کا دشمنی پاکستان اور بحران داخلی کا بھارت [Внутренний кризис в Индии и антипакистанская повестка] // ہلال (Hilal) [Полумесяц] 2019. URL: <https://www.hilal.gov.pk/view-article.php?i=3180> (дата обращения 10 марта 2021).

²⁰ См.: Hindutva as a Government // Hilal. 2019. URL: <https://www.hilal.gov.pk/view-article.php?i=3511> (дата обращения 9 марта 2021).

²¹ См.: یوم یکجہتی کشمیر [День солидарности с Кашмиром] // ہلال (Hilal) [Полумесяц]. 2007. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/295-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 10 апреля 2024).

²² См.: World needs to tell India enough is enough on Kashmir: PM Nawaz // Dawn. 2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1306563> (дата обращения 22 февраля 2019).

²³ См.: مجاہد کئی گنا بھاری پر کفار ہے [Моджахедов больше, чем неверующих] // ہلال (Hilal) [Полумесяц]. 2000. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/477-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 10 апреля 2024).

В целом материалы военных журналов «Хилал», «Грин бук», а также электронных ресурсов пакистанской межведомственной службы по связям с общественностью²⁴ за 2019–2023 гг. указывают на преимущественно негативное восприятие Индии [Голубцова 2022, с. 131].

Заключение

Пакистанские военнослужащие прошли несколько стадий в формировании мнения об Индии: от нейтрального до негативного. Большую роль при этом играли как внешние обстоятельства, так и целенаправленная политика военного руководства.

Пакистанские военные лидеры способствовали складыванию негативного образа Индии в глазах военнослужащих «американского» и «пакистанского» поколений. Итогом целенаправленной пропаганды стала враждебность по отношению к индийцам, которая не была присуща «британскому» поколению. Идея агрессивного соседа использовалась для сплочения пакистанского народа и одновременно с этим способствовала становлению ислама в качестве определяющего фактора в жизни страны, которой надлежало дать отпор «индусской Индии». Кроме того, религиозный фактор стал основой для разделения мусульман и индусов на «своих» и «чужих», что усиливало негативное отношение к Индии.

Восприятие пакистанским военным руководством Индии укладывается в концепцию образа врага. Это подтверждает такая черта образа Индии, как наличие агрессивных намерений с ее стороны, а также противопоставление индийцев и пакистанцев на основе религиозной принадлежности. В свою очередь, противопоставление граждан Индии и Пакистана является наглядной иллюстрацией проблемы «свой – чужой».

Соответственно ввиду неизменности идеологии в Пакистане и популярности в Индии проиндусских сил сегодня трудно констатировать формирование поколения с принципиально новым мировоззрением. Учитывая влияние, которое армия сохраняет при определении внешней политики, едва ли в ближайшее время можно ожидать со стороны Пакистана нового подхода к выстраиванию отношений с Индией.

²⁴ См.: ISPR official // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCEwLPFzuck7KyNAnsujkkFg> (дата обращения 10 апреля 2024).

Литература

- Голубцова 2022 – *Голубцова Е.В.* Индийский фактор в идейно-политическом развитии вооруженных сил Пакистана (вторая половина XX – начало XXI в.): Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022. 267 с.
- Москаленко 1984 – *Москаленко В.Н.* Внешняя политика Пакистана. М.: Наука, 1984. 301 с.
- Рашид 2012 – *Рашид А.* Погружение в хаос: как война против исламского экстремизма проигрывается в Пакистане, Афганистане и Центральной Азии // Геополитические проблемы Центральной Азии: «Большая игра» в прошлом и настоящем: Реф. сб. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 122–166.
- Сенявский, Сенявская 2006 – *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 2. С. 54–72.
- Чекризова 2016 – *Чекризова О.П.* Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане в конце XX – начале XXI в. М.: ИВ РАН, 2016. 251 с.
- Aziz 1993 – *Aziz K.K.* The murder of history in Pakistan. Lahore: Vanguard Books, 1993. 321 p.
- Bangash 2015 – *Bangash Y.K.* “Not India. Pakistan, India and the self” // India and South Asia: Regional perceptions / Ed. by V. Chandra. New Delhi: Pentagon Press, 2015. P. 18–29.
- Cohen 2004 – *Cohen S.P.* The idea of Pakistan. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2004. 369 p.
- Fair 2014 – *Fair C.C.* Fighting to the end. The Pakistan army’s way of war. N.Y.: Oxford University Press, 2014. 368 p.
- Hassan 1990 – *Hassan J.* India: A study in profile. Quetta: Services Book Club, 1990. 260 p.
- Jaffrelot 2002 – *Jaffrelot C.* Pakistan: Nationalism without a nation? New Delhi: Manohar, 2002. 352 p.
- Rizvi 1986 – *Rizvi H.-A.* The military and politics in Pakistan, 1947–1986. Lahore: Progressive Publishers, 1986. 355 p.
- Rizvi 2000 – *Rizvi H.-A.* Military, state and society in Pakistan. Basingstok: Macmillan, 2000. 307 p.
- Sarwar 1995 – *Sarwar Gh.* Pakistan’s strategic and security perspectives // Pakistan Army Journal. 1995. No. 36. P. 63–74.
- Schmid 1961 – *Schmid P.* India, mirage and reality. L.: George G. Harrap & Co. LTD, 1961. 256 p.
- Zainab 2019 – *Zainab H.* Saffron nationalism: A fuel for islamophobia // Hilal. 2019. URL: <https://hilal.gov.pk/view-article.php?i=3890> (дата обращения 22 февраля 2021).

References

- Aziz, K.K. (1993), *The murder of history in Pakistan*, Vanguard Books, Lahore, Pakistan.
- Bangash, Y.K. (2015), "Not India. Pakistan, India and the self", in Chandra, V., ed., *India and South Asia: Regional perceptions*, Pentagon Press, New Delhi, Republic of India, pp. 18–29.
- Chekrizova, O.P. (2016), *Islamskii radikalizm i ekstremizm v Pakistane v kontse XX – nachale XXI v.* [Islamic radicalism and extremism in Pakistan at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries], IV RAN, Moscow, Russia.
- Cohen, S.P. (2004), *The idea of Pakistan*, Brookings Institution Press, Washington D.C., USA.
- Fair, C.C. (2014), *Fighting to the end. The Pakistan army's way of war*, Oxford University Press, New York, USA.
- Golubtsova, E.V. (2022), Indian factor in the ideological and political development of the armed forces of Pakistan (second half of the 20th – beginning of the 21st century), Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Hassan, J. (1990), *India: A study in profile*, Services Book Club, Quetta, Pakistan.
- Jaffrelet, C. (2002), *Pakistan: Nationalism without a nation?*, Manohar, New Delhi, Republic of India.
- Moskalenko, V.N. (1984), *Vneshnyaya politika Pakistana* [Foreign policy of Pakistan], Nauka, Moscow, USSR.
- Rashid, A. (2012), "Descending into chaos: How the war against Islamic extremism is going in Pakistan, Afghanistan and Central Asia", in *Geopoliticheskie problemy Tsentral'noy Azii. "Bol'shaya Igra" v proshlom i nastoyashchem* [Geopolitical problems of Central Asia. "Great Game" in the past and present], Moscow, Russia, pp. 122–166.
- Rizvi, H.-A. (1986), *The military and politics in Pakistan, 1947–1986*, Progressive Publishers, Lahore, Pakistan.
- Rizvi, H.-A. (2000), *Military, state and society in Pakistan*, Macmillan, Basingstoke, UK.
- Sarwar, Gh., (1995), "Pakistan's strategic and security perspectives", *Pakistan Army Journal*, no. 36, pp. 63–74.
- Schmid, P. (1961), *India, mirage and reality*, George G. Harrap & Co. LTD, London, UK.
- Senyavskii, A.S. and Senyavskaya, E.S. (2006), "Historical imagology and the problem of forming the image of the enemy (based on the materials of Russian history of the 20th century)", *RUDN Journal of Russian History*, no. 2, pp. 54–72.
- Zainab, H. (2019), Saffron nationalism: A fuel for islamophobia, Hilal, available at: <https://hilal.gov.pk/view-article.php?i=3890> (Accessed 22 Feb. 2021).

Информация об авторе

Екатерина В. Голубцова, кандидат исторических наук, Военный университет МО РФ им. князя А. Невского, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, ул. Б. Садовая, д. 14; ekaterinasalupenko6@gmail.com

Information about the author

Ekaterina V. Golubtsova, Cand. of Sci. (History), Prince Alexander Nevsky Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 14, Bolshaya Sadovaya St., Moscow, Russia, 123001; ekaterinasalupenko6@gmail.com

Место Китая во внешней политике Британии в контексте геополитического конструкта Индо-Пацифика

Владислав С. Севрюк

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, sevriuk.vlad@mail.ru*

Аннотация. В работе представлено исследование видения Великобритании места Китая в Индо-Пацифике в контексте Индо-Тихоокеанского уклана внешней политики Лондона. Проведен анализ ключевых для внешней политики Британии документов: Комплексного обзора вопросов безопасности, обороны, развития и внешней политики в редакциях от 2021 и 2023 гг., что позволило проследить динамику изменения подхода Лондона к Пекину и выявить ключевые угрозы, декларируемые британской стороной по отношению к КНР. Было определено, что антагонистический образ Китая усугубился после февраля 2022 г. в связи с началом боевых действий на территории Украины. При этом до начала COVID-19 стороны вели активное сотрудничество в научно-исследовательской сфере, где китайские институты занимали доминирующую позицию.

Отмечается, что действия правительства Р. Сунака по отношению к Пекину вызывают дискуссии в государственных структурах. Несмотря на построение негативного образа Пекина и КПК, в Лондоне признают невозможность отказа от торгово-экономических связей с континентальным Китаем. Отмечена тенденция нехватки специалистов в сфере китаистики в Британии, что, по мнению автора, вносит негативный вклад в отсутствие системности и целостности в подходе к КНР.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, Великобритания, Китай, права человека, мягкая сила, публичная дипломатия

Для цитирования: Севрюк В.С. Место Китая во внешней политике Британии в контексте геополитического конструкта Индо-Пацифика // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 104–116. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-104-116

China's place in British foreign policy in the context of the geopolitical construct of the Indo-Pacific

Vladislav S. Sevriuk

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sevriuk.vlad@mail.ru*

Abstract. The paper presents a study of the UK's vision of China's place in the Indo-Pacific in the context of the Indo-Pacific tilt of London's foreign policy. The analysis of the key documents for British foreign policy was carried out: a comprehensive review of the security, defense, development and foreign policy issues in the editions of 2021 and 2023, which made it possible to trace the dynamics of London's approach to Beijing and identify the key threats declared by the British side in relation to the PRC. It was determined that China's antagonistic image worsened after February 2022 due to the beginning of hostilities on the territory of Ukraine. At the same time, before the start of COVID-19, the parties actively cooperated in the research field, where the Chinese institutions occupied a dominant position.

It is noted that the actions of the government of R. Sunak in relation to Beijing cause discussions in the government structures. Despite building a negative image of Beijing and the CPC, London recognizes the impossibility of abandoning trade and economic ties with mainland China. There is a tendency for a shortage of specialists in the field of Sinology in Britain, which, according to the author, makes a negative contribution to the lack of consistency and integrity in the approach to the PRC.

Keywords: Indo-Pacific region, Great Britain, China, human rights, soft power, public diplomacy

For citation: Sevriuk, V.S. (2024), "China's place in British foreign policy in the context of the geopolitical construct of the Indo-Pacific", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 104–116, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-104-116

Введение

Одним из важнейших изменений во внешней политике Лондона после выхода Великобритании из ЕС стал Индо-Тихоокеанский уклон во внешнеполитическом курсе Соединенного Королевства. Сближение со странами ИТР в экономической и военной сферах стало одним из главных приоритетов дипломатии Британии. Однако в условиях укрепления позиций Пекина на мировой поли-

тической арене Китай представляет собой определенную угрозу для продвижения позиций Лондона в Индо-Пацифике. Ситуация усугубилась после 2022 г., когда Лондон увидел новые угрозы стабильности в Тайваньском проливе и ужесточил риторику по отношению к КНР в своих основополагающих документах. Помимо этого страны, как можно отметить, пережили свой «золотой век» во взаимоотношениях [Савченко, Москалева 2016, с. 22–23] и в последние годы отмечается явное их ухудшение.

Ввиду этого актуальным является исследование места Пекина в рамках объявленной концепции Индо-Тихоокеанского уклона во внешней политике Великобритании.

Цель исследования – определить место и роль Китая во внешней политике Лондона в контексте Индо-Тихоокеанского уклона.

Внимание Великобритании к Китаю исходит из ставшего классическим контекста признания Коммунистической партии Китая угрозой не только всему Соединенному Королевству, но и интересам государства. Для более четкого понимания положения британской мягкой силы и публичной дипломатии на территории КНР следует более подробно рассмотреть то, как в британских правительственных кругах характеризуют место Пекина в ИТР.

Так, Комитет по внешним связям палаты общин в своих отчетных документах характеризует деятельность Китая и КПК как «повышенную агрессию по отношению к Великобритании»¹. Участник Комитета по внешним связям палаты общин Джеймс Дженнион в 2021 г. в своем отчете для правительства указывал неутешительные для Лондона факты о возможностях британской дипломатии в Китае, связанных с недостаточной квалификацией сотрудников: «Команды FCDO слишком сильно полагаются на ротируемых специалистов широкого профиля, которым не хватает существенного опыта и знаний о Китае»².

Можно предположить, что нехватка специалистов в сфере китаистики – это старая тенденция, которая берет свое начало еще в начале 2010-х гг. Так, в 2013 г. по инициативе Британского совета был дан старт масштабной программе Generation UK, в рамках которой осуществляется помощь гражданам Великобритании

¹ Tilting horizons: The integrated review and the Indo-Pacific. Eighth report of session 2022–2023. URL: <https://committees.parliament.uk/publications/41144/documents/204045/default/> (дата обращения 15 января 2024).

² Written evidence submitted by James Jennion (TIP0020). URL: <https://committees.parliament.uk/writtenevidence/41291/pdf/> (дата обращения 17 января 2024).

в повышении возможностей их трудоустройства, перспектив и «развитии глобального образа мышления» благодаря возможностям обучения и получения рабочего опыта в КНР. Дополнительно, как указано на сайте, программа предоставляет возможность британской молодежи «понять Китай и взаимодействовать с ним» для большей осведомленности о преимуществах международного опыта и сближения китайской и британской молодежи (в том числе с целью создания новых связей и партнерств). При этом в Британском совете практически не дают каких-либо четких данных о результатах работы Generation UK, указывая только число участников за период 2013–2019 гг. (67 тыс. человек)³. Однако мы можем отметить эту инициативу в качестве уникального для британской публичной дипломатии случая, когда ключевая опора в рамках одной инициативы де-факто была сделана на возможности развития народной дипломатии за счет регулярных и массовых поездок граждан Британии в Китай. Более никаких специальных, направленных исключительно на КНР инициатив не отмечается, что определенно диссонирует с прочими направлениями реализации мягкой силы в ИТР.

Дж. Дженнон указывал, что в сфере госслужбы правительственным структурам следует активизировать набор сотрудников с опытом получения образования, проживания и работы в КНР и владением китайским языком на продвинутом уровне⁴. Одновременно с этим в Комплексном обзоре вопросов безопасности, обороны, развития и внешней политики указываются достаточно противоречивые позиции, которые определяют взаимодействие с Китаем.

1. Представление КНР в качестве одного из ключевых антагонистов для Британии. Указано, что Лондон будет «...инвестировать в расширение возможностей противодействия Китаю, одновременно повышая нашу способность лучше понимать Китай и его народ...»⁵.

³ Generation UK: study and work in China. URL: <https://www.britishcouncil.org/education/he-science/generation-uk> (дата обращения 17 января 2024).

⁴ Written evidence submitted by James Jennion (TIP0020). URL: <https://committees.parliament.uk/writtenevidence/41291/pdf/> (дата обращения 17 января 2024).

⁵ Global Britain in a competitive age. The integrated review of security, defence, development and foreign policy. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/60644e4bd3bf7f0c91eababd/Global_Britain_in_a_Competitive_Age-the_Integrated_Review_of_Security__Defence__Development_and_Foreign_Policy.pdf (дата обращения 20 февраля 2024).

2. Налаживание позитивных торговых и инвестиционных отношений с КНР, обеспечивая при этом защиту национальной безопасности и ценностей Британии. Дополнительно Лондон будет сотрудничать с Пекином в вопросах решения транснациональных проблем (например, изменения климата)⁶.

Показательным является не только политика противодействия, основанная на расширении понимания Китая и его общества, но и выходящее за рамки классической британской прагматичности внешней политики намерение продолжить торговые отношения и инвестиции. С обратной стороны, как предполагает автор, в Лондоне четко осознают зависимость западных стран от товаров и услуг, производимых в КНР, что и обосновывает указанные позиции.

В обновленной версии Комплексного обзора безопасности, обороны и внешней политики от марта 2023 г. премьер-министр Британии Риши Сунак лишь подчеркивает ранее описанные угрозы со стороны КНР:

1. Применение рычагов государственной власти для достижения доминирующей роли на мировой политической арене.

2. Более «агрессивная позиция» Китая в Южно-Китайском море и Тайваньском проливе.

3. Вызов мировому порядку и мировой безопасности со стороны Пекина⁷.

Эксперты британского правительства указывают, что они готовы работать с Китаем в таких направлениях, как изменение климата. При этом в случае, если КПК «предпринимает попытки принуждения или создания зависимости, Лондон в целях защиты демократии и своей экономики намерен в сотрудничестве с другими сторонами дать отпор Пекину»⁸.

Как отмечали эксперты Комитета по международным отношениям Палаты лордов, подобная непоследовательность во внешней политике по отношению к Китаю образовала «стратегические пробелы» в ряде секторов⁹. Это утверждение поддержал и Дж. Дженнон, указав, что правительство не смогло сформулировать последо-

⁶ Ibid.

⁷ Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/641d72f45155a2000c6ad5d5/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (дата обращения 7 ноября 2023).

⁸ Ibid.

⁹ 1st Report of Session 2021–2022. The UK and China's security and trade relationship. URL: <https://committees.parliament.uk/publications/7214/documents/75842/def> (дата обращения 17 января 2024).

вательную стратегию по отношению к Китаю, а нестыковки между финансово-экономическими выгодами взаимодействия с КНР и стремлением Лондона к противостоянию с Пекином привели к подобным противоречиям¹⁰.

30 августа 2023 г., уже после выхода обновленной версии Обзора (март 2023 г.), в Пекине была проведена встреча между министром иностранных дел Британии Джеймсом Клеверли и вице-президентом Китая Хань Чжэном, во время которой обсуждалась возможность сохранения линий связи между странами¹¹.

В то же время британское новостное агентство Reuters сообщало, что в вопросе взаимодействия с Китаем Р. Сунак находится под давлением со стороны законодателей (в том числе экс-премьер-министра Лиз Трас), которые требуют ужесточения риторики и политики в отношении КНР, а также объявления Пекина угрозой национальной безопасности. Глава парламентского комитета по иностранным делам, член консервативной партии Алисия Кернс также выразила свое недовольство по поводу отсутствия последовательной стратегии по отношению к Китаю¹².

Сотрудничество в научной и исследовательской сферах, невзирая на неактивную деятельность Британского совета и FCDO в Китае, развивалось на достаточно высоком уровне. Однако в этом случае для Британии общая картина также остается неоднозначной. Летом 2022 г. эксперты из американской «фабрики мысли» RAND Corporation опубликовали детальное исследование, посвященное кооперации КНР и Великобритании в научно-исследовательской области. Эксперты резюмировали, что 2/3 из всего количества общих британско-китайских проектов (а также исследовательских центров) представляют китайские институты и организации.

¹⁰ Written evidence submitted by James Jennion (TIP0020). URL: <https://committees.parliament.uk/writtenevidence/41291/pdf/> (дата обращения 17 января 2024).

¹¹ Foreign secretary's meetings with China's Foreign Minister and Vice President, August 2023. URL: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretarys-meetings-with-chinas-foreign-minister-and-vice-president#:~:text=News%20story-,Foreign%20Secretary's%20meetings%20with%20China's%20Foreign%20Minister%20and%20Vice%20President,with%20senior%20Chinese%20government%20figures.&text=Foreign%20Secretary%20James%20Cleverly%20during,Chinese%20Foreign%20Minister%20Wang%20Yi> (дата обращения 17 января 2024).

¹² China, Britain make tentative steps to repair ties. URL: <https://www.reuters.com/world/uk-clear-eyed-about-disagreements-with-china-cleverly-says-2023-08-30/> (дата обращения 20 февраля 2024).

Также представлена информация о совместных разработках, в которых сфера STEM (science, technology, engineering, mathematics) составляет примерно 78% от числа всех исследований. Однако, как отмечают эксперты RAND, после 2018 г. и ухудшения взаимоотношений между Пекином и Лондоном и последующей пандемией COVID-19 наблюдалась тенденция сокращения числа совместных исследовательских центров и проектов¹³.

Впрочем нельзя утверждать, что британская публичная дипломатия в Китае находится в состоянии кризиса. Можно отметить успех Лондона в сфере привлечения китайских абитуриентов в университеты Великобритании, где выходцы из КНР занимают первую позицию по количеству поступающих в британские университеты. Этот факт в связке с экономическими выгодами от пребывания студентов из других стран в Соединенном Королевстве дает понять, что абитуриенты из КНР представляют собой колоссальный источник дохода для британского бюджета. Однако это скорее следует считать суммарным эффектом инерции от предыдущих инициатив и авторитета образовательной системы Великобритании.

Одна из ключевых претензий к континентальному Китаю со стороны не только Британии, но и прочих западных стран – это вопрос нарушения прав человека. В первую очередь, западные правительственные структуры обращаются к проблеме Тибета и Синьцзян-Уйгурского автономного района. В феврале 2024 г. Лорд Тарик Ахмад представил 45-й универсальный периодический обзор прав человека: заключительное заявление Великобритании, в котором Китаю было уделено отдельное внимание. В документе говорилось, что Китай повсеместно и регулярно нарушает права человека в рамках свободы вероисповедания или самовыражения в сфере культуры. Также в очередной раз призывалось прекратить давление на жителей Тибета и СУАР. Интересным в этом документе является то, что британские власти призывают отменить Закон о национальной безопасности, который, по мнению Британии, «подавлял оппозицию и криминализировал инакомыслие» в Гонконге¹⁴. Как считает отечественный политолог

¹³ *Quimbre F., Carlyon P., Dewaele L., Drew A.* Exploring the opportunities and challenges of research engagement with China. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_briefs/RBA1800/RBA1839-1/RAND_RBA1839-1.pdf (дата обращения 20 января 2024).

¹⁴ 45th Universal Periodic Review of human rights: UK closing statement. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/45th-universal-periodic-review-of-human-rights-uk-closing-statement> (дата обращения 21 февраля 2024).

К.А. Годованюк, у британцев сложилось особое отношение к Гонконгу, что обосновано «моральной ответственностью» за свою бывшую колонию [Годованюк 2019, с. 122]. Это во многом объясняет и особо пристальное внимание к городу, уделяемое в ежегодных отдельных докладах правительства¹⁵.

Глава британского аналитического центра Council on Geostrategy Джеймс Роджерс в октябре 2021 г. представил отчетный документ о перспективах реализации концепции «Индо-Тихоокеанского уклона», в котором отдельные позиции были посвящены непосредственно роли Китая. Очевидным остается то, что КНР рассматривается Британией в качестве системного конкурента. Лондон признает, что рост мощи Пекина и его настойчивость на мировой политической арене могут стать одним из ключевых геополитических факторов в 2020-е гг. Открытые экономики, подобные Британии, окажутся в ситуации необходимости сотрудничества с Китаем, оставаясь открытыми для торгово-инвестиционных взаимодействий. В то же время вновь подчеркивается жизненная важность кооперации в решении проблем изменения климата и потери биоразнообразия¹⁶.

Как отмечает Дж. Роджерс, ключевая проблема китайского трека заключается в авторитарном характере КПК. Это, в свою очередь, лишает Партию противовесов и сдерживающих факторов касательно «произвольной концентрации и использования власти»¹⁷.

Подобного мнения придерживаются и эксперты издания ChinaFile, которые утверждают, что действующий в Китае режим считает демократию и либерализм опасной и враждебной силой, угрожающей «его собственному захвату власти в Китае». Как следствие, это привело к замкнутости китайского сегмента сети Интернет и навязыванию «оруэлловской системы контроля»¹⁸.

Это показывает нам, что одна из проблем Китая для Британии несет сугубо идейный и принципиальный характер. Коммунисти-

¹⁵ Six-monthly report on Hong Kong: 1 January to 30 June 2023 // HM Government. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/six-monthly-report-on-hong-kong-january-to-june-2023/six-monthly-report-on-hong-kong-1-january-to-30-june-2023> (дата обращения 21 февраля 2024).

¹⁶ Written evidence submitted by the Council on Geostrategy (TIP0015). URL: <https://committees.parliament.uk/writtenevidence/40310/html/> (дата обращения 17 января 2024).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Document 9: A ChinaFile translation. How much is a hardline party directive shaping China's current political climate? URL: <https://www.chinafile.com/document-9-chinafile-translation> (дата обращения 17 января 2024).

ческая партия Китая представляется Лондону не только авторитарной организацией, но, как считает автор, неблагонадежной и вследствие этого почти недоговороспособной стороной.

Усиление авторитарных, с точки зрения Лондона, стран бросает вызов стабильности и международному порядку. Британские правительственные эксперты видят явную угрозу конструированию ориентированного на КПК порядка, который будет «более благоприятным для ее авторитарной системы». Безусловно, особенная озабоченность вызвана не только сближением Российской Федерации и Китая, но и РФ с Ираном¹⁹. Подобная риторика обоснована не только идейными причинами, но и, как считает турецкий эксперт Дженк Тамер из аналитического центра AN-KASAM, опасением того, что Пекин может реализовать силовой вариант возвращения Тайваня под свой контроль. Это наводит Лондон на прямые параллели с украинским кейсом и, очевидно, вызывает опасения²⁰.

Исходя из сложившейся для Британии ситуации, правительство сформулировало три ключевых направления, по которым планируется проведение внешней политики по отношению к КНР:

1. «Защищать»²¹. В областях, где Коммунистическая партия Китая угрожает британскому народу, безопасности и процветанию Соединенного Королевства, по мнению Лондона, Британия усилит меры по обеспечению национальной безопасности. Это включает в себя экономическую сферу, защиту демократических свобод, инфраструктуры, логистических цепочек, научно-технологическое преимущество. Кибербезопасность и сфера обороны выделена отдельной позицией. Также акцентировалось внимание на научно-академическом направлении.

2. «Выравнивать»²². Углубление сотрудничества с ключевыми партнерами и союзниками для конструирования «широкой стра-

¹⁹ Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/641d72f45155a2000c6ad5d5/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (дата обращения 7 ноября 2023).

²⁰ Тамер Ч. Конец «золотого века» британо-китайских отношений. URL: <https://www.ankasam.org/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%86-%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0-%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE-%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81/?lang=ru> (дата обращения 20 февраля 2024).

²¹ Ориг. *Protect*

²² Ориг. *Align*

тегической среды». Лондон признает ограниченность своего влияния в ИТР, поэтому Британия намерена в коллективном формате проводить работу со своими союзниками, чтобы стимулировать КНР «прозрачно и пропорционально вносить вклад в финансовую стабильность и экономическое развитие». Вопрос укрепления коллективной безопасности выделен отдельно, где указана достаточно обобщенная формулировка: «“давать отпор” поведению, которое подрывает международное право, нарушает права человека или направлено на принуждение или создание зависимости». В данном случае, как считает автор, авторы документа определенно имеют в виду Китай и его модель внутренней и внешней политики, которая считается в Британии не демократической и нарушающей права и свободы человека.

3. «Привлекать»²³. Стремясь сохранить возможность для ведения «открытых, конструктивных, предсказуемых и стабильных отношений», Лондон будет напрямую осуществлять взаимодействие с КНР. Правительственные круги осознают масштаб потенциальных выгод от торгово-инвестиционных отношений с Пекином. Инвестиционные вливания в экономику Британии со стороны Китая уже становились предметом дискуссий в правительстве, что вынудило Лондон принять в 2021 г. Закон о национальной безопасности и инвестициях, ограничивающий китайские инвестиции в Великобритании [Большаков 2021, с. 105]. Также британское правительство взяло на себя обязанность сотрудничать с промышленным сектором Китая для сохранения цепочек поставок и, как следствие, обеспечения национальной безопасности²⁴.

Проблема присутствия китайских Институтов Конфуция, являющихся передовым инструментом мягкой силы КНР, неоднократно поднималась в медийном поле. Так, Р. Сунак обещал закрыть все тридцать действующих в Великобритании филиалов Института, но, как заявляют многие британские СМИ, это было не выполнено²⁵. Организация UK-China Transparency (УКСТ) в апреле 2023 г. опубликовала исследование “Are Confucius Institutes legal?”, в котором указаны не только риски, вызванные работой Институтов Конфуция в Британии, но и ряд претензий к органи-

²³ Ориг. *Engage*

²⁴ In focus. UK-China relations. URL: <https://lordslibrary.parliament.uk/uk-china-relations/#heading-3> (дата обращения 21 февраля 2024).

²⁵ Rishi Sunak u-turns on proposed ban on Chinese institutes. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-65624287> (дата обращения 21 февраля 2024).

зации. В частности, дискриминация во время найма на работу и ангажированность филиалов в пользу КПК²⁶.

Британские правительственные круги настороженны в первую очередь из-за того, что преподавательский состав филиалов Института набирается исключительно из КНР и перед отправкой проверяется на предмет «соблюдения “дисциплины КПК” в Великобритании» и в перспективе эти люди «обязаны подрывать свободу слова и осуществлять притеснения по команде»²⁷. Как считает автор, эти доводы несубъективны и в большей степени не имеют оснований, а условный страх правительства касательно подрыва свободы слова является прикрытием для ликвидации филиалов. В период 2020–2023 гг. Лондон даже рассматривал открытие альтернативных центров изучения китайского языка при поддержке Тайбэя²⁸, что открывало дополнительные пути для решения проблемы нехватки кадров среди экспертов-китаистов. Однако этот вопрос остался нерешенным.

Заключение

В ходе исследования автор пришел к следующим выводам.

Среди политиков и экспертов Британии наблюдаются дискуссии о подходе Лондона к ведению дел с Пекином. Разлад присутствует между представителями консервативной партии и лейбористами. Противники британско-китайского диалога неоднократно обвиняли действующее правительство в непоследовательности действий по отношению к КНР. Во многом это обосновано резким контрастом между действиями Лондона (отказом от изоляции Пекина и продолжением торгово-экономических связей между странами) и основными положениями ключевых для британской внешней политики документов. Эта проблема усугубляется недостатком компетентных кадров в правительственных кругах, специализирующихся на Китае. Несмотря на ряд инициатив, направленных на развитие китаистики в Великобритании, эта проблема все еще остается актуальной.

²⁶ Are Confucius Institutes legal? URL: <https://ukctransparency.org/wp-content/uploads/2023/04/EXECUTIVE-SUMMARY-Are-Confucius-Institutes-legal-1.pdf> (дата обращения 8 января 2024).

²⁷ Ibid.

²⁸ Wu A., Reid M. For the UK, Taiwan could provide an alternative to Confucius Institutes. URL: <https://taiwaninsight.org/2023/03/10/for-the-uk-taiwan-could-provide-an-alternative-to-confucius-institutes/> (дата обращения 8 января 2024).

Начиная с 2021 г., когда Лондон закрепил Индо-Тихоокеанский уклон в основополагающих документах, риторика британцев о КНР сводилась к выстраиванию антагонистического образа Китая. Однако стоит отметить, что в последней версии от 2023 г. негативный образ Пекина усилился, что было вызвано началом боевых действий в Украине в 2022 г. и, как следствие, ухудшением отношения Лондона к авторитарным странам (к числу которых британские эксперты причисляют РФ и Китай). Как считает автор, нагнетание ситуации вокруг угроз, исходящих со стороны Китая – это только один из поводов для продвижения позиций Лондона в ИТР в сфере безопасности.

При этом в первой версии Комплексного обзора вопросов безопасности, обороны, развития и внешней политики от 2021 г. и обновленной версии редакции 2023 г. прямых заявлений о готовности Британии к прямой военной конфронтации с КНР нет. Во многом, как признают в Лондоне, это может быть связано с ограниченными возможностями британцев в регионе Индо-Пацифики и зависимостью страны от логистических, торговых и инвестиционных связей с Китаем.

Таким образом, можно заключить, что в рамках Индо-тихоокеанского уклона Китай, а точнее угрозы, исходящие со стороны КПК и Пекина, выставляются в качестве одного из оснований присутствия Лондона в регионе. Защита национальных интересов Британии и прав человека в регионе, а также поддержание стабильности в Тайваньском проливе – это ключевые аргументы, представленные Британией для расширения зоны своего присутствия в Индо-Пацифике.

Литература

- Годованюк 2019 – *Годованюк К.А.* Фактор Гонконга в британо-китайских отношениях // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 6. С. 122–127.
- Большаков 2021 – *Большаков А.В.* Китайские инвестиции в британскую экономику: структура, динамика, перспективы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 2. С. 100–109.
- Савченко, Москалева 2016 – *Савченко Е.О., Москалева А.А.* Внешняя политика Великобритании и проблема китайского выбора Дэвида Кэмерона // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 1 (21). С. 20–24.

References

- Bolshakov, A.V. (2021), “Chinese investments in the British disaster: structure, dynamics, prospects”, *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, no. 2, pp. 100–109.
- Godovanyuk, K.A. (2019), “The Hong Kong factor in UK-China relations”, *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, no. 6, pp. 122–127.
- Savchenko, E.O. and Moskaleva, A.A. (2016), “Foreign policy of The United Kingdom and the challenge of Chinese option of David Cameron”, *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, no. 6, pp. 20–24.

Информация об авторе

Владислав С. Севрюк, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sevriuk.vlad@mail.ru

Information about the author

Vladislav S. Sevriuk, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sevriuk.vlad@mail.ru

Бразилия и ее роль в формировании мирового порядка XXI века

Стефан А. Сайфутдинов

Московский государственный институт

международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия,

saifutdinov1354@gmail.com

Аннотация. В данной статье автор пытается определить место и роль Бразилии в мировой политике и выяснить, какая модель порядка считается приемлемой для современного этапа развития международных отношений. Изучается вопрос о готовности Бразилии занять место в ряду ведущих мировых держав и ее способность стать крупным региональным интеграционным центром на латиноамериканском пространстве. Прослеживается эволюция взглядов руководства страны на ее место в формирующемся мировом порядке с момента распада биполярной системы, а также оценки современного внешнеполитического курса Бразилии со стороны экспертов латиноамериканских научных изданий. Наконец, автор затрагивает особенно актуальные в последние месяцы вопросы – дальнейшее функционирование трека БРИКС по итогам саммита в Йоханнесбурге, где были выработаны критерии для кандидатов на вступление и определены первые новые члены, которые вступят в клуб с 2024 г. Автор приходит к выводу о том, что в настоящее время Бразилия пока не готова стать новой великой державой, но активно стремится играть одну из ведущих ролей в новой формирующейся системе международных отношений не только как региональный центр, но и как полноправный игрок.

Ключевые слова: Бразилия, великая держава, мировой порядок, БРИКС, политическая нестабильность, интеграция

Для цитирования: Сайфутдинов С.А. Бразилия и ее роль в формировании мирового порядка XXI века // Вестник РГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 117–130. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-117-130

Brazil and its role in shaping the 21st century world order

Stefan A. Sayfutdinov

MGIMO University, Moscow, Russia, saifutdinov1354@gmail.com

Abstract. In this article, the author tries to determine Brazil's place and role in global politics and define which order model is acceptable for the current stage in the development of international relations. He studies the issue of Brazil's willingness to take a place among the leading world powers and the country's capability to become a leading regional integration center in Latin America. The author traces the evolution of the views of the Brazilian government on the country's place in the emerging world order since the bipolar system collapse, and also ascertains the evaluation of Brazil's current foreign policy agenda on the part of Latin American experts. Finally, the author addresses the issues of particular relevance in recent months – the further functioning of the BRICS track following the Johannesburg summit, where the parties' leaders developed the criteria for candidates' entry and defined the first new members to join the BRICS club starting with 2024. The author concludes that though Brazil is currently not yet ready to become a new great power, it still seeks to develop into a key player within the new international relations system, positioning itself not only as a regional center, but also as a fully-fledged actor.

Keywords: Brazil, great power, world order, BRICS, political instability, integration

For citation: Sayfutdinov, S.A. (2024), "Brazil and its role in shaping the 21st century world order", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 117–130, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-117-130

Введение

В современных условиях все большее значение приобретают геополитические пространства, за влияние на которых ведущие мировые державы ведут трудную борьбу. Одним из таких пространств как раз является регион Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ). С одной стороны, он стал точкой коллизии интересов великих держав: США считали и по-прежнему считают его своей исторической сферой влияния, Россия стремится укрепить свои позиции на незападных направлениях, а КНР активно использует экономические рычаги в процессе консолидации «глобального Востока и Юга». С другой стороны, на самом латиноамериканском

пространстве появляются акторы, стремящиеся к полноценному участию в современном международном регулировании; среди них выделяется явный лидер – Бразилия. В этой связи встают следующие вопросы: каков нынешний статус этой страны и в чем проявляется ее роль в формирующемся мировом порядке XXI века? Какие существуют факторы, укрепляющие или, наоборот, ослабляющие позиции Бразилии в современной мировой политике? И готова ли страна занять место в клубе ведущих мировых держав?

Для поиска ответов на вышеуказанные вопросы автор использует ретроспективный анализ официальных внешнеполитических позиций Бразилии с момента завершения холодной войны до наших дней, а также опирается на ряд публикаций российских и зарубежных (в частности латиноамериканских) экспертов в области международных отношений. Таким образом, рассматриваемая проблематика действительно представляет собой практический интерес, особенно в контексте нынешних геополитических реалий и подъема «глобального Востока и Юга».

Тематика исследования имеет безусловную актуальность в текущих геополитических реалиях: за последние годы в российских научных изданиях (например, Вестнике МГИМО-Университета и «Ибероамериканских тетрадах») заметно участились публикации экспертов, посвященных направлению ЛАКБ. Данная статья призвана познакомить читателя с эволюцией бразильской внешнеполитической мысли после завершения холодной войны и ее собственным видением своего места в системе международных отношений. Ввиду схожего видения Россией и Бразилией справедливой модели международного порядка, а также конструктивного характера наших партнерских отношений следует лучше понять позицию наших бразильских коллег по этой стратегически важной проблеме.

В рамках настоящего исследования автор выдвигает следующую гипотезу: *на современном этапе Бразилия не претендует на место новой «великой державы», однако она располагает амбициями и ресурсами для активного влияния на мировую политику и как региональный центр, и как один из локомотивов динамично развивающегося «незападного мира».*

Эволюция позиции Бразилии по миропорядку и фактор США

Прежде всего стоит отметить, что вопрос о «великодержавности» Бразилии неоднократно поднимался в официальном политическом дискурсе и научных кругах. В частности, в конце

2000-х гг. бразильское руководство определяло роль страны как «моста между правительствами» [Дабагян 2014, с. 79] различного идеологического толка, стремящегося обеспечить равновесие и безопасность как на своем континенте, так и в системе международных отношений в целом. Аналогичную характеристику выдвигает и российский эксперт Б.Ф. Мартынов: по его словам, Бразилия ведет методичную работу, присущую «ответственному субъекту» мировой политики: усиление континентальных связей, развитие диалога с другими быстроразвивающимися государствами и поиск новых форматов отношений с государствами Запада [ИЛА РАН 2014, с. 34–35]. В то же время существуют внешние и внутренние факторы, препятствующие становлению страны в этом качестве: о них будет сказано ниже при прослеживании официальной позиции Бразилии с 1990-х гг. до наших дней.

После крушения биполярной системы остро встал вопрос о дальнейшем положении латиноамериканского региона в системе международных отношений. В начале 90-х годов бразильское руководство говорило о явном нарушении баланса в этой системе, обусловленном распадом одного из полюсов – СССР и Восточного блока, и оно практически сразу начало продвигать меры по модернизации и укреплению авторитета страны на международной арене. Так, в период президентства Фернандо Коллора ди Мелло (1990–1992) Бразилия ратифицировала Международный пакт о гражданских и политических правах и провела Конференцию ООН по окружающей среде и развитию, состоявшуюся в Рио-де-Жанейро; на региональном направлении в те годы Бразилия стала учредителем МЕРКОСУР вместе с Аргентиной, Уругваем и Парагваем. Курс на глобальную активизацию продолжила следующая администрация во главе с Фернандо Энрике Кардозу (1995–2003). Помимо введения плана «Реал» по макроэкономической стабилизации через приватизацию государственных компаний, страна усилила свою интеграцию в международную систему: в 1995 г. Бразилия присоединилась к Международному режиму по контролю за ракетными технологиями, в 1998-м – ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия, а также признала юрисдикцию Международного уголовного суда и Межамериканского суда по правам человека. Хотя такая политика и может показаться классическим примером сближения с Западом, бразильское руководство в те годы расценивало этот курс как адаптацию к быстроменяющейся мировой обстановке посредством перехода от модели «автономии через дистанцирование» к «автономии через участие» [De Castro Neves 2012].

Тем не менее Бразилия разделяла далеко не все западные идеи. В частности, сразу появилось недоверие к попыткам Соединенных

Штатов построить всеамериканский проект через создание зоны свободной торговли Америк (АЛКА). Этот формат был в первую очередь нацелен на служение преимущественно интересам Вашингтона без обеспечения равных условий для его южных соседей. Кроме того, провалу этого проекта во многом способствовали как внутренние кризисные явления в самом регионе ЛАКБ, так и события 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними интервенция США в Афганистан и Ирак [Мартынов 2022]. Это дало время странам региона на поиск собственных интересов, чем умело воспользовался пришедший к власти в 2003 г. Лула да Силва: во время его первого президентства были основаны такие региональные организации, как Союз южноамериканских наций (УНАСУР) и Южноамериканский совет обороны (ЮАСО). Бразилия выдвинула в ООН концепцию «ответственности *во время защиты*» в противовес западной «ответственности *по защите*», а также стала одним из учредителей объединения БРИК (БРИКС) и вошла в «Группу двадцати». Бразилия начала приобретать черты регионального лидера.

Затем начался период политической нестабильности, затормозивший стремление Бразилии к активному участию в формировании мирового порядка. С 2011 по 2016 г. президентом страны была Дилма Руссеф – продолжательница курса Лулы и сторонница многополярной системы, стремившаяся к укреплению отношений с другими развивающимися государствами и справедливой интеграции. Именно в период ее президентства страна активнее всего осуществляла сотрудничество по линии БРИКС; на саммите в Форталезе в 2014 г. лидеры «пятерки» договорились о создании Нового банка развития [Stuenkel 2015], который впоследствии сыграл роль «защитной подушки» для участников БРИКС в период пандемии COVID-19 и в нынешних условиях беспрецедентного давления со стороны стран «коллективного Запада».

Вскоре позиции Руссеф пошатнулись – во многом из-за экономической рецессии, сопровождаемой коррупционными скандалами и недовольством общественности намерением властей построить несколько плотин в бассейне Амазонки. Сенат объявил ей импичмент¹, а ее полномочия перешли вице-президенту Мишелу Темеру. Но за два года он не смог найти достаточной поддержки и на выборы 2018 г. свою кандидатуру выдвигать не стал. Прези-

¹ Rousseff D. 'I'm the victim of a great injustice' // CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2016/05/12/americas/brazil-rousseff-impeachment-vote/index.html> (дата обращения 10 августа 2023).

дентская гонка стала определяющей в новом внешнеполитическом курсе Бразилии: победил крайне правый Жаир Болсонару. Еще во время своей избирательной кампании он совершил турне в США, Израиль, Японию, Республику Корея и на Тайвань, тем самым продемонстрировав новый образ внешней политики Бразилии, добавив, что его страна должна прекратить «восхвалять диктаторов и нападать на демократии»².

Болсонару с восхищением относился к тогдашнему президенту США Дональду Трампу и его внешней политике. В то время в отношениях США и Бразилии намечались следующие тренды³:

- необходимость разрыва отношений с администрацией Николаса Мадуро в Венесуэле (Болсонару полностью поддержал оппозиционера Хуана Гуайдо и даже признал его власть в Каракасе законной);
- жесткая критика левых режимов, особенно на Кубе;
- намерение перенести посольство Бразилии в Израиле в Иерусалим по примеру Трампа;
- потенциальное размещение базы армии США на территории Бразилии и возможное вступление страны в НАТО.

Первый визит в качестве главы государства Болсонару совершил именно в Израиль, где его принял премьер-министр Биньямин Нетаньяху. В ближневосточном конфликте лидер Бразилии занял принципиальную позицию: он заявил, что Палестина – «это не страна», а Бразилия «не ведет переговоров с террористами»⁴, чем вызвал крайнее недовольство со стороны Лиги арабских государств. Первым же гостем Болсонару стал президент Аргентины Маурисио Макри. Лидер Бразилии поздравил своего коллегу с тем, что ему удалось положить конец 12-летнему правлению «перонистов» в лице Нестора и Кристины Киришнер, с которыми он сравнивал своих предшественников – Лулу да Силву и Дилму

² Campos A.C. Veja as propostas de Bolsonaro e Haddad para a política externa // Agência Brasil. URL: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/politica/noticia/2018-10/veja-propostas-de-bolsonaro-e-haddad-para-politica-externa> (дата обращения 12 августа 2023).

³ Brazil Should Shun Venezuela and Embrace Israel, Bolsonaro's Son Says // Bloomberg. 10 Oct. 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-10-10/brazil-to-shun-venezuela-and-embrace-israel-bolsonaro-son-says> (дата обращения 14 августа 2023).

⁴ Israel hails election of Brazil's controversial Bolsonaro, who plans visit soon // Time of Israel. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-hails-election-of-brazils-controversial-bolsonaro-who-plans-visit/> (дата обращения 15 августа 2023).

Руссеф⁵. В ходе беседы Болсонару заявил о необходимости преобразования МЕРКОСУР, отметив, что хотя Бразилия и не собирается из него выходить, он нуждается в переменах, так как его механизмы были сосредоточены на решении не экономических, а идеологических вопросов.

Отношения Бразилии с другими игроками на мировой арене при Болсонару также складывались довольно неоднозначно. Например, к связям с КНР лидер Бразилии относился с неким недоверием: несмотря на то что в 2018 г. Бразилия получила прибыль от торгового обмена с Пекином в размере \$20 млрд, а Китай занимает только 13-е место среди поставщиков ПИИ в страну, Болсонару постоянно заявлял, что КНР таким образом «купит Бразилию». Тем не менее он хотел продолжать деловые контакты с Пекином, в то же время выработывая лучшие условия с другими государствами, «без какой-либо идеологической подоплеки»⁶. С Индией же отношения складывались позитивнее: Бразилия и Дели объединяет тот факт, что обе страны стремятся к получению статуса постоянного члена в Совбезе ООН – для Болсонару это был один из ключевых приоритетов.

Ж. Болсонару не забывал и о поддержании отношений с Москвой. В апреле 2021 г. на встрече с Президентом РФ В.В. Путиным он обсудил перспективы создания консорциума по налаживанию производства российской антиковидной вакцины «Спутник V» на территории Бразилии, однако эти планы не были осуществлены во многом из-за давления со стороны США, когда президент Д. Трамп отговорил Болсонару от использования российской вакцины⁷. За несколько дней до начала спецоперации на Украине Болсонару провел встречу с Путиным, несмотря на большое давление со стороны представителей государств Запада; тогда он подверг критике их политику, направленную на уничтожение российской экономики путем санкций и разрыва внешнеэкономических связей.

⁵ *Almendariz A.* Bolsonaro: “Un abrazo a Macri, que terminó con la ‘Dilma Kirchner’” // *La Nacion*. URL: <https://www.lanacion.com.ar/2180830-bolsonaro-un-saludo-macri-termino-dilma-kirchner/> (дата обращения 15 августа 2023).

⁶ *Bolsonaro will regret baiting the Chinese tiger* // *Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/b5371a10-044a-11e9-bf0f-53b8511afd73> (дата обращения 12 сентября 2023).

⁷ *U.S. officials pushed Brazil to reject Russia’s coronavirus vaccine, according to HHS report* // *Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2021/03/16/hhs-brazil-sputnik-russia/> (дата обращения 12 сентября 2023).

Позиции Болсонару пошатнулись из-за внутривнутриполитических скандалов, связанных с возможными манипуляциями в избирательной системе, а также с неэффективными действиями властей по борьбе с пандемией COVID-19, когда в стране было зарегистрировано 37,5 млн случаев заражения, а более 700 тыс. человек скончались от болезни (3-й показатель в мире после США и Индии). Эти факторы, безусловно, сказались на его результате в ходе следующих президентских выборов 2022 г., когда он проиграл Луле. Данный сдвиг ознаменовал возвращение к открытой и независимой политике в отношениях со всеми государствами. Бразилия заявила о реинтеграции в состав Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК). На его VII саммите Лула выступил за модернизацию МЕРКОСУР и поддержал идею введения общей единицы расчетов между Бразилией и Аргентиной, к которой впоследствии могут подключиться другие государства ЛАКБ ради укрепления континентальной интеграции⁸. Кроме того, Лула поддержал стремление Аргентины вступить в БРИКС, а также приветствовал назначение Дилмы Руссеф на пост генерального директора Нового банка развития. В отношениях с США Лула делает акцент на вопросах миграции, климатической повестке и экономическом развитии, но и не забывает о кризисах в других регионах мира. Так, на встрече с президентом США Джо Байденом в феврале 2023 г. Лула предложил сформировать группу по урегулированию кризиса вокруг Украины, состоящую из представителей стран, не вовлеченных в этот конфликт.

Администрация Лулы активизируется и на восточном направлении. В апреле 2023 г. состоялся визит президента Бразилии в Китай: стороны обсудили вопросы урегулирования по Украине, а также перспективы торговли между развивающимися странами в их национальных валютах на примере Бразилии и Пекина⁹. Наконец, стоит упомянуть и о курсе Лулы в отношениях с Москвой. С В.В. Путиным его связывают давние дружественные отношения еще с его первого президентского срока: тогда они сотрудничали в поиске решения иранской ядерной программы и поддерживали диалог с латиноамериканским интеграционным блоком АЛБА. Однако, как

⁸ Brazil and Argentina are discussing whether to combine currencies // Buenos Aires Times. URL: <https://batimes.com.ar/news/economy/brazil-and-argentina-are-discussing-whether-to-combine-currencies.phtml> (дата обращения 22 сентября 2023).

⁹ China, Brazil strike deal to ditch dollar for trade // The Straits Times. URL: <https://www.straitstimes.com/world/china-brazil-strike-deal-to-ditch-dollar-for-trade> (дата обращения 23 сентября 2023).

отмечают эксперты клуба «Валдай», в нынешних условиях Лула вынужден проводить крайне осторожную внешнюю политику с оглядкой на внутривалдайскую обстановку. Нынешние экономические проблемы и преобладание оппозиции в парламенте заставят руководство Бразилии искать внешнюю поддержку и источники инвестиций; тем самым возрастает вероятность вмешательства западных государств (США и ЕС) во внешнюю политику страны¹⁰. Сама же Россия видит Бразилию ключевым партнером в построении многополярного порядка, которого ни в коем случае нельзя потерять.

Латиноамериканские эксперты о роли Бразилии и трек БРИКС

А каков взгляд на роль Бразилии в современном миропорядке из самой Латинской Америки? Этот вопрос представляет собой особый интерес: анализ публикаций экспертов этих стран позволяет напрямую понять как позицию страны – лидера региона ЛАКБ, так и саму специфику латиноамериканского подхода к международной политике. Таким образом, становится возможным более четко понять взгляд изнутри континента на данную проблематику.

В первую очередь обратимся к статье «Возвращение Лулы и внешняя политика Бразилии», подготовленной в декабре 2022 г. аргентинским научным журналом *Nueva Sociedad*. Эксперты выделяют два типа задач, которые предстоит решить администрации Лулы. Первый – это внедрение срочных мер, связанных с погашением международной задолженности, накопленной за срок президентства Болсонару по участию страны в международном регулировании. В противном случае это может поставить под сомнение право голоса страны в рамках структуры ООН, в том числе в Совбезе как непостоянного члена. Второй – это восстановление норм и институтов с участием Бразилии, от которых отошла администрация Болсонару (СЕЛАК, УНАСУР, Амазонский пакт, а также возобновление отношений с Венесуэлой и содействие решению кризиса на Гаити).

Главным же вызовом для Бразилии эксперты *Nueva Sociedad* считают придание формы, идентичности и содержания структур-

¹⁰ *Заболоцкий Б.П.* Возвращаясь к прошлому и проектируя будущее: чего ждать России от нового правительства Лулы да Силвы? // Валдай. 07.11.2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vozvrashchayas-k-proshlomu-i-proektiruya-budushchee/> (дата обращения 24 сентября 2023).

ному проекту страны. В современных условиях намечается тренд сочетания кризисов и преобразований, которое предоставляет шанс четко определить внешнеполитические линии. Нестабильная международная обстановка вынуждает Бразилию проводить осторожную внешнюю политику [Hirst 2022]: авторы говорят о необходимости одновременного поиска мер по взаимодействию с Западом и дистанцирования от него наряду с укреплением своего статуса как одного из лидеров «глобального Юга» – стремление к расширению формата БРИКС+, работа по линии IBSA и диверсификация связей ЛАКБ со странами арабского мира и Африки. Мир в настоящее время переживает период поляризации, и Бразилия стремится сохранить свои интересы и укрепить роль в мировой политике через так называемую президентскую дипломатию с опорой на инициативность и решительность Лулы. Эксперты полагают, что продуктивность такой политики будет в первую очередь зависеть от того, сможет ли новая администрация придать социальный смысл внутреннему демократическому проекту для преодоления противоречий в обществе, а также переформировать свой внешний курс.

Невозможно не затронуть и взгляд из самой Бразилии на данный вопрос. Так, Даниэл Флемес в своей статье «Бразильское видение будущего глобального порядка» упоминает концепцию так называемого мягкого балансирования (или, как он сам ее называет, «латентной мультиинституционализации»). Такой подход к международным делам подразумевает одновременно активную работу в рамках действующих международных институтов, поиск новых интеграционных форматов и стремление поддерживать приемлемый уровень отношений с ведущими мировыми державами. Например, сама Бразилия выступила инициатором формата IBSA вместе с Индией и ЮАР, образует «Группу четырех» с Германией, Индией и Японией и принимает активное участие в формате G77 (клуб 77 незападных государств в рамках ООН). Эксперт отмечает, что в нынешнем «порядке великих держав» Бразилия как региональный лидер и инициативный актер в рамках международных институтов имеет возможность как активно влиять на международные процессы, так и сохранять существенно независимый характер своего внешнеполитического курса [Flemes 2010].

И хотя Бразилия выступала против активного расширения клуба БРИКС¹¹, когда основным спорным вопросом были темпы его

¹¹ Reuters узнал, что Бразилия стала основным противником расширения БРИКС // РБК. 02.08.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2023/64ca0a929a79477fffdde4e0> (дата обращения 6 октября 2023).

расширения, прошедший в августе 2023 г. саммит в Йоханнесбурге показал, что стороны по-прежнему способны найти компромисс и выстраивать конструктивный диалог: был достигнут результат расширения. Для латиноамериканского региона большой победой стал тот факт, что с 1 января 2024 г. в состав БРИКС должен был войти сосед и ведущий региональный партнер Бразилии – Аргентина, которой было бы предоставлено место наряду с Ираном, Египтом, ОАЭ, Саудовской Аравией и Эфиопией¹². Но следует помнить, что на пространстве ЛАКБ государства нередко меняют курс на противоположный: как отмечали эксперты РСМД, Аргентина может стать своеобразным «черным лебедем» для БРИКС, если на выборах в октябре 2023 г. победу одержит набравший популярность крайне правый кандидат Хавьер Милей¹³. В итоге это и произошло: после своего избрания он провозгласил курс на активное сближение с Западом и направил всем участникам БРИКС официальное письмо с отказом от вступления в клуб¹⁴. Следовательно, особое внимание на данную ситуацию должна обращать именно Бразилия как один из учредителей клуба и ведущая сила на пространстве ЛАКБ.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, стоит констатировать, что в настоящее время Бразилия *не готова стать новой «великой державой»*, несмотря на активизацию ее внешней политики в последние годы.

В сфере глобального регулирования позиции Бразилии пока что не так сильны, как того желает администрация Лулы да Силвы. Заинтересованности в решении глобальных проблем и активизации деятельности на данном треке явно недостаточно. У Бразилии практически нет опыта деятельности в качестве ведущей мировой

¹² BRICS welcomes new members in push to reshuffle world order // Reuters. 24.08.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/brics-poised-invite-new-members-join-bloc-sources-2023-08-24/> (дата обращения 7 октября 2023).

¹³ Панова В. Импульс многополярности: итоги саммита БРИКС в ЮАР // РСМД. 1.09.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/impuls-mnogopolyarnosti-itogi-sammitya-briks-v-yuar/> (дата обращения 14 октября 2023).

¹⁴ Devanna C. El gobierno de Javier Milei oficializó que la Argentina no entrará a los Brics // La Nacion. 29.12.2023. URL: <https://www.lanacion.com.ar/politica/el-gobierno-de-javier-milei-oficializo-que-la-argentina-no-entrara-a-los-brics-nid29122023/> (дата обращения 14 октября 2023).

державы. Кроме того, государствам-лидерам в международных делах присуща высокая самостоятельность во внутренней и внешней политике, а у Бразилии такого пока не наблюдается. Во многом это обусловлено нестабильной внутренней ситуацией: 30% населения страны живут за чертой бедности, ВВП на душу населения составляет менее \$10 тыс.¹⁵, а уровень безработицы и социального расслоения довольно высок (соответственно 14% и 49 пунктов по коэффициенту Джини)¹⁶.

Несмотря на указанные изъяны, страна активно стремится занять сильные позиции в формирующейся модели мирового порядка. Вопреки внутренним противоречиям и внешнему давлению, президентство Лулы заметно ускорило реинтеграцию страны в международное регулирование, особенно в сфере экологических проблем. Однако ей нужно проводить крайне осторожную политику, если она хочет достичь этой цели – система строится без прямого противостояния США, идет активная консолидация стран «глобального Востока и Юга», но первое место во внешнеполитическом курсе должно всегда отводиться национальным интересам. Особое внимание уделяется фактору личности – Лула, выстраивающий последовательный диалог со всеми государствами, использует свой авторитет и решительность как сильную сторону для реализации курса страны в современных нестабильных условиях. Иными словами, Бразилия в настоящее время остается страной, балансирующей на границе между западным либеральным миропорядком и новой многополярной системой, однако ее выделяет то, что она смотрит не внутрь этого порядка, а стремится расширить свое видение за счет привлечения других государств к построению полицентричной системы международных отношений, где она играет роль крупного регионального центра.

Литература

Дабагян 2014 – *Дабагян Э.С.* Примеряя одежды великой державы: основные направления внешней политики Бразилии в начале XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 2. С. 73–97.

¹⁵ *Ayala F.* Brazil: an actor in world politics? // Meer. 3.05.2023. [URL: <https://www.meer.com/en/73511-brazil-an-actor-in-world-politics> (дата обращения 28 октября 2023)].

¹⁶ GINI index (World Bank estimate) – Brazil. World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=BR> (дата обращения 29 окт. 2023).

- ИЛА РАН 2014 – БРИКС – Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие / Под общ. ред. В.М. Давыдова. М.: Ин-т Латинской Америки РАН, 2014. 187 с.
- Мартынов 2022 – *Мартынов Б.Ф.* Эволюция латиноамериканской подсистемы МО // Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI в. / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. 3-е изд., испр., доп. и перераб. М.: Аспект-Пресс, 2022. С. 393–411.
- De Castro Neves 2012 – *De Castro Neves J.A.* Brazil as an emerging power in the 21st century // *Emerging powers in a comparative perspective* / Ed. by V. Nadkarni, N.C. Noonan. L.: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 189–208.
- Flemes 2010 – *Flemes D.* A visão brasileira da futura ordem global // *Contexto Internacional*. Vol. 32. No. 2. Rio de Janeiro, Pontifícia Universidade Católica do Rio de Janeiro: Instituto de Relações Internacionais, 2010. P. 403–436.
- Hirst 2022 – *Hirst M., Tokatlian J.G.* La vuelta de Lula y la política exterior brasileña // *Nueva Sociedad*. 2022. Dec. URL: <https://nuso.org/articulo/Lula-politica-exterior-brasil/> (дата обращения 1 октября 2023).
- Stuenkel 2015 – *Stuenkel O.* The BRICS and the future of global order. Washington, DC: Lexington Books, 2015. 288 p.

References

- Dabagyan, E.S. (2014), “Trying on the clothes of a great power: Key directions of Brazilian foreign policy at the beginning of the 21st century”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no. 2, pp. 73–97.
- Davydov, V.M., ed. (2014), *BRICS – Latinskaya Amerika: pozitsionirovanie i vzaimodeystvie* [BRICS – Latin America: positioning and interaction], Institut Latinskoi Ameriki RAN, Moscow, Russia.
- De Castro Neves, J.A. (2012), “Brazil as an emerging power in the 21st century”, in Nadkarni, V. and Noonan, N.C., eds., *Emerging powers in a comparative perspective*, Bloomsbury Publishing, London, UK, pp. 189–208.
- Flemes, D. (2010), “Brazilian vision of the future global order”, *Contexto Internacional*, vol. 32, no. 2, pp. 403–436.
- Hirst, M. and Tokatlian, J.G. (2022), “La vuelta de Lula y la política exterior brasileña”, *Nueva Sociedad*, Dec., available at: <https://nuso.org/articulo/Lula-politica-exterior-brasil/> (Accessed 1 Oct. 2023).
- Martynov, B.F. (2022), “Evolution of Latin American IR subsystem”, in Shakleina, T.A. and Baykov, A.A., eds., *Megatrendy: Osnovnye traektorii evolyutsii mirovogo poriyadka v XXI veke* [Megatrends: Key trajectories of the 21st century world order evolution], Aspekt-Press, Moscow, Russia, pp. 393–411.
- Stuenkel, O. (2015), *The BRICS and the future of global order*, Lexington Books, Washington, DC, USA.

Информация об авторе

Стефан А. Сайфутдинов, магистрант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; saifutdinov1354@gmail.com

Information about the author

Stefan A. Saifutdinov, master's degree student, MGIMO University, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454; saifutdinov1354@gmail.com

Роль Конгресса в формировании иранского вектора внешней политики США (на примере ядерной сделки)

Альберт А. Новиков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, novikovalbert2000@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе институционального подхода рассматривается вопрос о влиянии Конгресса на формирование политики США в отношении Ирана. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу о снижении роли законодательной власти в процессе принятия внешнеполитических решений при сохраняющейся возможности воздействия на внешнюю политику посредством осуществления права решения вопросов войны и мира, реализации функции надзора за деятельностью исполнительной власти, ратификации международных договоров, регулирования внешнейторговой политики (в частности санкционной), а также слушаний в Конгрессе. Авторский анализ законодательных актов Конгресса по вопросам, связанным с Ираном, свидетельствует о существовании широкой двухпартийной поддержки санкционной политики. В то же время материалы слушаний в Конгрессе в период с 2009 по 2023 гг. демонстрируют, что Демократическая партия не имеет однозначной позиции по иранской политике, в то время как Республиканская партия четко придерживается бескомпромиссного санкционного подхода.

Ключевые слова: американо-иранские отношения, процесс принятия внешнеполитических решений, Конгресс США, санкционная политика, иранская ядерная сделка

Для цитирования: Новиков А.А. Роль Конгресса в формировании иранского вектора внешней политики США (на примере ядерной сделки) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 131–144. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-131-144

The role of the U.S. Congress in formulating the Iran nuclear deal

Albert A. Novikov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, novikovalbert2000@mail.ru*

Abstract. This article investigates the role of the U.S. Congress in constructing American foreign policy on Iran by implementing the institutional theory. The author emphasizes the decreased role of the legislative power in U.S. foreign policy decision-making, although the legislative branch has retained such functions as shaping the policies regarding war and peace, oversight of the executive branch, ratification of treaties, and regulation of international trade, including economic sanctions. In particular, Congressional legislative acts on Iran reflect broad bipartisan consensus on the sanctions issue. At the same time, the analysis of Congressional hearings (2009–2023) on the Iran nuclear agreement indicates that the U.S. Democratic Party did not come to a coherent stance on Iran, while the Republican Party’s support for sanctions remained unwavering.

Keywords: US-Iran relations, foreign policy decision-making, the US Congress, sanctions, the Iran nuclear deal

For citation: Novikov, A.A. (2024), “The role of the U.S. Congress in formulating the Iran nuclear deal”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 131–144, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-131-144

Введение

С момента появления Соединенных Штатов Америки как политического игрока на Ближнем Востоке Иран занимал важное место на шкале внешнеполитических приоритетов Вашингтона в данном регионе. Долгое время отношения между странами были дружественными. Однако после Исламской революции 1978–1979 гг. произошло кардинальное изменение их характера: отношения между США и Исламской Республикой Иран, провозглашенной в 1979 г., с того момента и по сей день характеризуются высоким уровнем напряженности, которая в зависимости от политической конъюнктуры усиливается или ослабевает. Но так или иначе, Иран – одна из ключевых стран Ближнего Востока, без учета позиции которой невозможно проводить взвешенную и целостную политику в регионе.

Учитывая роль Конгресса США в процессе принятия внешнеполитических решений, на основе материалов слушаний и принятых законодательных актов выявляется степень его влияния на формирование иранского направления внешней политики страны. Институциональный метод используется в статье для характеристики современного процесса принятия внешнеполитических решений в США, в то время как эмпирический метод был задействован для изучения материалов слушаний в Конгрессе, их обобщении и систематизации.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2009 г., когда в должность президента США вступил Б. Обама, по 2023 г., когда было сорвано соглашение между США и Ираном об обмене американских заложников на часть замороженных иранских активов.

Роль Конгресса в формировании внешней политики США

Процесс принятия внешнеполитических решений в США находится в фокусе внимания американских и российских авторов¹. Большинство авторов сходятся во мнении, что ключевыми структурами, определяющими внешнеполитические решения, являются Белый дом, Совет национальной безопасности, Государственный департамент, ЦРУ, Министерство обороны, а также Конгресс.

Исполнительная власть имеет более значительное влияние на определение внешнеполитического курса страны, чем законодательная. Как отмечают исследователи, за последний век Конгресс постепенно утрачивал внешнеполитические полномочия, в особенности в военной сфере [Новиков, Лопаев 2023, с. 75]. Отсутствие достаточной информации по сложным внешнеполитическим вопросам делает суждения парламентариев недостаточно профессиональными в глазах значительной части американских граждан, склонной больше доверять президенту и его дипломатам [Варакса 2017, с. 244]. Тем не менее, несмотря на это, дискуссии в Сенате и Палате представителей и решения, принимаемые законодателями, дают возможность в полной мере оценить и проанализировать пер-

¹ См., например: *Коньшев В.Н.* Принятие внешнеполитических решений в США. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007; *Ширяев Б.А.* Внешняя политика США: Принципы, механизмы, методы: Курс лекций. 2-е изд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. См. также [Внешняя политика 2008; Mintz, DeRouen 2010; Mintz 2003].

спективы и реальное содержание политики США [Рогова 2016]. В свою очередь, президент как глава исполнительной власти может обращаться за консультацией по внешнеполитическим вопросам к членам Конгресса – как правило, к председателям или высокопоставленным членам комитетов, непосредственно связанных с обсуждением вопросов национальной безопасности (по вооруженным силам, международным отношениям, ассигнованиям и разведке).

Во время холодной войны влиятельные члены Конгресса были важными участниками процесса принятия внешнеполитических решений вне зависимости от их прямых законодательных обязанностей. Однако по мере того как Конгресс законодательно закреплял за собой более формальную политическую роль, президенты все реже обращались к отдельным его членам. После окончания биполярного противостояния Конгресс стал более активно брать на себя инициативу по руководству принятием внешнеполитических решений, в особенности в сфере внешней экономической и военной помощи, а также в гуманитарных вопросах. Поскольку законодательная власть обладает определенными правами по контролю над операциями и бюджетами исполнительной власти, время от времени реализация этих прав оказывает самое непосредственное влияние либо на исход конкретного решения, либо на сам процесс его принятия. Наконец, Конгресс служит важным форумом для обсуждения национальных интересов и общих представлений, определяющих эти интересы [Halperin, Clapp 2006, pp. 18–19].

С формальной стороны в настоящее время роль Конгресса США в формировании внешней политики сводится к следующему.

1. Сенат одобряет международные договоры, которые заключают и подписывают представители исполнительной власти. Хотя в первые десятилетия истории США договоры были наиболее распространенной формой международных соглашений, исследователи отмечают, что со времен Второй мировой войны на их долю приходится менее 7% международных соглашений. Исполнительные соглашения, которые не упоминаются в Конституции и не представляются в Сенат для получения совета и согласия, сегодня гораздо чаще используются для принятия международных обязательств².

2. Конгресс имеет решающее слово в решении вопросов войны и мира. Резолюция о военных полномочиях требует от президента уведомить Конгресс в течение 48 часов о начале военных действий

² International agreements (part I): Overview and agreement-making process // Congressional Research Service. 2023. September 29. P. 1. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/LSB11048.pdf> (дата обращения 19 марта 2024).

и запрещает вооруженным силам оставаться в военных действиях более 60 дней без разрешения Конгресса³.

3. В ведение Конгресса входит регулирование международной торговли и коммерции, включая введение санкций, если только такие полномочия специально не делегированы через законодательство, принятое Конгрессом. Конгресс также часто принимает законы, предписывающие Президенту вводить санкции для достижения конкретных внешнеполитических целей, и играет ключевую роль в контроле за их соблюдением⁴.

4. Одним из основных способов влияния Конгресса на внешнюю политику является надзор, который позволяет Конгрессу тщательно изучать действия исполнительной власти и привлекать ее к ответственности за внешнеполитические решения.

5. Наконец, слушания в Конгрессе служат платформой для выражения конгрессменами своих мнений и требований по изменению политики. Степень, в которой Конгресс может формировать внешнюю политику, зависит от таких факторов, как возможность двухпартийного сотрудничества, срочность вопроса и готовность президента взаимодействовать с Конгрессом по вопросам внешней политики.

На мнения его членов влияет в первую очередь партийный контроль. Различия между подходами демократов и республиканцев в политике по отношению к Ирану не являются однозначными и могут меняться в зависимости от конкретной администрации и контекста. Однако на практике возможно обозначить определенные расхождения в партийных позициях по Иранской ядерной сделке, известной как Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД)⁵. Демократы, как правило, поддерживают ядерное соглашение по Ирану и рассматривают его как первый шаг для дальнейших переговоров с Тегераном по общей деэскалации отношений, хотя среди законодателей-демократов есть и противники данного процесса. Республиканцы, в свою очередь, призывают к тому, чтобы любое соглашение с Ираном помимо ядерного компонента включало ограничение его ракетного потенциала,

³ War powers resolution of 1973. URL: <https://www.thecre.com/fedlaw/legal22/warpow.htm> (дата обращения 16 апреля 2024).

⁴ U.S. sanctions: Legislation in the 117th Congress // Congressional Research Service. 2022. December 20. P. 2. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47344> (дата обращения 19 марта 2024).

⁵ Joint Comprehensive Plan of Action. 2015. July 14 // European External Action Service. URL: <https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/3244> (дата обращения 21 февраля 2024).

отказ от поддержки экстремистов, освобождение арестованных американских граждан и соблюдение гражданских прав. Раскол по данному вопросу, таким образом, связан с последовательностью дипломатических действий: вести переговоры шаг за шагом по спорным вопросам или по всем сразу⁶.

Роль Конгресса в формировании политики США в отношении Ирана

Важнейший вопрос, определяющий внешнюю политику США в отношении Ирана, – его ядерная программа. С 2000-х гг. иранская ядерная проблема активно обсуждалась в международном сообществе и была предметом серьезных политических и академических дискуссий в США. Хотя ведущие политические партии расходятся в подходах к политике в отношении Ирана, в вопросе применения санкций против Исламской Республики, как правило, удается достигнуть двухпартийного консенсуса.

Так, например, на фоне провала первых попыток новой администрации демократа Б. Обамы выйти на дипломатический контакт с Ираном Конгресс, контролируемый однопартийцами президента, в июле 2010 г. на основе двухпартийного консенсуса принял “Comprehensive Iran Sanctions, Accountability, and Divestment Act of 2010” (CISADA), который значительно расширил санкции, связанные с атомной энергетикой, и добавил новые вторичные санкции⁷. Палата представителей одобрила законопроект 408 голосами против 8 и направила его на подпись президенту Бараку Обаме. Сенат одобрил его 99 голосами в тот же день⁸.

В следующий раз Конгресс проявил санкционную инициативу в 2017 г., когда на пост президента вступил сторонник жесткого подхода к Ирану республиканец Д. Трамп, нацеленный на пересмотр действующего ядерного соглашения с Тегераном, заключенного в 2015 г. В это время контролируемый республиканцами

⁶ Congress split on diplomacy with Iran // United States Institute of Peace. 2021. June 14. URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2021/mar/26/congress-split-diplomacy-iran> (дата обращения 19 февраля 2024).

⁷ Comprehensive Iran sanctions, Accountability, and divestment act of 2010 // Library of Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-bill/2194> (дата обращения 22 февраля 2024).

⁸ US Congress OKs sanctions on Iran’s energy, banks // Reuters. June 25, 2010. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSN2414825120100624/> (дата обращения 22 февраля 2024).

Конгресс принял закон “Countering Iran’s Destabilizing Activities Act of 2017” (СААТSA). Этот акт предписывал президенту ввести санкции против: 1) иранских программ по созданию баллистических ракет или оружия массового уничтожения; 2) продажи или передачи Ирану военного оборудования или предоставления соответствующей технической или финансовой помощи; 3) иранского Корпуса стражей Исламской революции и связанных с ним иностранных лиц. Данный акт также уполномочил президента ввести санкции против лиц, ответственных за нарушения прав человека в Иране⁹. В обеих палатах закон получил абсолютное большинство голосов: в Палате 417–3, в Сенате 98–2. Единственным членом Конгресса, который проголосовал против законопроекта, мотивируя это тем, что санкции могут поставить под угрозу ядерную сделку с Ираном, оказался независимый сенатор Берни Сандерс, часто объединяющийся с демократами и известный своими прогрессивными взглядами¹⁰.

Последний случай введения Конгрессом санкций против Тегерана относится к декабрю 2023 г.: контролируемая республиканцами Палата представителей проголосовала за лишение президента-демократа Дж. Байдена права передать Ирану часть его замороженных средств в обмен на освобождение американских заложников¹¹. Закон «No Funds for Iranian Terrorism Act» был принят Палатой представителей с результатом голосования 307–119, при этом большинство демократов (118 представителей) голосовали «против» и лишь 90 – «за», среди которых был и лидер демократов в нижней палате Конгресса Хаким Джефрис¹². Тем не менее и этот

⁹ Countering America’s adversaries through sanctions act of 2017 // Library of Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364> (дата обращения 21 марта 2024).

¹⁰ Sanders statement on Iran and Russia sanctions // U.S. Senate. June 15, 2017. URL: <https://www.sanders.senate.gov/press-releases/sanders-statement-on-iran-and-russia-sanctions/>; URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:https%3A%2F%2Fwww.sanders.senate.gov%2Fpress-releases%2Fsanders-statement-on-iran-and-russia-sanctions%2F> (дата обращения 21 марта 2024).

¹¹ House passes resolution to block Iran’s access to \$6 billion from prisoner swap // Associated Press. 2023. December 1. URL: <https://apnews.com/article/iran-6-billion-biden-prisoner-exchange-congress-19623bb2c8ca9436e0526f9fafa596c5> (дата обращения 26 марта 2024).

¹² No funds for Iranian terrorism act // Library of Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/5961> (дата обращения 26 марта 2024).

случай продемонстрировал раскол среди однопартийцев президента в Конгрессе не столько по Ирану, сколько по поводу характера отношений США с Израилем – главным региональным союзником Вашингтона и противником Тегерана.

Отдельно от санкционной проблемы следует рассмотреть вопрос утверждения иранской ядерной сделки в Конгрессе. К концу второго президентского срока Б. Обамы стало очевидно, что «шестерка» международных переговорщиков достигла значительного прогресса в переговорах с Ираном по вопросу ограничения его ядерной программы. В итоге контролируемый республиканцами Конгресс предпринял меры по усилению своего влияния на процесс утверждения соглашения. В мае 2015 г. принимается закон “Iran Nuclear Agreement Review Act” (INARA), согласно которому у Конгресса было 60 дней на рассмотрение любой иранской сделки, полученной после 10 июля 2015 г. Президент не мог отменить санкции против Ирана в течение этого периода, а также любого другого, когда Конгресс издал акт, не одобряющий иранское соглашение¹³. Этот закон усиливал полномочия Конгресса по принятию закона о неодобрении сделки простым большинством голосов в Палате представителей и Сенате. Однако поскольку речь шла о законе, президент Обама мог наложить вето на решение Конгресса, после чего Конгрессу потребовалось бы большинство в две трети голосов в каждой палате, чтобы его преодолеть.

Республиканцы в тот момент контролировали 54 места в Сенате, и им необходимо было получить еще 12 голосов от демократов или независимых, чтобы помешать соглашению. В Палате представителей для отклонения сделки необходимо было в общей сложности 290 голосов. Республиканцы контролировали 246 мест в Палате представителей, то есть им нужно было получить 44 голоса от демократов, чтобы преодолеть вето. Однако собрать недостающие голоса противникам ядерного соглашения по Ирану не удалось¹⁴. 17 сентября 2015 г. его судьба разрешилась в пользу сохранения.

¹³ Iran nuclear agreement review act of 2015 // Library of Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/1191> (дата обращения 20 марта 2024).

¹⁴ The voting math behind the Iran nuclear deal in Congress // Constitution Center. 2015. September 2. URL: <https://constitutioncenter.org/blog/the-voting-math-behind-the-iran-nuclear-deal-in-congress> (дата обращения 1 марта 2024).

Слушания в Конгрессе как дискуссионная площадка о политике США на иранском направлении

Как уже было отмечено ранее, слушания в Конгрессе – важная платформа для выражения конгрессменами своих мнений и аргументов в пользу изменения политики. Именно на слушаниях представители законодательной власти имеют возможность ознакомиться как с официальной позицией администрации президента, так и с мнениями экспертов, не связанных (по крайней мере, напрямую) с государственным аппаратом.

За период с 2009 по 2023 г. в Конгрессе США по вопросам политики в отношении Ирана было проведено в общей сложности 126 слушаний (табл. 1). Нарастание числа слушаний приходится на 111–114-й созывы Конгресса, т. е. на период, когда иранская ядерная программа была одним из приоритетных вопросов во внешнеполитической повестке США, а американские дипломаты предпринимали попытки заключить соглашение с Тегераном. Самое большое число слушаний в Конгрессе пришлось на 114-й созыв 2015–2016 гг. – время заключения ядерного соглашения по Ирану.

Таблица 1

Слушания в Конгрессе по Ирану

<i>Созыв Конгресса</i>	<i>Количество слушаний в Палате представителей</i>	<i>Количество слушаний в Сенате</i>	<i>Общее количество слушаний в течение созыва</i>
111-й (2009–2010)	9	8	17
112-й (2011–2012)	14	5	19
113-й (2013–2014)	24	8	32
114-й (2015–2016)	35	6	41
115-й (2017–2018)	8	1	9
116-й (2019–2020)	5	1	6
117-й (2021–2022)	0	1	1
118-й (2023–2024)	1	0	1
Итого	96	30	126

Обе палаты 114-го созыва Конгресса контролировались оппонентами президента из Республиканской партии, которые, как правило, приглашали в качестве экспертов противников ядерной сделки из

таких экспертно-аналитических центров, как “Foundation for Defense of Democracies” (FDD), “Washington Institute for Near East Policy” (WINEP), “American Enterprise Institute” (AEI), “Jewish Institute for National Security of America” (JINSA) и ряд других. Все они известны своей консервативной и произраильской позицией (табл. 2).

Таблица 2

Список аналитических центров,
представители которых чаще всего выступали
перед Конгрессом по Ирану

<i>Аналитический центр</i>	<i>Количество выступлений в Конгрессе на слушаниях</i>	<i>Наиболее распространенная позиция¹⁵</i>
Foundation for Defense of Democracies	43	Враждебная
Washington Institute for Near East Policy	25	Враждебная
American Enterprise Institute	16	Враждебная
Brookings Institution	15	Миролюбивая
Institute for Science and International Security	12	Нейтральная
Belfer Center	11	Нейтральная
Council on Foreign Relations	11	Миролюбивая
American Foreign Policy Council	8	Нейтральная
Center for Strategic and International Studies	8	Миролюбивая
Bipartisan Policy Center	7	Нейтральная
Carnegie Endowment for International Peace	7	Миролюбивая
Hudson Institute	6	Враждебная
Jewish Institute for National Security of America	5	Враждебная
RAND	5	Миролюбивая
United Against Nuclear Iran	4	Враждебная

¹⁵ В качестве враждебной оценивалась позиция, содержащая рекомендации не заключать ядерное соглашение с Ираном (до июля 2015 г.), разорвать или пересмотреть его положения (после июля 2015 г.), ввести дополнительные санкции против Ирана. Миролюбивой оценивалась

Именно на 114-й созыв Конгресса приходится пик выступлений экспертов, в которых они давали негативные оценки ядерным переговорам с Ираном и самому тексту ядерной сделки: 65% выступлений носили враждебный характер, в то время как в среднем доля таких рекомендаций за 14 лет составила лишь 50% (табл. 3)¹⁶.

Нижеприведенные данные подтверждают тот факт, что республиканцы куда менее склонны к рассмотрению дипломатических вариантов взаимодействия с Ираном, тогда как демократы более охотно приглашали экспертов с различными позициями. 43% выступлений экспертов, приглашенных демократами, носили враждебный характер, 31% – миролюбивый, в случае контроля республиканцев эти цифры были следующими: 53% выступлений носили враждебный характер, 17% – миролюбивый.

Таблица 3

Количество выступлений
представителей аналитических центров в Конгрессе
по созывам, палатам и содержанию

Созыв	Палата	Количество показаний			
		Враждебные	Нейтральные	Миролюбивые	Всего
111-й	Нижняя (D)	13 (50%)	5 (19%)	8 (31%)	26
	Верхняя (D)	3 (30%)	1 (10%)	6 (60%)	10
	<i>Всего</i>	<i>16 (44%)</i>	<i>6 (17%)</i>	<i>14 (39%)</i>	<i>36</i>
112-й	Нижняя (R)	15 (48%)	12 (39%)	4 (13%)	31
	Верхняя (D)	5 (56%)	3 (33%)	1 (11%)	9
	<i>Всего</i>	<i>20 (50%)</i>	<i>15 (38%)</i>	<i>5 (12%)</i>	<i>40</i>
113-й	Нижняя (R)	16 (30%)	28 (53%)	9 (17%)	53
	Верхняя (D)	6 (46%)	7 (54%)	0	13
	<i>Всего</i>	<i>22 (33%)</i>	<i>35 (53%)</i>	<i>9 (14%)</i>	<i>66</i>

позиция, содержащая рекомендации заключить ядерное соглашение с Ираном (до июля 2015 г.) и сохранить его (после июля 2015 г.), а также призывающие к поиску дипломатических путей урегулирования разногласий.

¹⁶ Для 118-го созыва Конгресса этот показатель составил 75%, однако в 2023–2024 гг. было проведено только одно слушание по иранской проблематике, что не позволяет считать эти данные репрезентативными.

Окончание табл. 3

Созыв	Палата	Количество показаний			
		Враждебные	Нейтральные	Миролюбивые	Всего
114-й	Нижняя (R)	49 (64%)	17 (22%)	11 (14%)	77
	Верхняя (R)	9 (70%)	2 (15%)	2 (15%)	13
	<i>Всего</i>	<i>58 (65%)</i>	<i>19 (21%)</i>	<i>13 (14%)</i>	<i>90</i>
115-й	Нижняя (R)	14 (64%)	2 (9%)	6 (27%)	22
	Верхняя (R)	1 (50%)	0	1 (50%)	2
	<i>Всего</i>	<i>15 (63%)</i>	<i>2 (8%)</i>	<i>7 (29%)</i>	<i>24</i>
116-й	Нижняя (D)	2 (20%)	2 (20%)	6 (60%)	10
	Верхняя (R)	0	0	0	0
	<i>Всего</i>	<i>2 (20%)</i>	<i>2 (20%)</i>	<i>6 (60%)</i>	<i>10</i>
117-й	Нижняя (D)	0	0	0	0
	Верхняя (D)	1 (50%)	0	1 (50%)	2
	<i>Всего</i>	<i>1 (50%)</i>	<i>0</i>	<i>1 (50%)</i>	<i>2</i>
118-й	Нижняя (R)	3 (75%)	0	1 (25%)	4
	Верхняя (D)	0	0	0	0
	<i>Всего</i>	<i>3 (75%)</i>	<i>0</i>	<i>1 (25%)</i>	<i>4</i>
Итого		137 (50%)	79 (29%)	56 (21%)	272
<i>Демократы (D)</i>		30 (43%)	18 (26%)	22 (31%)	70
<i>Республиканцы (R)</i>		107 (53%)	61 (30%)	34 (17%)	202

Заключение

Конгресс США хотя и не занимает ведущей роли в формировании внешней политики, может оказывать на нее существенное влияние. Конгресс может осуществлять его посредством реализации своего права на решение вопросов войны и мира, ратификации международных договоров, надзора за деятельностью исполнительной власти, регулирования санкционной политики, а также обсуждения и выработки позиции на слушаниях в профильных

комитетах. Последние две возможности активно использовались Конгрессом для того, чтобы оказать влияние на политику США в отношении Ирана.

В сфере санкционной политики Конгресс может проявлять инициативу и действовать независимо от органов исполнительной власти, а иногда и вовсе активно препятствовать реализации ее курса, как это было при попытке оппозиционно настроенного Конгресса помешать утверждению ядерной сделки с Ираном в 2015 г. и при срыве договоренности по обмену американских заложников на часть замороженных иранских средств в 2023 г. Проведенный в статье анализ наглядно продемонстрировал, что вопрос санкций является консенсусным для двух ведущих партий.

Особым инструментом Конгресса по оказанию влияния на процесс принятия внешнеполитических решений являются слушания в его комитетах, позволяющие представителям законодательной власти, с одной стороны, ознакомиться с мнениями экспертов, а с другой – обсудить и выработать соответствующие подходы к национальной безопасности. Анализ слушаний в Конгрессе подтвердил, что хотя по вопросам санкций демократы и республиканцы, как правило, единодушны, более общие подходы партий к иранской проблематике существенно различаются: первые склонны рассматривать как дипломатические, так и санкционные варианты, вторые ограничиваются лишь жестким санкционным подходом.

Литература

- Варакса 2017 – *Варакса А.Н.* Американский Конгресс и его роль во внешней политике США // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 3. С. 237–245.
- Внешняя политика 2008 – Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: принципы формирования и закономерности реализации / Под общ. ред. О.А. Колобова. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара, 2008. 467 с.
- Новиков, Лолаев 2023 – *Новиков Д.П., Лолаев А.И.* «Диктат парламента»? О внешнеполитической роли конгресса США при администрации Д. Трампа // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 1 (117). С. 67–89.
- Рогова 2016 – *Рогова Н.В.* Конгресс и военная политика США // Россия и Америка в XXI в. 2016. № 1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760007721-0-1/> (дата обращения 27 марта 2024).
- Травкина 2018 – *Травкина Н.М.* США: меняющийся алгоритм развития. М.: Весь мир, 2018. 264 с.
- Halperin, Clapp 2006 – *Halperin M.H., Clapp P.A.* Bureaucratic politics and foreign policy. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2006. 400 p.

- Mintz 2003 – Integrating cognitive and rational theories of foreign policy decision making / Ed. by A. Mintz. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 175 p.
- Mintz, DeRouen 2010 – *Mintz A., DeRouen Jr.K.* Understanding Foreign Policy Decision Making. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 224 p.

References

- Halperin, M.H. and Clapp, P.A. (2006), *Bureaucratic politics and foreign policy*, Brookings Institution Press, Washington, D.C., USA.
- Kolobov, O.A. (ed.) (2008), *Vneshnyaya politika Soedinennykh Shtatov Ameriki: printsipy formirovaniya i zakonomernosti realizatsii* [Foreign policy of the United States of America: principles of formation and patterns of implementation], vol. 1, Izdatel'stvo AGPI imeni A.P. Gaidara, Nizhny Novgorod, Russia.
- Mintz, A., ed. (2003), *Integrating cognitive and rational theories of foreign policy decision making*, Palgrave Macmillan, New York, USA.
- Mintz, A. and DeRouen, Jr.K. (2010), *Understanding foreign policy decision making*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Novikov, D.P. and Lolaev, A.I. (2023), “‘Dictate of Parliament’? On the foreign policy role of the U.S. Congress under the administration of D. Trump”, *Current Problems of Europe*, vol. 117, no. 1, pp. 67–89.
- Rogova, N.V. (2016), “Congress and US military policy”, *Russia and America in the 21st century*, no. 1, available at: <https://rusus.jes.su/s207054760007721-0-1/> (Accessed 27 March 2024).
- Travkina, N.M. (2018), *SShA: menyayushchiysya algoritm razvitiya* [USA: changing algorithm of development], Ves mir, Moscow, Russia.
- Varaksa, A.N. (2017), *Amerikanskij Kongress i ego rol' vo vneshnej politike SShA* [The role of congress in the making of foreign policy], *Vestnik SPbSU, Political Science. International Relations*, vol. 10, no. 3, pp. 237–245.

Информация об авторе

Альберт А. Новиков, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; novikovalbert2000@mail.ru

Information about the author

Albert A. Novikov, master's degree student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; novikovalbert2000@mail.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 94(470)''1914/1918''

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-145-156

«Горели села и города»: русское беженство Первой мировой войны в воспоминаниях очевидца

Ирина Б. Белова

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Калуга, Россия, irina-25.01@mail.ru*

Аннотация. События Первой мировой войны коснулись миллионов мирного населения западных территорий Российской империи, которому в отличие от жителей внутренних районов страны пришлось, спасаясь от наступления вражеской армии, покинуть родные края, как оказалось, на долгие годы. Вся драма массового исхода мирных жителей разворачивалась летом-осенью 1915 г. на этапе длительного и утомительного гужевого движения беженцев до железнодорожных станций. Достоверность и полнота освещения эвакуации в 1915 г. многомиллионной массы беженцев невозможна без использования воспоминаний самих беженцев, а также очевидцев событий, непосредственно занимавшихся эвакуацией и оказанием помощи беженцам. В статье рассматриваются воспоминания уроженца Гродненской губернии Т.М. Трахимюка, родившегося в 1899 г., в которых довольно подробно описан весь процесс эвакуации вглубь империи, а также все остальные этапы 7-летнего беженства его семьи: будни мирной жизни в месте временного размещения в Саратовской губернии, приход к власти большевиков и кровопролитная Гражданская война, в которой он принял участие на стороне красных, демобилизация и возвращение на родину в августе 1922 г. в родное село. Особое внимание автора статьи привлекла часть воспоминаний, которая способствовала раскрытию причины участия Т.М. Трахимюка в Гражданской войне на стороне красных под лозунгом «Смерть буржуазии, вся власть Советам!». Ведь беженцы, судя по их собственным воспоминаниям, как правило, старались вообще избежать участия в Гражданской войне, тем более добровольного участия. Отъезд после демобилизации Т.М. Трахимюка на родину показателен в том отношении, что собственная земля для крестьянина всегда была высшей ценностью.

© Белова И.Б., 2024

Ключевые слова: Первая мировая война (1914–1918 гг.), западные губернии Российской империи, Гродненская губерния, российское беженство, причины массового беженства лета 1915 г., воспоминания очевидцев, беженец Т.М. Трахимюк, этапы беженства, Гражданская война, возвращение на родину

Для цитирования: Белова И.Б. «Горели села и города»: российское беженство Первой мировой войны в воспоминаниях очевидца // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 145–156. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-145-156

“Villages and towns were burning”.
The ‘Russian displacement’ of the First World War
in the reminiscences of an eyewitness

Irina B. Belova

*Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski,
Kaluga, Russia, irina-25.01@mail.ru*

Abstract. The events of the First World War affected millions of the civilians in the Western territories of the Russian Empire, who, unlike the residents of the interior of the country, had to leave their native lands, as it turned out, for many years to come, fleeing from the offensive of the enemy army. The whole drama of the mass exodus of the civilians unfolded in the summer and autumn of 1915 at the stage of a long and tedious horse-drawn movement of the refugees to railway stations. Reliability and completeness of coverage of the evacuation in 1915 of the multimillion cohorts of the refugees is impossible without using the memoirs of the refugees themselves, as well as of the events' eyewitnesses directly involved in the evacuation and assistance to the refugees. The article examines the reminiscences of a native of the Grodno province, T.M. Trakhimyuk, who was born in 1899. In his memoirs, he describes in great detail the entire process of the evacuation to the remote regions of the Empire; he also depicts all other stages of his family's 7-year displacement: the everyday life routine in a temporary accommodation in the Saratov province, the Bolsheviks' rise to power and the bloody Civil War in which he took part on the side of the Reds, demobilization and return to his native village, his homeland, in August 1922. The special attention of the author of the article was drawn to that part of the memoirs, which contributed to the disclosure of the reason why T.M. Trakhimyuk had participated in the Civil War on the side of the Reds under the slogan “Death – to the bourgeoisie, all power – to the Soviets”. Because, the refugees, judging by their own reminiscences, tried in general and en masse to avoid participation in the Civil War, to say nothing of the voluntary

participation. T.M. Trakhimiyuk's return to his homeland after demobilization is indicative in the sense that the land owned by a peasant has always been a supreme value.

Keywords: World War I (1914–1918), Western provinces of the Russian Empire, Grodno province, Russian refugee, causes of mass displacement in the summer of 1915, eyewitnesses' reminiscences, refugee T.M. Trakhimiyuk, stages of displacement, Civil War, homecoming

For citation: Belova, I.B. (2024), “ ‘Villages and towns were burning’. The ‘Russian displacement’ of the First World War in the reminiscences of an eyewitness”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 145–156, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-145-156

Введение

За десятилетие, прошедшее с 2014 г., когда отмечалось 100-летие начала Первой мировой войны, исследователями была проделана значительная работа по изучению широкого круга проблем событий 1914–1918 гг. В частности, изучение гуманитарных аспектов войны способствовало выходу из тени забвения трагедии массового крупномасштабного беженского движения населения западных приграничных районов Российского государства вглубь страны летом 1915 г. И хотя в современной историографии нет единства мнений о его причинах [Карнялюк 2019; Michaluk 2015], очевидно, что приближающийся гул неприятельских орудий, авиационные налеты и бомбежки, отступление русской армии из Польши и Прибалтики вызвали это небывалых размеров массовое бегство населения, оставившего родные дома, а также населения, скопившегося в большом количестве ранее в прифронтовой полосе. Когда 22 июля (4 августа) 1915 г. русские войска оставили Варшаву, а на следующий день город заняли немцы, сельские, в основном православные, жители западных губерний, окончательно осознав необходимость эвакуации, двинулись на восток [Белова 2014].

Особо ценным источником для понимания и реконструкции подробностей российского беженства являются воспоминания очевидцев. На сегодняшний день самым объемным и содержательным сборником воспоминаний именно самих беженцев из 168 записанных историй является сборник «Бежанства 1915 года», изданный в 2000 г. в г. Белостоке¹ (ныне это центр Подляского воеводства Польской республики, а в годы Первой мировой войны – уездный

¹ Бежанства 1915 года / Рэд. В. Луба. Беласток, 2000.

город Гродненской губернии, центр Белостокского уезда) на белорусском языке, то есть языке, на котором говорили беженцы. В 2015 г., к 100-летию феномена беженства, сборник был переиздан². Воспоминания беженцев собирались с 1958 г. по инициативе членов и активистов Белорусского исторического общества Белостока (журналисты, корреспонденты, читатели журналов «Нива», «Бельский гостинец»). В настоящее время полнотекстовая версия сборника на белорусском языке представлена в сети Интернет на сайте Белорусской интернет-библиотеки³.

Воспоминания различны по объему (от страницы до 10 листов) и полноте освещения различных сторон беженства. Нами было выбрано одно из наиболее подробных воспоминаний жителя села Кленики Бельского уезда Гродненской губернии Тихона Михайловича Трахимюка, 1899 года рождения, в котором нашли отражение все периоды беженства его семьи. Воспоминание было записано в 1973 г. самим Т.М. Трахимюком и в 1981 г. печаталось в нескольких номерах белорусского журнала «Нива», в 2000 г. помещено в сборник «Бежанства 1915 года»⁴.

Перипетии движения беженской семьи Трахимюков на восток

К началу Первой мировой войны Тихону Трахимюку было 15 лет. Перед самой войной, весной 1914 г., он закончил двухклассную школу. Его семья состояла из 9 человек: отца, матери и 7 детей возраста от 1 года до 17 лет. В хозяйстве родителей, помимо пахотной земли, было 3 дойных коровы, телята, 12 овец и несколько свиней. Начало войны пришлось на жатву овса, оно описано в воспоминаниях очень подробно. Отец Тихона Михаил Трахимюк, будучи десятником, участвовал в проведении мобилизации в селе. Все мужчины в возрасте до 40 лет, служившие срочную службу в армии и имевшие «красные военные билеты запасных 1-го разряда», должны были, взяв с собой двухдневный запас продовольствия, прибыть в распоряжение воинского начальника в уездный

² Бежанства 1915 года / Рэд. В. Луба. Выданне другое, папоўненае. Беласток, 2015.

³ Бежанства 1915 года // Беларуская інтэрнэт-бібліятэка Kamunikat.org. URL: https://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=3537 (дата обращения 28 марта 2024).

⁴ *Трахимюк Т.* Горели города и села // Бежанства 1915 года / Рэд. В. Луба. Беласток, 2000. С. 253–261.

город Бельск. С первых дней войны со стороны фронта были слышны глухие раскаты далеких артиллерийских выстрелов, но в целом в селе было спокойно, жители продолжали работать на полях, где собирали и сеяли, помогали семьям призванных.

Ситуация изменилась с середины лета 1915 г. Выстрелы со стороны фронта становились с каждым днем все слышнее, по ночам на небе было видно зарево пожаров, ощущался запах дыма. Русская армия отступала, через село на восток проходили теперь днем и ночью нескончаемым потоком военные обозы и колонны русской пехоты, вместе с войсками ехали на своих подводах беженцы – крестьяне, бежавшие от линии фронта. На подводах с Красным Крестом везли раненых, легкораненые шли пешком. Одновременно на восток гнали большие табуны рогатого скота, стада овец.

Только когда фронт был уже в уездном Бельске, в 16 км от Клеников, село стали покидать его жители. Стала готовиться к отъезду и семья Трахимюков. Отец молот в жерновах рожь, готовил в дорогу воз: смазал его деревянные колеса и оси мазью, соорудил на нем навес для защиты от солнца и дождя. Мать несколько дней подряд пекла хлеб. На воз было уложено все самое необходимое: мешок картошки, два больших мешка ржаных сухарей, одежда, утварь. Домашний скот родители сдали военным властям, которые сразу же заплатили за него деньги. 6 августа утром семья Тихона выехала из села последней, их воз влился в общий поток движения на восток⁵.

Так началась «трудная и далекая дорога». На ночевку семья остановилась в лесу, где стояли тысячи таких же подвод, нашли там своих односельчан. Наутро несколько военных, подъехав к беженскому лагерю, стали торопить людей ехать дальше, так как немцы уже недалеко, последняя линия русской обороны отступает, поджигая мосты и опустевшие селения. Т. Трахимюк описывает невероятные трудности гужевого движения. Прежде всего это переутомление из-за нехватки воды, жары, гари, от которой было трудно дышать, бессонницы и состояния неизвестности. Беженцы ехали целыми днями, не выпрягая лошадей, дорога была плохая, порой всей семьей приходилось толкать воз, помогая лошадям. Ехать было очень тесно, и даже когда вблизи г. Волковыска выехали на шоссе, оно было буквально забито подводами с беженцами, которым не было видно ни начала ни конца. Кроме них по шоссе ехали военные обозы, прохождение которых приходилось довольно долго пережить. На ночь старались остановиться возле леса, чтобы раздобыть дрова и сварить картошку. Но нечем было кормить коня, поэтому Тихон, его старший брат и отец пасли его всю ночь посменно.

⁵ Там же. С. 254.

В середине сентября семья добралась до г. Барановичи, крупного железнодорожного узла. Отметим, что в Барановичах с 3 августа 1914 г. по 8 августа 1915 г. располагалась Ставка Верховного главнокомандующего русской армией Великого князя Николая Николаевича. Теперь же в городе и вокруг него скопилось бесчисленное количество беженских подвод. Ко всем мытарствам вынужденных мигрантов прибавились ежедневные бомбардировки лагерей беженцев немецкими аэропланами. Каждый раз начиналась паника, люди прятались под возы.

Из-за огромного скопления людей и отсутствия чистой питьевой воды вспыхнула холера. Не обошла эта напасть и семью Тихона. Вечером заболели двое детей – старший 18-летний брат и сестра 14 лет, а под утро они скончались. Тихон в воспоминаниях описал «скорые» похороны и отметил, что был очевидцем того, как в некоторых семьях умирали родители, и дети оставались совсем одни «в чистом поле»⁶.

Беженцам, находившимся ближе остальных к железнодорожной станции, удавалось, в том числе и с помощью военных властей, захватив необходимые вещи и бросив свои возы и коней, сесть в товарные вагоны или на платформы для дальнейшего движения вглубь России. Семье Тихона этого не удалось сделать, и, простояв в Барановичах два дня, родители приняли решение двигаться дальше по шоссе, на которое, как отмечает Т. Трахимюк, появилась возможность относительно свободно въехать и медленно двигаться в восточном направлении среди «сотен тысяч» подвод. Военных обозов уже не было, новых беженцев не прибавлялось. По дороге начали встречаться пункты питания, где давали чай, хлеб и горячее блюдо. Но получения пищи надо было очень долго ждать из-за огромного скопления народа. На всех железнодорожных станциях по пути следования беженцев наблюдались большие очереди на посадку в поезд. Семья Тихона проехала последовательно через города Слуцк, Бобруйск, Рогачев, так и не дождавшись на этих станциях погрузки в железнодорожные вагоны.

К концу октября, отмечает Тихон Михайлович, они все тем же гужевым путем добрались до городка Жлобина на берегу Днепра. Днем моросил холодный дождь, по ночам уже наблюдались заморозки, иней покрывал землю. Беженцы же были все босые и легко одетые, спать приходилось на сырой земле. Спасались тем, что разводили костры и всю ночь сидели у огня. Белье не просыхало, сменить его было не на что, вши не давали покоя и без того измученным переселенцам⁷.

⁶ *Трахимюк Т.* Горели города и села. С. 255.

⁷ Там же. С. 256.

Место временного размещения – Саратовская губерния

Наконец, когда уже пошел снег, подошла и очередь семьи Тихона грузиться в вагоны. Отец продал доброго коня с возом, и семья погрузилась в один из товарных вагонов очень длинного (состоящего из 60 вагонов) эшелона с надписью «Ростов-на-Дону». В каждом вагоне по шесть семей, было тесно, но тепло. Через неделю эшелон прибыл в Ростов, где было отцеплено два последних вагона. Эшелон проследовал далее, и на каждой станции оставляли два последних вагона. В итоге местом размещения семьи Трахимюков стала хлебородная Саратовская губерния. Тихон Михайлович описывает, как на железнодорожной станции «Карповская» (40 верст от Царицына) их встретили жители с подводами, предлагая жилье и помощь в доставке до хуторов. Так семья оказалась на небольшом хуторе Береславском, состоявшем из 22 «богатых» дворов. «Так началась наша жизнь на той далекой стороне», – отмечается в воспоминаниях⁸.

Тихона, 15-летнего подростка, поразили, прежде всего, гостеприимство и доброта местных жителей. Семью, теперь уже насчитывавшую 7 человек, поселили в отдельный домик из глины с большой русской печью, занимавшей четверть жилища, накормили вкусным обедом. Вечером жители хутора собрались посмотреть на беженцев, и никто не пришел с пустыми руками: каждый принес большой каравай хлеба, по несколько килограммов мяса или сала. Во-вторых, Т. Трахимюка поразило то, что на хуторе не было ни одного деревца, ни кустика, а ровная на сотни километров степь, поэтому все жители топили печи соломой. Третьим удивительным фактом для подростка стало то, что население на хуторе было поголовно неграмотным. Школ поблизости не было, и никто не учился. Когда местные жители узнали, что Тихон грамотный, то стали его просить читать письма с фронта, из больниц, запасных частей и писать ответы. Приезжали просители из других хуторов, приносили продукты, одежду и обувь, Тихон никому не отказывал.

Без кормильца...

Трудовые будни 15-летнего подростка-беженца

Отец Тихона сразу же пошел на работу к хозяину – хуторянину, принявшему семью на жительство. Хозяйство у того было большое

⁸ Там же. С. 257.

и включало 300 га посева, 17 рабочих лошадей, по 10 коров и овец, семья же состояла из 19 человек. Однако в начале 1916 г. отца Тихона призвали в армию на войну. Больше о нем в воспоминаниях, к сожалению, не сказано ничего. По всей видимости, он не вернулся с фронта. И Тихон, как старший из детей, стал кормильцем семьи. Весной 1916 г., в начале весенних работ, пришел в дом к беженцам хозяин и предложил Тихону идти к нему в работники: «У меня работы тебе хватит. Сколько нужно, будет заплачено, обиды иметь не будешь»⁹.

Далее в воспоминаниях Т. Трахимюк описывает свою жизнь на хуторе Береславском до прихода к власти большевиков. В основном он рассказывает о своей работе, так как на другие занятия у него просто не оставалось времени. Особенное внимание он уделяет описанию посева, выгула лошадей и сбора урожая. Тихон отмечает, что полевые работы были очень тяжелым трудом. Вставали каждый день в 3 ч. утра, за плугом ходили целый день (с перерывами на завтрак, обед и полдник), ложились в 11 ч. вечера. С Петрова дня (12 июля) надо было сжать 75 десятин ржи, 100 десятин пшеницы, по 50 десятин ячменя и проса. Причем лошади за день менялись несколько раз, а люди работали без смены. Все это усугублялось непривычным для Тихона климатом: невыносимой жарой, когда «пот заливал очи», при этом не было ни тучки, ни ветра. Солнце палит, температура с утра 40 градусов, к полудню 45, мучает жажда, вода, привезенная хозяином утром в деревянной бочке, теплая. Так они работали на жатве три недели, скашивая каждый день 25 десятин. Некоторые городские местные рабочие не выдерживали, брали расчет и уходили.

Богатые урожаи для Тихона казались просто фантастическими: в среднем намолачивали по 100 пудов ржи с десятины, ячменя – 120, пшеницы – 150, пшеница – 180. Работала молотилка при помощи конной мельницы, в которую запрягали 6 пар лошадей. После обмолота хозяин продавал рожь, пшеницу, ячмень и просо, но не как на родине Тихона по 100 или 200 кг на базаре, а целыми вагонами, в один вагон грузили по тысяче пудов. До поздней осени, пока не начинались дожди и степные дороги были проезжими, хуторяне возили зерно на станцию и грузили в вагоны. Т. Трахимюк проработал у хозяина 2 года: летом – на поле, зимой – в конюшне, где кормил, поил и чистил лошадей, вывозил навоз. Он научился хорошо ездить верхом. Тихон в воспоминаниях отмечает, что в ту пору ему было 18 лет и местные парни и девушки приглашали его в праздники присоединиться к ним. Однако у юноши не было ни одного свободного дня и, конечно, он очень устал¹⁰.

⁹ *Трахимюк Т.* Горели города и села. С. 258.

¹⁰ Там же. С. 259.

Как видим, у Тихона была непривычная для него изматывающе тяжелая физическая работа без выходных и достаточного отдыха, необходимого для восстановления сил. Сказывался и жаркий климат. Хозяин, у которого работал Тихон, отличался суровым нравом, он дважды за все 2 года работы позволил себе наказать юношу нагайкой. Тихон считал придирки хозяина и его рукоприкладство незаслуженными и несправедливыми, он помнил об этом всю жизнь.

*Октябрь 1917 г.
Участие в Гражданской войне
и демобилизация*

О февральских событиях 1917 г. в России, свержении царя и установлении новой демократической власти Тихон Михайлович Трахимюк даже не упоминает. Для него имеет значение событие, произошедшее в октябре 1917 г., он пишет: «И, наконец, октябрь 1917 г.! Революция». Возникли революционные комитеты, в которые вошли бедняки, избранные народом. Стало известно, что земля безвозмездно должна была перейти в руки трудового крестьянства. И тут, отмечает Тихон, среди богатых казаков на Дону началось волнение, перешедшее в феврале 1918 г. в восстание против советской власти, а те, «кому советская власть принесла свободу, кому были дороги завоевания Октября, добровольно пошли в Красную Гвардию». 4 марта 1918 г. Тихон записался добровольцем в отряд Красной Гвардии товарища Попова, состоящий из 75 молодых людей, на знамени которого было написано: «Смерть буржуазии, вся власть Советам!»¹¹

Т. Трахимюк находился в армии все 4 военных года, сражаясь на многих фронтах, и только 17 мая 1922 г. был демобилизован. Два раза он был ранен, перенес возвратный тиф, дизентерию и цингу. За боевые заслуги Тихона Михайловича наградили орденом Красного Знамени. В воспоминаниях он ошибочно назвал свой орден орденом Красной Звезды, поскольку на нем в центре находятся и красная звезда, и знамя. Он пишет также, что на фронтах Гражданской войны «<...> мы не жалели своей молодой жизни, отстаивая советскую власть во имя лучшего будущего трудового народа»¹². Как видим, Тихон из беженца-подростка превратился в идейного борца за советскую власть, обещающую трудовому народу лучшую жизнь. Между тем надо отметить, что

¹¹ Там же. С. 260.

¹² Там же. С. 261.

большинство беженцев всеми силами стремились не принимать участия в Гражданской войне и уехать обратно на родину при первой возможности. При этом Гражданская и советско-польская войны приостановили самостоятельное движение беженцев к местам их довоенного жительства.

Возвращение на родину в 1922 г.

Разыскав мать с восьмилетним братом, Тихон Михайлович отправляется в путь на родину. В дороге мать умирает. 15 августа 1922 г. он вдвоем с братом прибывает в свое родное село Кленики. Следует отметить, что это уже территория другого государства – Польши. 80 из 100 вернувшихся на родину беженских семей обнаруживали свои дома и хозяйственные постройки разрушенными [Белова 2014]. Увы, такая же печальная картина предстала и перед глазами братьев: «Там, где когда-то стояла печка... вырос большой куст ракиты и две березки. <...> Земля в чересполосице. Шесть узких распашных полосок, тянувшихся по два километра, кое-где позарастали густым лесом, березняком... А через незаросшие участки соседи сделали себе проезжие дороги. Вот все, что осталось нам в наследство от родительского хозяйства»¹³.

Было как раз время посева. И Тихону надо было бы посеять, но не было зерна и купить его тоже было не на что. «Негде заработать, а воровать я тоже не умею. А посеять необходимо, ведь, если не посеешь, то не пожнешь», – пишет Т. Трахимюк¹⁴. Тогда он поменял свою красноармейскую шинель на 2 пуда ржи, вторые 2 пуда одолжил у соседа под условием отдачи до будущего урожая. У соседа же попросил коней вспахать поле и посеял 4 пуда ржи. За работу лошадей ему пришлось отработать у соседа при рытье картофеля.

Наступала зима, а братьям негде было жить, да и нечего есть. Помощи со стороны польских властей не было никакой. Находясь в безвыходном положении, Тихон был вынужден продать полгектара родительской хорошей пахотной земли. За землю он получил 40 пудов картофеля и небольшой старый сарай, из которого поставил домик размерами 4 на 4 метра. Так выжили и перезимовали. Весной высадили 10 пудов картофеля, потом собрали хотя и средний, но урожай. «На этом закончились черные дни моей жизни»¹⁵, – написал Т. Трахимюк в конце воспоминаний.

¹³ *Трахимюк Т.* Горели города и села.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Заключение

К сожалению, так и осталась неясной причина отъезда сразу после демобилизации гражданина России, идейного защитника советской власти Т.М. Трахмиюка с семьей на родину, в буржуазную Польшу. А ведь Тихон Михайлович Трахмиюк имел полную возможность не покидать Россию. Более того, многие беженцы вспоминали, что перед отправкой на родину после окончания Гражданской войны их агитировали оставаться в Советской России и не возвращаться в буржуазную Польшу, к которой отошла территория Западной Белоруссии [Bielowa 2016]. Однако Тихон предпочел вернуться на родную землю, которая ждала его, своего хозяина, целых 7 лет, из которых 4 года он сражался на фронте под лозунгом «Смерть буржуазии!».

Литература

- Белова 2014 – *Белова И.Б.* Беженство глазами беженцев // Первая мировая война – пролог XX века: Материалы Международной научной конференции: В 2 т. Т. 1. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 273–276.
- Bielowa 2016 – *Bielowa I.* Reewakuacja uchodźców z I wojny światowej do Rzeczypospolitej Polskiej i Republiki Litewskiej w 1922 roku (na podstawie materiałów guberni kałuskiej) // *Migracje a tożsamość narodowa mieszkańców Europy Wschodniej w XIX i na początku XX wieku* / Pod redakcją D. Michaluk. Ciechanowiec, 2016. S. 227–235.
- Карнялюк 2019 – *Карнялюк В.Р.* Міграцыя беларускага насельніцтва, выкліканая Першай сусветнай вайной. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2019. 329 с.
- Michaluk 2015 – *Wojna i ludzie. Społeczne aspekty I wojny światowej w Europie Wschodniej* / Pod redakcją D. Michaluk. Ciechanowiec, 2015. 355 p.

References

- Belova, I.B. (2014), “Refugees through the eyes of refugees”, in *Pierwaja mirovaya vojna – prolog XX veka: Materialy Mezhduнародnoi nauchnoi konferentsii* [The First World War – Prologue of the 20th century. Proceedings of the International Scientific Conference], vol. 1, IVI RAN, Moscow, Russia, pp. 273–276.
- Bielowa, I. (2016), “Reewakuacja uchodźców z I wojny światowej do Rzeczypospolitej Polskiej i Republiki Litewskiej w 1922 roku (na podstawie materiałów guberni kałuskiej)”, in: Michaluk, D., ed., *Migracje a tożsamość narodowa mieszkańców Europy Wschodniej w XIX i na początku XX wieku*, Ciechanowiec, Poland, pp. 227–235.

Карнялюк, В.Р. (2019), *Migratsiya belaruskaga nasel'nitstva, vyklikanaya Pershai susvetnai vainoi* [Migration of the Belarusian population caused by the First World War], Ya. Kupala State University Press, Grodno, Belarus.

Michaluk, D., ed. (2015), *Wojna i ludzie. Społeczne aspekty I wojny światowej w Europie Wschodniej*, [War and people. Social aspects of World War I in Eastern Europe], Ciechanowicz, Poland.

Информация об авторе

Ирина Б. Белова, доктор исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия; 248023, Россия, Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48; irina-25.01@mail.ru

Information about the author

Irina B. Belova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia; bld. 22/48, Stepan Rasin St., Kaluga, Russia, 248023; irina-25.01@mail.ru

Вопрос миграции гражданского населения
в работе Смешанной комиссии по репатриации
в 1921–1924 гг.

Ольга Н. Боровская
*Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь,
borovskaya-olga@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Смешанной комиссии по репатриации в 1921–1924 гг., выделяются основные проблемы в ее функционировании. Работа комиссии находилась в тесной взаимосвязи с существующим положением советско-польских отношений. Напряженность в установлении дипломатических связей между сторонами оказывала влияние на общий ход репатриации. Акцентируется внимание, что с самого начала работы Смешанной комиссии по репатриации выявилось нежелание польской стороны решать спорные вопросы. Разногласия начались при обсуждении вопроса о персональном обмене, который в соответствии с дополнительным протоколом к соглашению 24 февраля 1921 г. должен был проводиться в первую очередь. В статье показан процесс сотрудничества Смешанной комиссии по репатриации с органами, занимающимися вопросами улучшения материального и санитарного положения репатриантов: отделениями Общества Красного Креста, Центральным управлением по эвакуации населения (Центрэвак) РСФСР.

Ключевые слова: репатриация, Смешанная комиссия по репатриации, Центрэвак, военнопленные, беженцы

Для цитирования: Боровская О.Н. Вопрос миграции гражданского населения в работе Смешанной комиссии по репатриации в 1921–1924 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2024. № 4. С. 157–168. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-157-168

The issue of migration of the civilian population in the work of the Mixed Commission on Repatriation in 1921–1924

Olga N. Borovskaya

*Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus, borovskaya-olga@mail.ru*

Abstract. The article examines the activities of the Mixed Commission for Repatriation in 1921–1924, highlights the main problems in its functioning. The work of the commission was in close connection with the existing state of the Soviet-Polish relations. The tension in establishing diplomatic ties between the parties greatly influenced the general course of repatriation. Attention is drawn to the fact that from the very beginning of the work of the Mixed Repatriation Commission, the reluctance of the Polish side to resolve controversial issues was revealed. Disagreements began when the parties started discussing the issue of personal exchange, which, in accordance with the additional protocol to the agreement of February 24, 1921, was to be carried out in the first place. The article shows the process of cooperation of the Mixed Commission for Repatriation with the bodies involved in improving the economic and sanitary conditions of the repatriates – with the branches of the Red Cross Society, the Central Directorate for the Evacuation of the Population (Tsentrėvak) of the RSFSR.

Keywords: repatriation, Mixed Repatriation Commission, Tsentrėvak, prisoners of war, refugees

For citation: Borovskaya, O.N. (2024), “The issue of migration of the civilian population in the work of the Mixed Commission on Repatriation in 1921–1924”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 157–168, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-157-168

Проблема репатриантов времен Первой мировой войны и польско-советской войны 1919–1920 гг. приобрела особую актуальность на Рижской мирной конференции (сентябрь 1920 г. – март 1921 г.). Согласно статье VII «Договора о перемирии и прелиминарных условиях мира» от 12 октября 1920 г. предусматривалось создание смешанных комиссий. Стороны были обязаны заключить соглашение по репатриации. Смешанная комиссия по репатриации тесно сотрудничала с органами, занимающимися вопросами улучшения материального и санитарного положения репатриантов: отделениями Общества Красного Креста, Центральным управлением по эвакуации населения (Центрėвак) РСФСР.

Вопрос деятельности Смешанной комиссии по репатриации в 1921–1924 гг. не становился объектом самостоятельного исследования. Косвенно проблематика затрагивается в работах специалистов, занимающихся судьбой военнопленных и беженцев времен Первой мировой войны, в том числе деятельностью Центрального управления по эвакуации населения РСФСР [Белова 2014], Белорусского управления по эвакуации населения [Бабков 2012]. В историографии советско-польских отношений межвоенного периода деятельность смешанной комиссии почти не рассматривается, имеется только некоторое упоминание о ее создании и функционировании [Ольшанский 1969; Kumaniecki 1971; Цынквiч 2001; Мезга 2019; Кодин, Родионов 2021]. Как польские, так и российские, белорусские исследователи основное внимание сосредотачивают на человеческом потенциале, при этом репатриационная система, механизм репатриации польских военнопленных с лагерей Советской России на протяжении 1921–1922 гг. остается неизученным. В публикациях, имеющих на сегодняшний момент, приводятся только количественные показатели репатриированных поляков¹ [Żołędowski 2017; Оплаканская 2015]. Более детально репатриация рассмотрена в подготовленном И.И. Костюшко фундаментальном сборнике документов, где частично затрагивается вопрос нормативно-правовой базы, представлены документы о количестве репатриированных польских военнопленных². Однако практически неизученной является проблема взаимодействия центральных органов и ведомств с местными органами государственной власти и руководства лагерей, в которых содержались военнопленные. В Национальном архиве Республики Беларусь (фонды 39, 40) содержатся нормативные документы, списки репатриированных поляков. Основной объем документов по теме содержится в Государственном архиве Российской Федерации (фонды 393, 3333), Российском государственном архиве социально-политической истории (фонд 63).

Центрами функционирования комиссии являлись Варшава и Москва, но через территорию Беларуси проходил один из основных маршрутов транспортировки репатриантов. Белорусское управление по эвакуации населения как филиал Центрального управления выполняло основную функцию по санитарному, медицинскому обслуживанию. Ее работа согласовывалась и направлялась сотрудниками Смешанной комиссии, была направлена

¹ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 гг.): Документы и материалы / Подгот. публ. И.И. Костюшко. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2004. 404 с.

² Там же.

в первую очередь на эвакуацию этнически польского населения, но большинство транспортированных людей (до 60%) являлись белорусами и украинцами по национальному признаку. Поэтому изучение деятельности комиссии даст ценный материал по социально-экономической истории Беларуси, международных отношений. Цель исследования – изучить деятельность Смешанной комиссии по репатриации в 1921–1924 гг. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить противоречия советско-польских отношений периода проведения Рижской мирной конференции (сентябрь 1920 г. – март 1921 г.) по вопросу создания эффективной репатриационной системы; 2) показать проблемные моменты в функционировании Смешанной комиссии по репатриации в 1921–1924 гг.; 3) охарактеризовать причины приостановки массовой репатриации военнопленных, беженцев, заложников, гражданских пленнх.

Проблема военнопленных и репатриантов рассматривалась в ходе работы Рижской мирной конференции (сентябрь 1920 г. – март 1921 г.). Вопросом пленнх занималась Комиссия по обмену пленнх, беженцев, заложников и интернированных лиц, во главе которой стояли председатели – Э. Залевский и И.Л. Лоренц. Согласно статье VII «Договора о перемирии» 12 октября 1920 г., предусматривалось создание Смешанных комиссий. Стороны были обязаны сразу же начать обмен военнопленных. Однако российско-украинская делегация посчитала данное условие выполнимым только при условии продолжения срока перемирия, на что не соглашались польские представители³. Закрепление основных условий осуществления репатриации произошло в «Соглашении о репатриации», подписанном 24 февраля 1921 г.⁴

Для осуществления репатриации в месячный срок были созданы две смешанные польско-российско-украинские комиссии с местонахождением в Москве и Варшаве. Каждая делегация состояла из трех членов и двух заместителей, а также необходимого технического персонала до 30 человек. В задачи двух Смешанных комиссий входило наблюдение за репатриацией населения, содействие ее организации и ускорение процесса. Членам комиссии предписывалось также вести регистрацию и учет военнопленных (составлять списки), им давалось право посещать места содержания военнопленных⁵. Было договорено, что комиссии по репатриации

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 63. Оп. 1. Д. 190. Л. 5.

⁴ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР... С. 284.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 208. Л. 2–3.

приступят к работе сразу же после подписания Рижского мирного договора, не ожидая его ратификации. В первой половине апреля на советскую пограничную станцию Негорелое стали прибывать первые эшелоны из Польши.

В соответствии с положением «Соглашения о репатриации» в середине марта 1921 г. начался обмен репатриантами. Планировалось проводить его в двух пунктах пропуска на железнодорожных станциях Негорелое (с советской стороны) – Столбцы (на польской стороне), на железнодорожной магистрали Москва–Минск–Барановичи, а также на станции Здолбуново (для обеих сторон, станция находилась в Польше) на железнодорожной линии Ровно–Шепетовка–Киев⁶. Несмотря на принятый в репатриационном соглашении принцип «всех за всех», обмен не происходил симметрично. Советские власти объясняли это сложностями в получении вагонов, в которых можно было перевозить людей, и отсутствием исправных локомотивов, так как большая часть советского железнодорожного состава была повреждена и на протяжении многих лет не ремонтировалась. Второй причиной задержек была перегрузка железнодорожных магистралей, что приводило к медленному передвижению транспортов с многочисленными остановками на узловых станциях.

Советское правительство в начале апреля подтвердило состав российско-украинской делегации в Смешанной комиссии по репатриации для работы на польской территории. Аналогичная польская делегация должна была приехать в Москву (председатель С. Корсак). 11 апреля российско-украинская делегация, которую возглавлял Е.Н. Игнатов, а с ноября 1921 г. А. Оболтин, выехала в Варшаву, но по приезду на государственную границу оказалось, что по неизвестным причинам выезд польской делегации из Варшавы задерживается⁷. Это означало, что и советская делегация не может перейти границу. После двухнедельного ожидания на границе только 24 апреля делегация прибыла в Варшаву, а через четыре дня началась работа комиссии. Отделение российско-украинской делегации находилось в Барановичах, Ровно (где происходила регистрации беженцев); польской делегации – в Харькове, Петрограде, Минске и других городах.

С самого начала в работе Смешанной комиссии выявилось нежелание польской стороны решать спорные вопросы. Разно-

⁶ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 39. Оп. 1. Д. 340. Л. 17–20.

⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4: апрель 1921 г. – май 1926 г. М.: Наука, 1966. С. 19–21.

гласия начались при обсуждении вопроса о персональном обмене, который, в соответствии с дополнительным протоколом к «Соглашению» 24 февраля 1921 г., должен был осуществляться в первую очередь. Только после долгих переговоров советской делегации удалось добиться согласия польской стороны на персональный обмен небольшими группами, состав которых польские власти определяли самостоятельно. В итоге осуществление обмена затянулось на месяцы. Польская делегация, работавшая в Москве, при формировании эшелонов с репатрированными польскими гражданами отдавала предпочтение лицам польской национальности перед белорусами и евреями. Согласно «Соглашению о репатриации», возврат на родину был добровольным. Можно было отказаться, заполнив соответствующее заявление, однако такие обращения были немассовыми.

В ходе работы Смешанной комиссии по репатриации поднялся вопрос о переносе места перехода репатриантов из Негорелого в другой населенный пункт (например, Койданово). Однако в связи с процессом установления постоянной пограничной линии этот вопрос был снят⁸. Как сообщает Центральное управление по эвакуации, эшелоны с территории российских губерний прибывали на ст. Негорелое, после передавались польскому представителю. 10 августа 1922 г. российско-украинская делегация предложила открыть третий передаточный пункт на линии Полоцк–Вилейка, что облегчило бы положение репатриантов. В итоге польское правительство не согласилось на это предложение, однако желало создать дополнительные представительства комиссии по репатриации в местах, где будут сосредотачиваться значительные массы беженцев.

До конца 1921 г. основная масса польских беженцев была репатрирована. В дальнейшем, вместе с возвращением на родину беженцев, велась репатриация оптантов, которая продолжалась до осени 1923 г. К началу августа 1921 г. из Польши на родину вернулось большая часть военнопленных красноармейцев, а также значительное количество заложников и беженцев. Основная масса военнопленных поляков выехала в Польшу в мае–июле. До конца августа военнопленных в России оставалось не более 7–8 тысяч человек.

Согласно письму российско-украинской делегации в Смешанной комиссии по репатриации в адрес польской делегации 22 ноября 1921 г.⁹, польская сторона выказала недовольство увеличенным числом беженцев, доставляемых к пропускным пунктам (Барано-

⁸ НАРБ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 338. Л. 212.

⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 122. Оп. 4. Д. 73. Л. 73–78.

вичи – 4000 человек ежедневно, Ровно – 4000 человек ежедневно), сложным положением из-за нехватки продуктов питания и плохого санитарного состояния. Беженцы, по мнению поляков, должны были передвигаться исключительно организованным порядком, не допуская движения самотеком. Однако, согласно статье XXVII «Соглашения о репатриации», было точно определено количество беженцев, которые должны были доставляться к каждому передаточному пункту – не менее 4000 человек каждый день. При этом польская сторона не имела права отказать принимать большее количество людей. 16 и 17 ноября 1921 г. были направлены послания польской делегации, в которых польская сторона указывала на значительное число беженцев, доставлявшихся российско-украинской стороной. Польские пропускные пункты не справлялись с повышенной нагрузкой, поэтому было предложено уменьшить количество беженцев до 1000 человек в Барановичах и 500 – в Ровно. В свою очередь российско-украинская сторона жаловалась на значительные задержки движения репатриантов из-за медлительности при наложении визы польской стороной для пропуска эшелонов, в результате чего произошло скопление составов. 18 ноября польская делегация выдвинула требование об организации санитарно-питательных пунктов и строительстве барачных¹⁰. Между прочим, на ст. Негорелое был создан пункт питания, которым могли пользоваться как польские, так и советские репатрианты¹¹.

С марта по июль 1921 г. через станцию Негорелое проехали в Польшу 14 356 пленных, а через станцию Здолбуново – 7179. С территории РСФСР, БССР и УССР в Польшу вернулись 46 337 беженцев и других категорий населения, всего 67 872 чел. С июля по декабрь 1921 г. через станции вернулись на родину соответственно: 12 199 и 3791 репатриантов. После их количество значительно уменьшилось. В общем количестве с марта 1921 г., когда начался основной процесс возвращения, до середины 1922 г. в Польшу вернулись 34 839 военнопленных¹². Согласно интервью председателя российско-украинской делегации Е.Н. Игнатова «Варшавскому голосу» 29–30 июля 1921 г., из Польши в Россию и Украину по 23 июля направлено военнопленных 38 098 человек, беженцев и других категорий 1093 человека, всего 39 191¹³.

¹⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4. С. 113–114.

¹¹ НАРБ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 91. Л. 40, 47, 51.

¹² Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 338.

¹³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4. С. 78.

22 ноября 1921 г. на заседаниях Смешанной комиссии по репатриации был поднят вопрос о делегировании польского представителя в целях его присутствия при таможенном осмотре багажа польских репатриантов. Однако ходатайство польской стороны было отклонено, так как это могло вызвать задержку в работе таможенников. Тем более что польский представитель никаким образом не мог бы повлиять на ход осмотра багажа. В итоге многочисленных переговоров было позволено присутствовать члену российско-украинской делегации, поляку по национальности К.И. Циховскому¹⁴.

Дело в том, что в ходе прохождения репатриантами Негореловской таможни Западного таможенного округа случались незаконные реквизиции личного имущества, которое не было задекларировано и описано соответствующим образом. Разрешения на неограниченный провоз имущества репатриантов было установлено только в апреле 1922 г., при условии наличия визы отдела международных расчетов Народного комиссариата финансов РСФСР. Так, в декабре 1923 г. была изъята скрипка в футляре у гражданина Садовского, музыканта по основному роду занятий¹⁵. В отдельных случаях, в ходе обращения с ходатайством в польское представительство Смешанной комиссии по репатриации, имущество и другие материальные ценности возвращались законному владельцу¹⁶.

Достаточно частым явлением был провоз значительных денежных средств, не указанных в беженских свидетельствах, надежно спрятанных в одежде (подол пиджака, брюк) или других предметах (потайная крышка чемодана). Так, 23 декабря 1922 г. на станции Негорелое работниками таможни И.А. Доменштейном и старшим контролером Я.С. Вольденом у гражданина Л. Левина была найдена квитанция, выданная польской делегации Смешанной комиссии по репатриации, и зашитая в подкладку штанов на 1,6 млн польских марок. В ходе разбирательства по делу и длительной переписки Управления Негореловской таможни и Полномочного представительства Польши в Москве выяснилось, что данная квитанция гражданина Л. Левина является недействительной и подлежит изъятию¹⁷.

Отдельные случаи незаконной конфискации личных вещей и достаточно больших сумм денежных средств могли стать пово-

¹⁴ НАРБ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 91. Л. 75.

¹⁵ Там же. Ф. 129. Оп. 2. Д. 266. Л. 12.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 35.

дом для дипломатического скандала, но благодаря стараниям сотрудников Отдела по делам стран Прибалтики и Польши НКВД РСФСР они разрешались мирно. Так обстояло дело с изъятием ценностей и денег на сумму 80 тысяч злотых у гражданки Латыниной. Кроме незаконной конфискации, родственники гражданки Латыниной обвинили работников Негореловской таможни в «неуважении к старости и грубом отношении». Данные жалобы поступили в Полномочное представительство Польши в РСФСР¹⁸.

18 сентября 1921 г. в ноте поверенного в делах Польши в РСФСР Т. Филипповича народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину содержались ультимативные требования польского правительства, касающиеся в том числе и дела организации репатриации, которые необходимо было выполнить до 1 октября. 22 сентября 1921 г. Г.В. Чичерин в ответной ноте указывал на тот факт, что репатриация проходит в рабочем порядке. Напряженность в советско-польских отношениях негативным образом повлияла на процесс репатриации, значительно его замедлив. Взаимные обвинения и выставления ультиматумов, угроза разрыва дипломатических отношений между сторонами выливались в почти полное прекращение работы приемного пункта на ст. Негорелое¹⁹.

7 октября 1921 г. во время встречи вице-министра иностранных дел Польши Я. Домбского с полномочным представителем РСФСР в Варшаве Л.М. Караханом был подписан протокол об условиях выполнения Рижского мирного договора, согласно которому было решено, что начнут свою работу реэвакуационная и специальная смешанные комиссии, территорию Польши покинут лица, подозреваемые в проведении антисоветской деятельности (Б. Савинков, Д. Одинец и другие), произойдет выплата советской стороной компенсации за железнодорожное имущество, стороны приступят к охране границ от перехода нежелательных элементов и др.

В декабре 1921 г. Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак) объявило о ликвидации своих органов на местах. Вместо них в 1922 г. начали свою работу линейные эвакуационные пункты при крупных железнодорожных станциях и межтерриториальные базисные эвакуационные пункты. 31 января 1923 г. член Коллегии НКВД РСФСР Я.С. Ганецкий направил ноту поверенному в делах Польши Р. Кноллю, в которой сообщал о решении приостановить работу комиссии по репатриации, мотивировав это уменьшением количества лиц, желающих выехать

¹⁸ Там же. Л. 169–173.

¹⁹ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

эшелонным порядком за границы республик, не превышающего 20 тыс. человек.

Инициатива в приостановке процесса миграции гражданского населения принадлежала советской стороне по причине уменьшения количества людей, желающих выехать эшелонным порядком. В итоге 15 февраля 1923 г. было объявлено о прекращении работы российско-украинской делегации в Смешанной комиссии по репатриации и о приостановке эшелонной отправки. Аналогичные меры предлагалось предпринять польской стороне, в будущем вопросы о репатриации решать в дипломатическом порядке. Польское руководство предлагало продлить срок деятельности комиссии по репатриации до 1 февраля 1924 г., а в соответствующих отделениях (в Киеве, Харькове, Минске) до 15 января 1924 г. Подписание заключительного протокола Смешанной комиссии по репатриации произошло только 30 августа 1924 г., в результате чего массовая репатриация и деятельность комиссии были прекращены 1 сентября 1924 г. Все неоконченные репатриационные дела польская делегация передала в консульский отдел своей дипломатической миссии. В итоге количество репатриантов, выехавших массовым порядком в 1921–1924 гг. в Польскую Республику, составило более 1,5 млн человек.

Литература

- Бабков 2012 – *Бабков А.М.* Резьвакуация Белэваком беженцев и военнопленных в 1922 г. // *Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.* 2012. № 4. С. 120–127.
- Белова 2014 – *Белова И.Б.* Рьезьвакуация беженцев Первой мировой войны из Советской России в 1922–1923 гг.: заключительный этап // *Вестник архивиста.* 2014. № 1. С. 11–21.
- Кодин, Родионов 2021 – *Кодин Е.Б., Родионов И.И.* Рьепатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России (1921–1922) // *Новейшая история России.* 2021. № 1. С. 72–88.
- Мезга 2019 – *Мезга Н.Н.* Советско-польские отношения 1921–1926 гг.: новый этап противостояния. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. 229 с.
- Ольшанский 1969 – *Ольшанский П.Н.* Рижский мир: Из истории борьбы советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 г. – март 1921 г.). М.: Наука, 1969. 260 с.
- Оплаканская 2015 – *Оплаканская Р.В.* Деятельность представительства Смешанной комиссии в Сибири по репатриации польских военнопленных в 1921 г. // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований.* 2015. № 3 (9). С. 120–127.

- Цынкевіч 2001 – Цынкевіч В. Праблема рэпатрыяцыі бежанцаў і адкрыцце польскага консульства ў Мінску (1921–1924 гг.) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 3. С. 76–83.
- Kumaniecki 1971 – *Kumaniecki J.* Po traktacie ryskim. Warszawa: Książka i wiedza, 1971. 282 s.
- Żołędowski 2017 – *Żołędowski C.* “Pierwsza repatriacja”. Powroty o przyjazdy osiedleńcze do Polski ze wschodu po I wojnie światowej // *Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny*. 2017. Z. 1 (63). S. 63–93.

References

- Babkov, A.M. (2012), “Re-evacuation of refugees and prisoners of war by Belevak in 1922”, *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*, no. 4, pp. 120–127.
- Belova, I.B. (2014) “Re-evacuation of World War I refugees from Soviet Russia 1921–1923: final stage”, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 11–21.
- Kodin, E.B, Rodionov, I.I. (2021) “Repatriation of Polish prisoners of war from camps in Central Russia (1921–1922)”, *Noveishaya istoriya Rossii*, no. 1, pp. 72–88.
- Mezga, N.N. (2019) *Sovetsko-pol'skie otnosheniya 1921–1926 gg.: novyi etap protivostoyaniya* [Soviet-Polish relations in 1921–1926: a new stage of confrontation]. Gomel, Belarus.
- Olshanskii, P.N. (1969) *Rizhskii mir: Iz istorii bor'by sovetskogo pravitel'stva za ustanovlenie mirnykh otnoshenii s Pol'shei (konets 1918 g. – mart 1921 g.)* [Riga peace. From the history of the struggle of the Soviet government for the establishment of peaceful relations with Poland (late 1918 – March 1921)], Moscow, USSR.
- Oplakanskaya, R.V. (2015) “Activities of the representative office of the Mixed Commission in Siberia for the repatriation of Polish prisoners of war in 1920”, *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropology*, vol. 9, no. 3, pp. 120–127.
- Cynkevicz, V. (2001), “Prablema repatryyatsyi bezhantsaŭ i adkrytstse pol'skaga konsul'stva ў Minsku (1921–1924 gg.)” [The problem of reparation of refugees and the opening of the Polish consulate in Minsk (1921–1924)]. *Belarusian Journal of International Law and International Relations*, no. 3, pp. 76–83.
- Kumaniecki, J. (1971) *Po traktacie ryskim*, Warsaw, Poland.
- Żołędowski, C. (2017) “ ‘Pierwsza repatriacja’. Powroty o przyjazdy osiedleńcze do Polski ze wschodu po I wojnie światowej” [The first repatriation. Return about settlement arrivals to Poland from the east after World War I], *Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny*, vol. 63, no. 1, pp. 63–93.

Информация об авторе

Ольга Н. Боровская, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь; 220072, Беларусь, Минск, Академическая ул., д. 1; borovskaya-olga@mail.ru

Information about the author

Olga N. Borovskaya, Cand. of Sci. (History), associate professor, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus; bld. 1, Akademicheskaya St., Minsk, Belarus, 220072; borovskaya-olga@mail.ru

Драма пастырского служения в раннем СССР: опыт микроистории

Наталья В. Ростиславлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ranw@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе «уликовой парадигмы» К. Гинзбурга реконструируется дело о преследовании в СССР протестантского пастора пролетарского происхождения Р.Г. Раудмунда из Ленинградской области. Предмет исследования – индивидуальный случай, который изучается на основе «следов и улики», обнаруженных автором в ходе работы с архивным фондом адвоката немецкого происхождения М.К. Штакельберга в ОР РНБ. В статье скрупулезно рассматривается движение «дела пастора Р.Г. Раудмунда», выявляются индивидуальные особенности его жизни и основные претензии советской власти к нему. Уделяется внимание нравственным устоям пастырского служения как феномену, показан драматический исход дела пастора. Данный казус протестантского пастора в конце 20-х – середине 30-х годов XX в. в условиях массовых религиозных гонений в СССР обрел черты повторяемости и отчасти типичности, что заставляет вопреки К. Гинзбургу признать ценность и потенциал микроистории не только в плане «индивидуального и уникального», но и в связи с повторяемостью, регулярностью, множественностью. Однако статус индивидуального в общем потоке религиозных гонений в раннем СССР в рамках данного казуса существовал: репрессиям подвергся пастор пролетарского происхождения, с большой симпатией относившийся к Октябрьской революции 1917 г. и советской власти, но отказавшийся от пастырства, которое является важным аспектом жизни Церкви.

Ключевые слова: «уликовая парадигма» в микроистории, ее потенциал, преследование протестантских пасторов в СССР, Р.Г. Раудмунд, М.К. Штакельберг, пастырское служение

Для цитирования: Ростиславлева Н.В. Драма пастырского служения в раннем СССР: опыт микроистории // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 169–180. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-169-180

The drama of pastoral ministry in the early USSR. Experience of microhistory

Natalia V. Rostislavleva

*Russian State University for Humanities, Moscow, Russia,
ranw@mail.ru*

Abstract. The article, based on the “evidential paradigm” of K. Ginzburg, reconstructs the case of persecution of the Protestant pastor of proletarian origin, R.G. Raudmund, from the Leningrad region. The subject of the research is an individual case, which is considered on basis of the “traces and evidence” discovered by the author while working with the archival fund of the lawyer of German origin, M.K. Stackelberg, in OR RNL. The article deals with the court procedure stages of “the case of Pastor R.G. Raudmund”, reveals the peculiarities of his life and the main claims of the Soviet government against him. The paper focuses on the moral foundations of pastoral ministry as a phenomenon and shows the dramatic outcome of the pastoral work. This case has become recurrent in the late 20s – mid 30s of the 20th century in the conditions of the mass religious persecution in the USSR. These facts make it possible to contradict K. Ginzburg and recognize the value and potential of microhistory not only from the point of view of something “individual and unique”, but also due to much-recurring repetition, regularity and multiplicity. However, within the framework of this incident, the individual status in the general flow of religious persecution in the early USSR did exist: the one who became subjected to the repressions was the pastor of the most proletarian origin with great sympathy for the October Revolution of 1917 and the Soviet regime, but who refused to renounce his ministry, which is an important aspect of the Church life.

Keywords: “evidence paradigm” in microhistory, microhistory potential, persecution of Protestant pastors in the USSR, R.G. Raudmund, M.K. Stackelberg, pastoral ministry

For citation: Rostislavleva, N.V. (2024), “The drama of pastoral ministry in the early USSR. Experience of microhistory”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 169–180, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-169-180

Введение

Атеизм был принципом восторжествовавшего в СССР марксистского учения, которое само содержало отчасти религиозно-подобные вызовы: вера в неотвратимость свершения социалистической революции и наступления коммунизма сравнима с верой во

второе пришествие Христа. Возможно поэтому параллельно с созданием нового государства начался процесс религиозных гонений, который несколько ослаб в годы Великой Отечественной войны. Однако и в послесталинское время существовали серьезные препятствия для активизации деятельности церкви как социального института [Миллер 2022, с. 17–18].

Протестантизм начиная с XVIII в. был одним из самых распространённых вероучений немецкого населения Российской империи и жителей Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний Прибалтийского края. В Российской империи относились к протестантам довольно терпимо, в значительной мере это объяснялось тем, что протестантизм сформировался как оппозиция католицизму, так и принадлежностью российских императриц до их перехода в православие к лютеранству [Дённингхаус 2004, с. 116, 127].

73% немецкого населения Российской империи составляли лютеране и рассматривать историю российских немцев в отрыве от их религиозных взглядов некорректно [Лиценбергер 2003, с. 9]. В годы Первой мировой войны пасторы евангелическо-лютеранской церкви подверглись серьезным репрессиям [Лиценбергер 2003, с. 179–207; Феномен гражданского плена 2023, с. 262], которые во многом были связаны с резко возросшей в российском обществе германофобией. Лютеранских пасторов немецкого происхождения обвиняли в шпионаже, высылали во внутренние и отдаленные районы Российской империи, при этом нередко противопоставляли им пасторов эстонского и латвийского происхождения¹. Среди на шумевших дел – дело пастора Вальтера, который вместе с женой и соратниками активно занимался благотворительностью, но был обвинен в шпионаже, предан суду и приговорен к реальному сроку². Деятельность пастора была квалифицирована как антирусский и антигосударственный заговор [Ростиславлева 2024, с. 271–272]. Февральская революция 1917 г. резко снизила накал репрессий на пасторов. Пользуясь общей неразберихой и декларируемыми Временным правительством свободами, российские протестанты сумели даже относительно достойно отметить четырехсотлетний юбилей Реформации 31 октября 1917 г.³

¹ РГИА. Ф. 828. Оп. 11. Д. 36. Л. 175–178.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 212, 1915. Д. 739. Л. 10–27; Ф. 124. Оп. 69. Д. 707. Л. 3, 35.

³ РГИА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 106. Л. 116–127; *Luthers Erbe in Russland. Ein Gedenkbuch in Anlass der Feier des 400-jährigen Reformationsfestes der evangelischen Gemeinden in Russland* / Hrsg. Th. Meyer. Moskau, 1918.

По советской Конституции 1918 г. гражданам гарантировалась свобода совести, т. е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Конституция СССР 1924 г. уже не содержала раздела об основных правах и обязанностях граждан, это вопрос регулировался конституциями союзных республик. В Конституции РСФСР 1925 г. свобода совести гарантировалась [Туманов 2011, с. 15–19]. Если в годы Первой мировой войны преследованием подвергались в основном протестантские служители культа немецкого происхождения, то в постреволюционное время значение этнического фактора снизилось. Однако в раннем СССР религиозные гонения довольно быстро стали распространенной практикой, поскольку христианское благочестие не просто отвлекало от революционного порыва и строительства нового общества, но и формировало иные социальные модели поведения. 23 января 1918 г. был принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Церковь как социальный институт, как отмечалось, с начала 20-х гг. XX в. выступала серьезным конкурентом в формировании нравственных устоев молодого советского государства. Гонениям на православных священников и разрушению православных храмов в первые годы советской власти посвящены довольно обширная литература [Головкова, Хайлова 2012] и издания мемуарного характера⁴. Не стало исключением преследование и представителей других существовавших в России вероучений и религий [Головкова, Хайлова 2012; Смирнова 2004]. Численность лютеранских пасторов с 1918 до 1921 г. снизилась более чем в 2 раза – с 209 до 82 чел. С 1920 по 1923 г. 32 пастора отказались от служения, половина из них покинула РСФСР в 1920 г. [Лиценбергер 2003, с. 272–277]. Однако были и другие истории, когда отдельные протестантские священнослужители сочетали верность христианству с воодушевлением перед пролетарскими ценностями и начали нести пасторскую службу уже в период советской власти.

В данной статье будет рассмотрен сюжет, связанный с преследованием в Ленинградской области протестантского пастора Рудольфа Генриховича Раудмунда. Этот сюжет изучен в рамках методологии Карло Гинзбурга – крупнейшего историка современности, специалиста по микроистории, ценившего в истории как казусы сами по себе, так и с точки зрения тех перспективных вопросов, которые они вызывают. В главе книги К. Гинзбурга «Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история», которая называется

⁴ Русь уходящая: Рассказы митрополита Питирима (Нечаева) о Церкви, о времени и о себе. М., 2023. С. 24–26, 67, 475.

«Приметы. Уликовая парадигма и ее корни», автор размышляет о методе научного познания, который отличается от количественных или социологических приемов, поскольку последние не всегда позволяют исследователю в полной мере уловить элементы социальной и политической среды (Стаф 2006, с. 3). Задача историка, по мнению К. Гинзбурга, – сохранить события жизни человека, пострававшие сериальностью и архитипичностью. Микроисторические штудии К. Гинзбурга – это прежде всего реконструкция, а не конструкция. Историк опирается только на добытые им факты индивидуальных случаев и не предпринимает концептуальные исследования. Он замечает: «Даже если реальность непрозрачна, существуют привилегированные участки – приметы, улики, позволяющие дешифровать реальность» [Гинзбург 2004, с. 224].

Типичное vs нетипичное

Объектом данного расследования является личная история, в чем-то не совсем типичная, которая будет дешифрована и реконструирована на основе документов личного фонда адвоката Максима Карловича Штакельберга⁵. Фонд был обнаружен случайно в отделе рукописей РНБ, когда автор вел поиск документов по истории российских немцев. Максим Карлович Штакельберг происходил из известного прибалтийского баронского рода. В 1920–1930-е гг. являлся членом Ленинградской областной коллегии защитников. Материалы фонда прежде всего связаны со служебной деятельностью адвоката. Они поступили в Отдел рукописей из Резервного фонда в 1937 г. В фонде содержатся документы 1881–1932 гг. Автор настоящей статьи – первый исследователь, который заказал документы из этого фонда. Судя по дате поступления материалов – 1937 г. – скорее всего, фондообразователь был репрессирован в годы Большого террора, но пока подтверждающих документов не найдено.

В фонде М.К. Штакельберга отложилось «Дело пастора Р.Г. Раудмунда», защитником которого выступал фондообразователь. Сложно точно оценить, насколько типичен источник фактов, но скорее нетипичен для того времени, поскольку нечасто священнослужители успевали обратиться к адвокатам, которые оказывали им реальную поддержку и делали все, чтобы спасти их от наказания. Удалось установить, что семья Рудольфа Генриховича Раудмунда происходила из Эстонии, также были найдены

⁵ ОР РНБ. Ф. 869: М.К. Штакельберг.

документы 1920 г. об оптации эстонцев, в перечне которых фигурирует фамилия Раудмунд⁶, но это вытекает и из материалов фонда М.К. Штакельберга в ОР РНБ. Пастор Р.Г. Раудмунд определял свое происхождение как пролетарское⁷. В течение 18 лет он был народным учителем, а последние пять лет занимался еще и пастырским служением, поскольку религиозные убеждения заставили его быть священнослужителем евангелическо-лютеранской церкви Вошковского прихода Полновского района Лужского округа Ленинградской области.

Документы, связанные с делом Раудмунда, попали в упомянутый выше фонд, поскольку к Штакельбергу как к адвокату обратилась жена пастора Мария Карловна с просьбой составить прошение о помиловании на имя М.И. Калинина, также она принесла ему выписку из протокола коллегии ОГПУ от 28 ноября 1927 г., согласно которой Рудольф Раудмунд был заточен в лагерь на Соловках сроком на пять лет. Выбор защитника, по всей вероятности, был неслучаен, так как его немецкое происхождение позволяет предполагать определенную лояльность Штакельберга к евангелическо-лютеранской церкви.

Пастор был арестован 15 июня 1926 г., все это время содержался в доме заключения (ДОМЗАКе) в Гдове, ему инкриминировали статьи 58.10 (шпионаж) и 58.6 (участие в организации, причиняющей явный ущерб диктатуре пролетариата и пролетарской революции) УК РСФСР. Его обвиняли в том, что он укрывал в 1922 г. некоего Кяхрика, ставшего позже то ли бандитом, то ли шпионом, а также то, что составлял заявления от имени эстонцев Гвозденской и части Узминской волостей, у которых якобы была какая-то организация. Раудмунд связь с этой организацией отрицал. Все это было изложено адвокатом в заявлении на апелляцию прокурору Ленинградской области Лужского округа Полновского района⁸.

Советское следствие рассматривало дело пастора в рамках статьи 58.15 (пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии) и 58.18 (измышление и распространение ложных слухов или непроверенных сведений), а осудили его по статьям 58.10 (шпионаж) и 58.6 (участие в организации, причиняющей явный ущерб диктатуре пролетариата и пролетарской революции). Но главное, на что указала жена пастора: следовательно предложил ему отказаться от пасторского звания и от веры, опубликовать это сообщение в газете и тогда его выпустят. Женщина так и сообщала,

⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 21. Л. 415.

⁷ ОР РНБ. Ф. 869. Оп. 13. Л. 106.

⁸ Там же. Оп. 11. Л. 1.

что муж под влиянием своей совести и по религиозным убеждениям мог бы отказаться от пасторского сана, но от своей веры и религиозных убеждений нет⁹. Прокуратура не ответила на запрос адвоката Штакельберга, по крайней мере в фонде он не обнаружен.

В документах фонда есть письмо самого Раудмунда, которое было каким-то образом передано адвокату. Видимо, это случилось, когда пастор во время пересылки короткое время находился в Ленинграде. Раудмунд писал, что он не совершал никакого преступного деяния против советской власти ни словом, ни делом, подчеркивая, что в его лице хотели осквернить личность служителя религии¹⁰. Пастор в течение пяти месяцев ждал пересмотра своего дела и полагал, что будет оправдан, так как считал, что он невиновен. Вера Раудмунда в пролетарские идеалы, еще один нетипичный штрих религиозных гонений.

У пастора была большая семья: жена и шестеро детей. После его ареста жена должна была сама выполнять все полевые и хозяйственные работы. Он так описывал ее страдания: «Слезы были ей наградой и утешением за то, что семейство мое было выселено из церковного дома на улицу: надо было найти выход. Милиция не ждала. Срок прошел, и квартира была вычищена, вещи выброшены. Потаскилась жена к добрым людям умолять их, чтобы взяли детей на время в свой дом, а сама определилась в хлеву с животными. Не успела бедняжка опомниться от этого удара потребовали дополнительный налог 90 рублей за 1926/27 г., и она собрала остатки денег 45 руб.»¹¹. Бедствия семьи были для него невыносимы, он писал: «Меня нисколько не волнует мысль, что я безвинно страдаю лично, я беспокоюсь только о моем семействе»¹². Также думал он о своей пастве, о верующих гражданах, полагая, что если его не выпустят, то место пастора должен занять другой проповедник. Раудмунд описал в письме эту ситуацию пронзительно и сверхэмоционально: «Я снимаю с себя ответственность перед верующими, они должны знать, что не от меня зависит закрытие их молелен. Они ждали меня в течение пяти месяцев, терпя нужду духовного наставления и пищи. Далее они ждать не должны. Или я приду, или голодная смерть пастыря докажет им мою готовность служить до конца верно и непоколебимо данному обету...»¹³. В этом сверхэмоциональном отрывке пастор пролетарского происхождения сформулировал

⁹ Там же. Оп. 10. Л. 2об.

¹⁰ Там же. Оп. 12. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 1об.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 2–2об.

суть пастырства и пастырского служения как явления религиозной практики. В литературе пастырство определяется как процесс «созидания человеческих душ, заключающийся в заботе и попечении о духовном состоянии каждого члена Церкви, донесении Божественной истины с любовью и опекой» [Епископ Серафим (Амельченков) 2021, с. 21].

Пастор Раудмунд стремился добиться оправдания, подчеркивал, что его смерть от голода оправдывает его перед советской властью и добавлял: «Остаюсь верный своему христианскому долгу любви к Богу и людям. Я прощаю всем моим врагам и желаю всем только добра. Да укрепит Господь Бог меня и благословит Вас в своих убеждениях. Я всегда был сторонником советской власти»¹⁴.

Тему верности идеалам советской власти Раудмунд поднимал в объяснениях, которые давал следователям. «Моя вина могла быть только в том, что на основании той свободы совести и исповедания, разрешенной советской властью, изучая церковную жизнь, находил ошибки и ненормальности, навязанные временами царизма, стремился к реформированию основ и убеждений недопустимых в истинной Христианской церкви и не согласующихся с учением Иисуса Христа. <...> Начал проповедовать ту истину, которую дарил нам Христос... и... увы! Осужден как противник советской власти»¹⁵.

Адвокат посоветовал пастору получить поручительство двух членов ВКП(б), также в деле есть заверение его лояльности, полученное от некоей Эльвиры Восмэн¹⁶, однако все усилия оказались тщетными. Пастор был осужден. Он с горечью отмечал: «Между тем как следователь ОГПУ неоднократно делал мне предложения оставить пастырскую должность, опубликовать об этом в газете, обещая меня сразу выпустить на волю»¹⁷.

Почему Раудмунд был осужден по таким жестким статьям? На церковном съезде верующих граждан Евангелическо-лютеранской церкви в 1925 г. в Ленинграде (состоявшемся с разрешения Советской власти) было постановлено: ввести в приходах регистрацию верующих граждан, принадлежащих к Евангелическо-лютеранской церкви, выдавая им членские карточки. Рудольф Раудмунд напечатал в соответствии с численностью прихода 3000 карточек в типографии «Красной газеты» и стал проводить в жизнь регистрацию с 1926 г. с согласия самих верующих. В этой деятельности пастора

¹⁴ Там же. Л. 2об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Оп. 10. Л. 2.

¹⁷ Там же. Оп. 13. Л. 2.

ОГПУ усмотрело признаки создания организации, угрожающей диктатуре пролетариата. Что касается шпионажа, то таким образом был интерпретирован сбор сведений, необходимых для составления годичного отчета и анкет (о рождении, крещении, конфирмации, венчании, разводе, причащении и смерти и т. п.) верующих граждан. Пастор оправдывался: он не собирал иных сведений и переписки никакой не вел¹⁸. Для отбытия наказания, как уже отмечалось, Раудмунд был отправлен на Соловки, а апелляции его защитника Штакельберга не принесла положительного результата. После освобождения Раудмунда, в 1931 г., семья пастора переехала на Кубань. В 1938 г. пастор и его жена были расстреляны и реабилитированы в 1961 г. по приговору 1938 г. и в 2002 г. состоялась реабилитация Раудмунда по приговору 1927 г.¹⁹

Заключение

Сочетание пастырского служения и веры в справедливость советской власти – довольно нечастое явление, что позволяет разглядеть определенную псевдорелигиозность марксистских идей, убеждающих в неотвратимости гибели капиталистического мира. 8 апреля 1929 г. было принято постановление «О религиозных объединениях», которое способствовало вытеснению религиозных проблем из социально-политического дискурса. Вторая половина 1930-х гг. – время массовых репрессий против духовенства, в том числе и протестантского. В 1936 г. прекратились службы в лютеранском соборе Петра и Павла в Москве, были расстреляны его настоятели. Протестантское богослужение не исчезло, но переместилось в частную жизнь [Kahle 1985]. Гибель пастора и его жены не стали случайностью, скорее их судьба – подтверждение жестоких репрессий в отношении духовенства, что заставляет вопреки К. Гинзбургу признать ценность и потенциал микроистории не только в плане «индивидуального и уникального», но и в связи с повторяемостью, регулярностью, множественностью. Статус индивидуального в рассмотренном случае существовал: нетипичным для большинства служителей культа была вера пастора в идеалы советской власти, которую он принял, но которая не приняла его и подвергла жестоким рестрикциям.

¹⁸ Там же. Л. 1об.

¹⁹ Жертвы политического террора в СССР: Раудмунд Рудольф Генрихович. URL: <https://lists.memo.ru/index17.htm> (дата обращения 23 марта 2023).

Литература

- Гинзбург 2004 – *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 348 с.
- Головкова, Хайлова 2012 – *Головкова Л., Хайлова О.* Пострадавшие за веру и Церковь Христову: 1917–1937. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 656 с.
- Дённингхаус 2004 – *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М.: РОССПЭН, 2004. 502 с.
- Епископ Серафим (Амельченков) 2021 – *Епископ Серафим (Амельченков).* Пастырское служение в Польше и России священномученика Серафима (Остроумова), архиепископа Смоленского. М.: Издат. дом «Познание», 2021. 431 с.
- Лиценбергер 2003 – *Лиценбергер О.А.* Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории (XVI–XX вв.). Минск: Фонд «Лютеранское наследие», 2003. 543 с.
- Миллер 2022 – *Миллер М.Л.* Пол Б. Андерсон и поездка церковных лидеров США в Москву в 1956 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 10–25.
- Ростиславлева 2024 – *Ростиславлева Н.В.* Протестантское служение в годы Первой мировой войны: шпионаж vs христианское благочестие // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2024. Вып. 86. С. 266–273.
- Смирнова 2004 – *Смирнова Т.М.* Положение церкви национальных меньшинств Петербурга и Ленинградской области в 1920–1930-е гг. // Этнография Петербурга – Ленинграда: тридцать лет изучения: 1974–2004. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 233–259.
- Стаф 2006 – *Стаф И.* Карло Гинзбург, или Уличенная история [Рец.]: *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история / Пер. с ит. и послесл. С. Козлова. М.: Новое изд-во, 2004 // Отечественные записки. № 2 (29), 2006. С. 351–355.
- Туманов 2011 – *Туманов Д.Ю.* Конституционное регулирование свободы совести в советском государстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. Вып. 4 (14). С. 15–19.
- Феномен гражданского плена 2023 – *Феномен гражданского плена в России и Германии в годы Первой мировой войны / Под ред. Н.В. Ростиславлевой, А. Бауэркемпера.* М.: РГГУ, 2023. 481 с.
- Kahle 1985 – *Kahle W.* Die Lutherischen Kirchen und Gemeinden in der Sowjetunion seit 1938–1940. Gütersloh, 1985. 279 S.

References

- Bishop Seraphim (Amelchenkov), (2021), *Pastyrskoye sluzhenie v Pol'she i Rossii svyashchennomuchenika Serafima (Ostroumova), arkhiepiskopa Smolenskogo* [Pastoral ministry in Poland and Russia of the Hieromartyr Seraphim (Ostroumov), Archbishop of Smolensk], Poznanie, Moscow, Russia.
- Denninghaus, V. (2004), *Nemtsy v obshchestvennoi zhizni Moskvy: simbioz i konflikt (1494–1941)* [Germans in the public life of Moscow: symbiosis and conflict (1494–1941)], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Ginzburg, K. (2004), *Mify – emblemy – primety: Morfologiya i istoriya* [Myths, emblems, signs. Morphology and history], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Golovkova, L. and Khailova, O. *Postradavshie za veru i Tserkov' Khristovu: 1917–1937* [Those who suffered for the faith and the Church of Christ. 1917–1937], PSTGU, Moscow, Russia.
- Kahle, W. (1985), *Die Lutherischen Kirchen und Gemeinden in der Sowjetunion seit 1938–1940*. Gütersloh, Germany.
- Litzenberger, O.A. (2003), *Evangelicheskoye lyuteranskaya tserkov' v rossiiskoi istorii (XVI–XX vv.)* [Evangelical Lutheran Church in Russian history (16th–20th)], Fond “Luteranskoe nasledie”, Minsk, Belarus.
- Miller, M.L. (2022), “Paul B. Anderson and the 1956 delegation of US church leaders to Moscow”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 10–25.
- Rostislavleva, N.V. and Bauerkämper, A., eds. (2023), *Fenomen grazhdanskogo plena v Rossii i Germanii v gody Pervoi mirovoi voiny* [The phenomenon of civil captivity in Russia and Germany during the First World War], RGGU, Moscow, Russia.
- Rostislavleva, N.V. (2024), “Protestant ministry during the First World War. Espionage vs Christian piety”, *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*, vol. 86, pp. 266–273.
- Smirnova, T.M. (2004), “The situation of the church of national minorities in St. Petersburg and the Leningrad region in the 1920s – 1930s.”, in: *Etnografiya Peterburga – Leningrada: tridsat' let izucheniya: 1974–2004* [Ethnography of St. Petersburg – Leningrad. Thirty years of study. 1974–2004], MAE RAN, Saint Petersburg, Russia, pp. 233–259.
- Staff, I. (2006), “Carlo Ginzburg, or The exposed story, [Book review:] Ginzburg K. Myths – emblems – signs. Morphology and history, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004”, *Otechestvennye zapiski*, vol. 29, no. 2, pp. 351–353.
- Tumanov, D.Yu. (2011), “Constitutional regulation of freedom of conscience in the Soviet state”, *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, vol. 14, no. 4, pp. 15–19.

Информация об авторе

Наталья В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ranw@mail.ru
ORCID ID: 0000000177848390

Information about the author

Natalia V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ranw@mail.ru
ORCID ID: 0000000177848390

Книжная полка

УДК 327(470+410)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-181-188

От нормализации к кризису и обратно
Рецензия на книгу: *Сергеев Е.Ю.* Обманчивый рассвет:
Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг.
М.: Т-во научных изданий КМК, 2024. 396 с.

Искандэр Э. Магадеев

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия, iskander2017@yandex.ru*

Для цитирования: Магадеев И.Э. От нормализации к кризису и обратно. [Рец.] *Сергеев Е.Ю.* Обманчивый рассвет: Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг. М.: Т-во научных изданий КМК, 2024. 396 с. // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2024. № 4. С. 181–188. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-181-188

From normalization to crisis and back again
Book review: *Sergeev E.Yu.* Obmanchivyi rassvet:
Sovetskii Soyuz i Velikobritaniya v 1925–1932 gg.
[Illusory dawn: Soviet Union and Great Britain in 1925–1932].
Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2024. 398 p.

Iskander E. Magadeev

MGIMO University, Moscow, Russia, iskander2017@yandex.ru

For citation: Magadeev, I.E. (2024), "From normalization to crisis and back again. [Book review] Sergeev E.Yu. Obmanchivyi rassvet: Sovetskii Soyuz i Velikobritaniya v 1925–1932 gg. [Illusory dawn: Soviet Union and Great Britain in 1925–1932]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2024. 398 p.", RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series, no. 4, pp. 181–188, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-181-188

© Магадеев И.Э., 2024

Введение

Евгений Юрьевич Сергеев – доктор исторических наук, профессор РГГУ, ГАУГН, главный научный сотрудник ИВИ РАН – уже давно зарекомендовал себя как один из ведущих отечественных исследователей по вопросам истории российско- и советско-британских отношений. Примечательно не только обилие публикаций автора по данной теме (в том числе переведенных на английский язык [Sergeev 2013; Sergeev 2022]), но и его стремление выстроить их в серию, объединенную схожей проблематикой и создающую своего рода континуум исторического нарратива, начиная от периода «Большой игры» 1856–1907 гг. в отношениях Российской и Британской империй [Сергеев 2012] и до первых этапов во взаимодействии Великобритании с Советским государством [Сергеев 2019]. Рецензируемая монография, посвященная перипетиям отношений между Москвой и Лондоном в 1925–1932 гг., продолжает данную серию исследований [Сергеев 2024].

База источников

Основу для насыщенного авторского нарратива обеспечил вариативный корпус архивных и опубликованных источников. Как и в предыдущих своих монографиях, Е.Ю. Сергееву удалось привлечь ценные материалы из российских (Архив внешней политики Российской Федерации, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив экономики), а также британских архивохранилищ. Помимо ожидаемого использования документов основных министерств Великобритании (Кабинет министров, Форин Офис и др.), отметим редко привлекаемые отечественными историками материалы Министерства по делам Индии из Британской библиотеки, фонды Парламентского архива Великобритании, документы Службы безопасности (МИ-5) из Национального архива Великобритании. Повышенная роль спецслужб была одной из характерных черт советско-британских отношений, поэтому их полноценный анализ сложно представить без задействования документов британской контрразведки. Учет автором документов с обоих «концов» изучаемых отношений выгодно отличает монографию и позволяет создать многомерную и относительно сбалансированную картину взаимодействия Москвы и Лондона.

*От Локарно к мировому экономическому кризису:
пути и перепутья советско-британских отношений*

Даже в условиях союзных отношений периода Второй мировой войны посол Великобритании в СССР А.К. Керр отмечал (в переписке советского дипломата И.М. Майского), что «в англо-советских отношениях все время наблюдаются какие-то резкие скачки настроений»¹. Для изученного в книге Е.Ю. Сергеева периода эта амплитуда колебаний была еще более резкой и склонявшейся преимущественно к негативному «полюсу притяжения».

Процесс подготовки Локарнских соглашений, в котором британская дипломатия во главе с министром иностранных дел О. Чемберленом сыграла крайне важную роль, был воспринят в Москве как новая попытка создать антисоветский фронт в Европе во главе с Великобританией [Сергеев 2024, с. 29–38]. Рост напряженности в недавно установленных советско-британских дипломатических отношениях привел в итоге к их разрыву в 1927 г. Е.Ю. Сергееву удалось уточнить ряд моментов и по-новому раскрыть советские оценки даже такого, казалось бы, всесторонне изученного события, как налет британской полиции на помещения советского торгпредства и внешнеторговой компании АРКОС в Лондоне, который стал прологом разрыва [Сергеев 2024, с. 151–172].

Автор успешно продемонстрировал, что этот налет не имел определяющего значения *per se*, а стал кульминацией более масштабного нарастания противоречий в отношениях двух стран. Эти противоречия были связаны не только с реакцией Лондона на советскую активность на Британских островах (в том числе на поддержку Всеобщей забастовки 1926 г.), но и на действия СССР в Китае, где в 1925–1927 гг. разворачивалась революция, а также на Среднем Востоке [Сергеев 2024, с. 81–122]. Части книги, в которых Е.Ю. Сергеев раскрывает историю советско-британского противоборства в Иране, Афганистане, Индии и Синьцзяне, можно отнести к одним из наиболее ценных в рамках всей монографии. На данном материале хорошо прослеживается дорогая для автора мысль о наличии не двух, а трех векторов во внешней политике СССР межвоенного периода: ставка на «мировую революцию», акцент на мирном сосуществовании, имперская линия, в которой «фактическая реанимация внешнеполитических планов царской России» сочеталась с новым инструментарием их достижения через

¹ Из дневника Майского, 6 апреля 1945 г. // Советско-британские отношения в 1943–1953 гг.: Документы и материалы / Под ред. А.О. Чубарьяна, О.А. Вестада. М.: Аспект-пресс, 2021. С. 272.

поддержку революционных и национальных движений в странах условного Востока [Сергеев 2024, с. 38, 347].

Разрыв отношений и «военная тревога» 1927 г. стали пиком напряженности между СССР и Великобританией в рассматриваемый период. Однако даже восстановление отношений в 1929 г., механика которого была детально реконструирована Е.Ю. Сергеевым [Сергеев 2024, с. 188–268], отнюдь не отменяло сохранявшихся проблем и груза прошлого. Начало советско-британских дискуссий о новом торговом договоре в декабре 1932 г. – событие, на котором автор завершает монографию – символизировало специфические преемственность и новизну в контактах двух стран. Попытка нормализовать политическое взаимодействие через торговлю была характерна для советской дипломатии еще в период подписания торгового договора с Великобританией в 1921 г. Вместе с тем сам контекст конца 1932 г. в виде мирового экономического кризиса, нарастания международной напряженности и усиления германского ревизионизма создавал новые условия, которые могли как подтолкнуть Москву и Лондон к улучшению отношений, так и, напротив, усугубить их разобщение.

Методологический горизонт: достижения и лимиты

Изучая перипетии советско-британских отношений в 1925–1932 гг., автор выходит за пределы узко понятой «дипломатической истории» и отчасти наследует тем историографическим тенденциям, которые еще в начале 1980-х гг. американский историк Дж. Джейкобсон суммировал под термином «новая международная история» [Jacobson 1983]. Е.Ю. Сергеев справедливо уделяет внимание не только официальным контактам Москвы и Лондона, но и другим элементам: 1) проблемам взаимного восприятия, что позволяет сформировать «имагологический ракурс советско-британских отношений» [Сергеев 2024, с. 269] (в этом отношении автор опирается на собственные практические и теоретические наработки в сфере имагологии) [Сергеев 2021]; 2) противоборству спецслужб двух государств; 3) роли прессы, в том числе выступавшей инструментом формирования образа врага, что делало советскую и британскую «угрозу» компонентом не только международных отношений, но и внутривнутриполитических процессов в обеих странах; 4) фактору белой эмиграции как специфического актора в отношениях СССР со странами Запада. Отдельно можно отметить ценные иллюстрации к книге, содержащие не только фотографические

портреты главных акторов официальных советско-британских отношений, но и ряд знаковых советских карикатур изученной эпохи, в том числе известный пропагандистский плакат 1927 г. «Наш ответ Чемберлену».

Как и любая интересная историческая работа, освещающая широкий круг проблем и вопросов, рецензируемая монография содержит в себе определенное число дискуссионных моментов. Е.Ю. Сергеев, опираясь на новую источниковую базу, справедливо корректирует ряд выводов советской историографии [Сергеев 2024, с. 78, 220, 268]. Однако в некоторых случаях уровень авторской критики представляется несколько завышенным. Так, например, если оценки властей СССР, а затем советских историков относительно степени антисоветизма Локарнского проекта и последующих британских действий были гипертрофированными [Сергеев 2024, с. 146], то все же сложно отрицать, что цели дипломатической изоляции Советского Союза, ослабления его связей с Германией, которые рассматривались в Москве как один из важных внешнеполитических активов, были присущи британской дипломатии как в 1925 г., так и позднее. Напротив, идеи сотрудников Форин Офис о «присоединения России как федерации крестьянских республик к международному сообществу» [Сергеев 2024, с. 238] можно было подвергнуть большей критике и расценить как нереалистичные. В этом смысле примечательно звучное сталинское «Ха-ха», написанное на полях одного из документов Консервативной партии Великобритании, в котором развивались подобные идеи (он был получен по каналам советской внешней разведки)². При анализе причин, по которым распространение модели Локарно в Старом Свете потерпело неудачу, несколько преувеличенным представляется акцент на «заметном разрыве в уровне политической культуры стран Западной и Центрально-Восточной Европы» [Сергеев 2024, с. 346].

Если части монографии, посвященные советско-британскому противоборству на Среднем Востоке, можно отнести к наиболее удачным, то взаимодействие двух стран по вопросам, связанным с Центральной и Восточной Европой [Сергеев 2024, с. 134–137], было рассмотрено с намного меньшим уровнем детализации. Большого внимания, с точки зрения рецензента, заслуживал, например, сюжет о советском восприятии Великобритании как одного из «спонсоров» «санитарного кордона» во главе с Польшей, направленного

² Доклад «РАК'а» в ЦК Консервативной партии, 9 марта 1929 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 184. Л. 25.

против СССР. Отмеченный дисбаланс ставит проблему и более широкого характера: как не попасть в «тиски билатеральности» [Ланник 2022] при изучении двусторонних отношений, притом что последние неизбежно находятся под влиянием целого ряда международных и «внешних» факторов, выходящих за рамки собственно двусторонних контактов?

Наконец, не совсем оправданной представляется разногласица в терминологии, используемой для наименования системной модели международных отношений в межвоенный период. На страницах книги последняя обозначается то как «Версальско-Вашингтонский миропорядок», то как «Версальская система» (как варианты – «Версальский миропорядок», «Версальский порядок»), то как «Версальско-Вашингтонская система» (как вариант – «Версальско-Вашингтонская международно-правовая система») [Сергеев 2024, с. 14, 29, 30, 31, 61, 347, 350].

Заключение

Монография Е.Ю. Сергеева почти обречена стать одним из трудов, необходимых всем историкам-профессионалам, которые занимаются изучением советско-британских отношений в XX в., а также приобрести статус ценного подспорья для расширения познаний студентов и более широкой аудитории. Автор подтвердил свое реноме знатока британских и российских архивов, дав многомерную картину взаимодействия СССР и Великобритании – геополитических антиподов, напоминавших британскому дипломату К. Уорнеру слона и кита соответственно³.

Литература

Ланник 2022 – Ланник Л.В. В тисках билатеральности: новое поколение сборников документов по истории двусторонних отношений России с ее западными соседями // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2 (29). С. 234–256.

Сергеев 2012 – Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Т-во научных изданий КМК, 2012. 454 с.

³ Из меморандума Уорнера, 30 ноября 1944 г. // Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников: Документы и материалы / Под ред. А.В. Торкунова. М.: Аквариус, 2015. С. 686.

- Сергеев 2019 – *Sergeev E.Yu.* Большевики и англичане: Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019. 831 с.
- Сергеев 2021 – *Sergeev E.Yu.* Теоретико-методологические проблемы имагологии международных отношений // Россия между Западом и Востоком: традиции и перспективы развития диалога культур / Отв. ред. Т.Л. Лабутина. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 118–124.
- Сергеев 2024 – *Sergeev E.Yu.* Обманчивый рассвет: Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг. М.: Т-во научных изданий КМК, 2024. 397 с.
- Jacobson 1983 – *Jacobson J.* Is there a new international history of the 1920s? // *The American Historical Review*. 1983. Vol. 88. No. 3. P. 617–645.
- Sergeev 2013 – *Sergeev E.* The Great Game 1856–1907: Russo-British relations in Central and East Asia. Baltimore, M.D.: The Johns Hopkins University Press, 2013. 530 p.
- Sergeev 2022 – *Sergeev E.* The bolsheviks and Britain during the Russian revolution and Civil War, 1917–1924. L.: Bloomsbury Academic, 2022. 270 p.

References

- Jacobson, J. (1983), “Is there a new international history of the 1920s?”, *The American Historical Review*, vol. 88, no. 3, pp. 617–645.
- Lannik, L.V. (2022), “In a vice of bilateralism: new generation of documental publications on the history of the Russian relations with the Western neighbours”, *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy*, vol. 29, no. 2, pp. 234–256.
- Sergeev, E.Yu. (2012), *Bol'shaia igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [The Great Game 1856–1907: myths and realities of Russo-British relations in Central and East Asia], *Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK*, Moscow, Russia.
- Sergeev, E.Yu. (2013), *The Great Game 1856–1907: Russo-British relations in Central and East Asia*. The Johns Hopkins University Press, Baltimore, M.D., USA.
- Sergeev, E.Yu. (2019), *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu* [The bolsheviks and the English. Soviet-British relations, 1918–1924: from intervention to recognition], *Nauka*, Saint Petersburg, Russia.
- Sergeev, E.Yu. (2021), “Theoretical and methodological problems of imagology in international relations”, in Labutina, T.L., ed., *Rossiya mezhdu Zapadom i Vostokom: traditsii i perspektivy razvitiya dialoga kul'tur* [Russia between the West and the East: the traditions and perspectives of the dialogue of cultures development], *IVI RAN*, Moscow, Russia, pp. 118–124.
- Sergeev, E.Yu. (2022), *The bolsheviks and Britain during the Russian revolution and Civil War, 1917–1924*, *Bloomsbury Academic*, London, UK.
- Sergeev, E.Yu. (2024), *Obmanchiviy rassvet. Sovetskii Soyuz i Velikobritaniya v 1925–*

1932 gg. [Illusory dawn: the Soviet Union and Great Britain in 1925–1932], Tovari-
shchestvo nauchnykh izdaniy KMK, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Искандэр Э. Магадеев, кандидат исторических наук, Московский госу-
дарственный институт международных отношений (Университет) МИД
России, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского,
д. 76; iskander2017@yandex.ru

Information about the author

Iskander E. Magadeev, Cand. of Sci. (History), MGIMO University, Mos-
cow, Russia; bld. 76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454; iskander2017@
yandex.ru

УДК 94(430)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-189-196

Почему немцам не удалось свергнуть Гитлера?

Рецензия на книгу: *Хавкин Б.Л.* Заговор:

Немцы против Гитлера.

СПб.: Нестор-История, 2024. 272 с.

Кристина Б. Божик

Московский государственный лингвистический университет,

Москва, Россия, kristina_bozhik@mail.ru

Для цитирования: Почему немцам не удалось свергнуть Гитлера? [Рец.] *Хавкин Б.Л.* Заговор: Немцы против Гитлера. СПб.: Нестор-История, 2024. 272 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 189–196. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-189-196

Why didn't the Germans succeed in overthrowing Hitler?

Book review: *Khavkin B.L.* Zagovor: Nemtsy protiv Gitlera

[The Plot. The Germans are against Hitler].

St. Petersburg: Nestor-History, 2024. 272 p.

Kristina B. Bozhik

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

kristina_bozhik@mail.ru

For citation: Bozhik, K.B. (2024), "Why didn't the Germans succeed in overthrowing Hitler? [Book review]: *Khavkin B.L.* Zagovor: Nemtsy protiv Gitlera [The Plot. The Germans are against Hitler]. St. Petersburg: Nestor-History, 2024. 272 p.", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 189–196, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-189-196

Профессор факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ доктор исторических наук Борис Львович Хавкин широко известен научной общественности как знаток истории гитлеровского рейха и Соппротивления нацизму; он заслужил признание как

© Божик К.Б., 2024

исследователь и публицист [Бланк, Хавкин 1990; Хавкин 2014а; Хавкин 2014б; Хавкин 2017; Хавкин 2018; Альтман, Хавкин 2020; Хавкин, Божик 2021; Хавкин 2023].

В новой книге «Заговор. Немцы против Гитлера» Б.Л. Хавкин, опираясь на материалы германских и российских архивов, рассматривает историю немецкого консервативного Сопротивления в 1938–1944 гг.

В канун 80-летия заговора 20 июля 1944 г. эта тема вызывает большой общественный резонанс. По приводимому Б.Л. Хавкиным определению историка из ФРГ Петера Штайнбаха, «сопротивление национал-социализму принадлежит к темам современной истории, к которым никогда не будет утрачен интерес, которые никогда не уйдут в прошлое» [Хавкин 2024, с. 9].

Участники внутригерманского Сопротивления оказались перед драматической дилеммой: либо способствовать поражению собственной страны в войне, чтобы добиться свержения гитлеризма, либо самим попытаться свергнуть нацистское правительство, чтобы предотвратить национальную катастрофу.

Автор отмечает, что «об антигитлеровском заговоре группы немецких консервативных политиков и военных в послевоенной Германии написаны сотни работ. В результате “преодоления прошлого” в ФРГ отношение к праву военнослужащих бывшего вермахта на Сопротивление нацистскому режиму прошло трудный путь: от полного отрицания этого права до официального его признания в качестве одной из основ нынешней германской демократии» [Хавкин 2024, с. 11].

Что касается историографии нашей страны, то как в СССР, так и в современной России среди военных, политических, экономических, социальных и иных факторов, повлиявших на ход Второй мировой войны, фактор немецкого антигитлеровского движения Сопротивления недооценивался.

Б.Л. Хавкин впервые в отечественной историографии выдвинул и доказал тезис, что «заговор немцев против Гитлера объективно способствовал победе антигитлеровской коалиции. После нападения Германии на СССР военные задачи СССР, Великобритании и США, с одной стороны, и немецкого антигитлеровского Сопротивления – с другой, во многом совпадали. Немецкие антинацисты были частью европейского движения Сопротивления» [Хавкин 2024, с. 15].

Этого очевидного факта долго не хотели признавать отечественные историки: сохранялись стереотипные оценки событий 20 июля 1944 г. как «результата деятельности западных спецслужб», «милитаристского заговора не только против СССР, но и против немецкого народа», «оппозиции сплошной реакции» и

«попытки спасти германский империализм от полного поражения» [Хавкин 2024, с. 15–16].

Первую в советской историографии попытку научного реалистичного и объективного подхода к истории событий 20 июля 1944 г. предпринял Д.Е. Мельников в годы хрущевской «оттепели». Ученый исходил из тезиса о том, что движение 20 июля было «сложным политическим комплексом», что установки графа К. фон Штауффенберга и его единомышленников «отличались значительным реализмом и пониманием подлинных интересов Германии». Мельников отмечал, что заговор 20 июля 1944 г. был «не просто делом рук “кучки офицеров”, не просто “генеральским путчем”, а попыткой определенной части германской буржуазии найти выход из проигранной войны». Военные и хозяйственные круги Третьего рейха, подчеркивал историк, были охвачены двойным страхом – «перед неминуемой военной катастрофой и назревающим внутренним крахом гитлеровского режима» [Мельников 1962, с. 4, 56, 200, 235].

Важную роль не классовых интересов, а общечеловеческих моральных факторов в немецком антигитлеровском движении Сопротивления убедительно показал историограф Н.С. Черкасов. Он исходил из того, что «среди участников заговора против Гитлера, в буржуазных и военных кругах, было много людей, искренне возмущавшихся преступлениями фашизма и потому вступивших с ним в борьбу» [Черкасов 1967, с. 137].

Книгу открывает предисловие профессора Череповецкого государственного университета доктора исторических наук Б.В. Петелина, в котором отмечается, что «своим исследованием Б.Л. Хавкин опровергает тезис немецкого биографа Гитлера Иоахима Феста: “Все эти беки, гальдеры, фон вицлебены и канарисы, как ни презирали они Гитлера, находили тысячу препятствий, мешавших им решиться на поступок”» [Хавкин 2024, с. 6]. Это не так: по данным немецкого писателя Бертольда Вилля, готовилось, как минимум, 42 покушения на Гитлера. Некоторые исследователи насчитали их более 50. Но все они ни к чему не привели: нацистский диктатор оставался жив. Б.Л. Хавкин связывает эту фантастическую везучесть «коричневого мерзавца» не с «Провидением», а с состоянием общества Германии, Сопротивлением немцев нацистскому режиму, стратегическими интересами СССР, США и Великобритании во Второй мировой войне, наконец, с конкретными личностями, готовившими в Германии государственный переворот и убийство нацистского диктатора» [Хавкин 2024, с. 5].

Монография Б.Л. Хавкина состоит из введения «Сопротивление меньшинств» (с. 9), глав: «Причины и характер антигит-

леровской фронды представителей германских консервативных элит» (с. 20), «Участники заговора против Гитлера между СССР, с одной стороны, и США и Великобританией – с другой» (с. 40), «Новые документы по истории подготовки группой немецких военных и чиновников государственного переворота против Гитлера (1943–1944 гг.)» (с. 2), «Собственноручные показания военнопленного майора вермахта Иоахима Куна» (с. 94), «20 июля 1944 г.» (с. 129), «Вилли Леман – советский разведчик из гестапо» (с. 149), «Загадки Рудольфа Ресслера» (с. 171), «Адмирал Канарис и заговор против Гитлера» (с. 189), «Граф Шуленбург и немецкое антигитлеровское Сопротивление» (с. 202), «Генерал Хеннинг фон Тресков и Сопротивление в рядах вермахта на Восточном фронте» (с. 217), «Загадка Отто Йона» (с. 246), и заключения «Где Гитлер? Или зачем Сталин обманывал маршала Жукова» (с. 266).

Исторические исследования Б.Л. Хавкина зачастую сродни популярному жанру документального детектива. Автор предпосылает своему рассказу интригующие заголовки, вопросы, которым, казалось бы, место в остросюжетной литературе: «Загадка Отто Йона», «Где Гитлер? Или зачем Сталин обманывал маршала Жукова».

Сказать по чести, в отечественном медийном пространстве жанр популярного исторического повествования, документального расследования порядком дискредитирован чрезмерной эксплуатацией узкого круга сюжетов, при раскрытии которых скудость ответов нередко восполняется пафосом повторяемых вопросов. К сожалению, в особой мере это касается темы борьбы с нацизмом. Однако в данном случае научная эрудиция и писательский вкус опытного историка предлагают читателю основанную на достоверных источниках научную литературу.

Монография Б.Л. Хавкина «Заговор. Немцы против Гитлера» – это образец адаптации научного исследования для широкой аудитории, в том числе – молодой, сегодня малопривычной к чтению ученых трудов. Отработанная историком манера повествования помогает ввести читательскую аудиторию в академический дискурс, подготовить читателя, чтобы живым раскрытием темы представляли перед ним такие главы, как «Причины и характер антигитлеровской фронды представителей германских консервативных элит», «Участники заговора против Гитлера между СССР с одной стороны и США и Великобританией с другой», «Новые документы по истории подготовки группой немецких военных и чиновников государственного переворота против Гитлера (1943–1944 гг.)».

В главе, посвященной показаниям майора Куна, публикуются ставшие достоянием советской разведки в сентябре 1944 г. по-

дробные сведения о составе и планах заговорщиков, о настроениях в германских военных и политических верхах. Осенью 1944 г. эти документы легли на стол Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, который в тот момент был более подробно информирован о заговоре группы германских военных против Гитлера, чем сам нацистский фюрер.

В книге представлены материалы о заговоре против Гитлера 1943 г., оставшиеся секретными до конца 1990-х гг. [Хавкин 2024, с. 82–86]. Автор отмечает, что начальник Главного управления военной контрразведки «Смерш» генерал-полковник В.С. Абакумов еще в феврале 1945 г. безуспешно предлагал опубликовать эти найденные с помощью Куна документы [Хавкин 2024, с. 86].

Наряду с фигурами начальника германской военной разведки (абвера) адмирала Вильгельма Канариса и дипломата графа Фридриха Вернера фон дер Шуленбурга, автор уделяет большое внимание образу одного из главных героев своих исследований – генерал-майора Хеннинга фон Трескова, представляя его в качестве ключевой фигуры антигитлеровского заговора.

Лейтмотивом книги стали слова Трескова: «Покушение на Гитлера должно быть совершено любой ценой. Если же оно не удастся, то, несмотря на это, надо попытаться совершить государственный переворот. Ведь дело здесь уже не столько в практической цели, сколько в том, чтобы показать, что германское движение Сопротивления перед лицом всего мира и истории отважилось, не щадя своей жизни, на этот решающий бросок. Все остальное в сравнении с этим безразлично» [Хавкин 2024, с. 243].

Высказывание Трескова соотносится со словами полковника графа Клауса фон Штауффенберга, произнесенными в конце июня 1944 г.: «Речь больше не о фюрере, не об отечестве, не о моих жене и четырех детях – речь теперь идет обо всем немецком народе» [Хавкин 2024, с. 243].

Б.Л. Хавкин показывает, как далека от истины была преобладавшая в советской историографии и до сих пор до конца не преодоленная трактовка, которая демонизирует германское консервативное Сопротивление, представляя его игрой западных спецслужб и германской «оппозиции сплошной реакции», «милитаристским заговором», направленным против СССР. Историк констатирует, что посол Шуленбург и полковник Штауффенберг были сторонниками мира и сотрудничества с Советским Союзом.

«Немецкие антинацисты были частью европейского движения Сопротивления» [Хавкин 2024, с. 15], – подчеркивает автор и разъясняет: «Заговор немцев против Гитлера был явлением круп-

номасштабным. В нем участвовали люди разных политических и религиозных убеждений, чиновники, военные, промышленники и ученые. Они готовили обращения к народу, хотели уничтожить преступный нацистский режим и его вождей, чтобы восстановить правовые нормы, свободу и демократию. Именно тогда в кабинетах экономистов зарождалась и будущая программа социальной рыночной экономики. В состав правительства после устранения Гитлера должны были войти представители разных партий. В одном из проектов даже предусматривалось образование межпартийного народного движения с участием коммунистов» [Хавкин 2024, с. 18].

Однако событиями, приведшими в 1944 г. к трагической развязке «заговора Штауффенберга», сюжеты книги не исчерпываются. Одна из глав посвящена эмигрировавшему из Германии в Швейцарию книгоиздателю Рудольфу Ресслеру (Люци), близкому к консервативной оппозиции германских военных, самому загадочному разведчику антигитлеровской коалиции, от которого командование Красной Армии через швейцарскую резидентуру советской военной разведки (группу Шандора Радо) получало ценнейшую информацию. Сведения, добытые Ресслером, способствовали победе Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге. Сообщал Люци и о заговоре немцев против Гитлера. Радиogramма, переданная из Швейцарии в Центр 20 апреля 1943 г., гласила: «Группа генералов, которая еще в январе хотела устранить Гитлера, теперь исполнена решимости ликвидировать не только Гитлера, но и поддерживающие его круги» [Хавкин 2024, с. 176].

Завершается книга остросюжетными историческими расследованиями. Б.Л. Хавкин рассказывает о шпионской игре, в которую советская разведка в канун 10-летия антигитлеровского заговора вовлекла участника заговора 1944 г., а в 1954 г. – первого шефа Федеральной службы защиты Конституции ФРГ Отто Йона. Историк повествует и о созданной Сталиным интриге с поиском и опознанием трупа Гитлера. Хотелось бы, чтоб очерки об этих загадках тайной политики легли в основу новых исследований автора.

Книга Б.Л. Хавкина, на высоком уровне изданная петербургским издательством «Нестор-История», вносит заметный вклад в историографию и притом является занимательным и поучительным историческим повествованием, адресованным всем поклонникам музыки Клио, прежде всего молодежи.

Литература

- Альтман, Хавкин 2020 – *Альтман И.А., Хавкин Б.Л.* Национал-социализм, Холокост и антигитлеровское Сопротивление в Германии: 1933–1939 гг. М.: РГГУ, 2020. 152 с.
- Бланк, Хавкин 1990 – *Бланк А.С., Хавкин Б.Л.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М.: Патриот, 1990. 206 с.
- Мельников 1962 – *Мельников Д.Е.* Заговор 20 июля 1944 г. в Германии: Легенда и действительность. М.: Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. 302 с.
- Хавкин 2014а – *Хавкин Б.Л.* Рейхсфюрер СС Гиммлер: Второй после Гитлера. М.: Алгоритм, 2014. 224 с.
- Хавкин 2014б – *Хавкин Б.Л.* Россия и Германия: 1900–1945: Сплетение истории. М.: Новый хронограф, 2014. 423 с.
- Хавкин 2017 – *Хавкин Б.Л.* Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление. М.: Товарищество научных изданий, 2017. 377 с.
- Хавкин 2018 – *Хавкин Б.Л.* Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии: Антинацистское Сопротивление немецких евреев. М.: РГГУ, 2018. 240 с.
- Хавкин, Божик 2021 – *Хавкин Б.Л., Божик К.Б.* Российское зеркало германской истории: XX век. М.: Новый хронограф, 2021. 384 с.
- Хавкин 2023 – *Хавкин Б.Л.* Нацизм: Третий рейх. Сопротивление. М.: Товарищество научных изданий, 2023. 378 с.
- Хавкин 2024 – *Хавкин Б.Л.* Заговор: Немцы против Гитлера. СПб.: Нестор-История, 2024. 278 с.
- Черкасов 1967 – *Черкасов Н.С.* Историография ФРГ о патриотическом направлении в заговоре 20 июля 1944 г. в Германии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967. Вып. 5. С. 137–145.

References

- Altman, I.A. and Khavkin, B.L. (2020), *Natsional-sotsializm, Kholokost i antigitlerovskoe Soprotivlenie v Germanii: 1933–1939 gg.* [National socialism, the Holocaust and the anti-Hitler resistance in Germany. 1933–1939], RGGU, Moscow, Russia.
- Blank, A.S. and Khavkin, B.L. (1990), *Vtoraya zhizn' fel'dmarshala Pulyusa* [The second life of Field Marshal Paulus], Patriot, Moscow, Russia.
- Cherkasov, N.S. (1967), “Historiography of the Federal Republic of Germany on the patriotic direction in the plot of July 20, 1944 in Germany”, *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki* [Methodological and Historiographical Issues of Historical Science, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Tomsk, Russia, vol. 5, pp. 137–145.

- Melnikov, D.E. (1962), *Zagovor 20 iyulya 1944 g. v Germanii: Legenda i deistvoitel'nost'* [The conspiracy of July 20, 1944 in Germany. Legend and reality], Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii, Moscow, Russia.
- Khavkin, B.L. (2014), *Reikhsfyrer SS Gimmler: Vtoroi posle Gitlera* [Reichsfuhrer SS Himmler, The second after Hitler], Algoritm, Moscow, Russia.
- Khavkin, B.L. (2014), *Rossiia i Germaniya: 1900–1945: Spletenie istorii* [Russia and Germany: 1900–1945. The weave of history], Novyi khronograf, Moscow, Russia.
- Khavkin, B.L. (2017), *Germanskii natsional-sotsializm i antigitlerovskoe Soprotivlenie* [German National Socialism and the anti-Hitler Resistance], Tovarishchestvo nauchnykh izdanii, Moscow, Russia.
- Khavkin, B.L. (2018), *Rasizm i antisemitizm v gitlerovskoi Germanii: Antinatsistskoe Soprotivlenie nemetskikh evreev* [Racism and anti-Semitism in Nazi Germany. The Anti-Nazi Resistance of German Jews], RGGU, Moscow, Russia.
- Khavkin, B.L. and Bozhik, K.B. (2021), *Rossiiskoe zerkalo germanskoi istorii: XX vek* [The Russian mirror of German history. 20th century], Novyi khronograf, Moscow, Russia.
- Khavkin, B.L. (2023), *Natsizm: Tretii reikh. Soprotivlenie* [Nazism. The Third Reich. Resistance], Tovarishchestvo nauchnykh izdanii, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Кристина Б. Божик, кандидат исторических наук, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; kristina_bozhik@mail.ru

Information about the author

Kristina B. Bozhik, Cand. of Sci. (History), Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bld. 38, Ostozhenka St., Moscow, Russia, 119034; kristina_bozhik@mail.ru

УДК 327:94(73+520)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-197-203

Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в современной американской историографии

Егор В. Аргунов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, egarg99@gmail.com*

Для цитирования: Аргунов Е.В. Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в современной американской историографии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 197–203. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-197-203

The atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki in the contemporary US historiography

Egor V. Argunov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
egarg99@gmail.com*

For citation: Argunov, E.V. (2024), "The atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki in the contemporary US historiography", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 197–203, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-197-203

В 2025 г. исполнится 80 лет с момента атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Данная тема на протяжении десятилетий порождала дискуссии среди историков по всему миру. Случившиеся события неизменно называли трагедией для японского народа, но оценки действий руководства США разнились – от одобрения до жесткой критики. В американской историографии приводились разные причины решения президента Г. Трумэна об использовании атомных бомб на излете Второй мировой войны. С 2008 г., начала первого президентского срока Б. Обамы, происходит постепенная переоценка атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в работах американских исследователей, которые начинают критически оценивать действия администрации Трумэна.

© Аргунов Е.В., 2024

*Мнения американских исследователей
о целесообразности атомных бомбардировок
Хиросимы и Нагасаки*

В зависимости от позиции по вопросу атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки современные американские исследователи чаще всего разделяются на два лагеря – традиционалистский и ревизионистский [Barrett 2020, p. 287]. Традиционалисты придерживаются официальной правительственной позиции США и считают, что применение бомбы позволило избежать куда больших жертв и помогло завершить войну в более ранний срок. Свою позицию они аргументируют подсчетами экспертов в военном кабинете Трумэна, которые утверждали, что при сухопутном вторжении в Японию жертвы среди гражданского населения будут огромными. Ревизионисты, в свою очередь, считают эти подсчеты домыслами. Они заявляют, что реальной необходимости в применении атомных бомб не было, а Трумэн хотел любой ценой сбросить боеголовки, невзирая на жертвы среди мирного населения, с целью продемонстрировать силу США перед СССР.

Большинство современных американских исследователей поддерживают традиционалистскую точку зрения. Среди них – Д. Дауэр, считающий, что применение атомных бомб было обосновано «ужасной логикой, уникальной для обстоятельств того времени и одновременно обыденной». Дауэр определяет решение кабинета Трумэна о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки желанием как можно скорее закончить войну и спасти жизни американцев, действенностью силового аргумента, мстью за атаку Японии на Пёрл-Харбор и стремлением президента повысить свой внутриполитический рейтинг [Dower 2010, pp. 222–223]. С Дауэром соглашается Д. Барретт, который приводит подсчеты американского руководства о возможных потерях американской армии при вторжении в Японию. По оценкам Барретта, без применения атомных бомб в боях с японской императорской армией могли погибнуть от 250 тыс. до 1 млн американских солдат [Barrett 2020, p. 288].

Решение об атомной бомбардировке поддерживает и Э. Томас. Историк утверждает, что применение бомб предотвратило гибель не только американцев, но и миллионов жителей оккупированных Японией азиатских стран. Более того, Томас заявляет, что альтернативы атомным бомбардировкам могли быть гораздо хуже. В качестве доказательства он приводит план генерала армии США К. Спаатса, который предлагал уничтожить обычными бомбами японские железные дороги, на которых перевозили продовольствие для населения. Без применения атомных бомб,

считает Томас, Соединенные Штаты могли морить голодом мирных японцев [Thomas 2023, pp. 213–214]. О безальтернативности атомной бомбардировки пишет и Б. Рид. По его мнению, применение бомбы было «полностью оправданно», так как оно приблизило окончание войны и усилило стратегические позиции США [Reed 2019, p. 407].

Ревизионистов среди современных американских историков не так много. Так, К. Пайл пришел к выводу, что решение о применении атомных бомб было принято слишком поспешно, и целесообразность бомбардировок стоило рассмотреть с разных сторон. Историк заявляет, что Трумэн и члены его военного кабинета не знали о последствиях влияния радиации на жизнь нескольких поколений и учитывали лишь боевую мощь атомной бомбы. Будь они проинформированы о долгосрочном эффекте бомбардировок, решение могло быть пересмотрено. Возможно, считает Пайл, Трумэн рассмотрел бы другие варианты или по крайней мере выбрал бы другие цели для бомбардировок [Pyle 2018, p. 103].

В свою очередь, Э. Роттер указывает, что одной из главных причин бомбардировок стало желание Трумэна запугать Советский Союз и вынудить его к выгодным для США переговорам. Роттер полагает, что военный министр США Г. Стимсон воспринимал атомные бомбы как «флеш рояль» в большой дипломатической игре и обсуждал выгоду их использования с Трумэном. Также Роттер подчеркивает, что ни Трумэн, ни Стимсон не понимали, что Япония капитулировала бы достаточно быстро в любом случае – даже без атомных бомбардировок [Rotter 2008, p. 169].

Самым последовательным критиком решения об атомных бомбардировках является П. Хэм. Он пишет, что в бомбардировках Хиросимы и Нагасаки «не было военной необходимости», а Япония бы сдалась американским войскам и без применения атомных бомб. Хэм называет использование бомб «негуманным, совершенно варварским», хотя и не отрицает того, что большая часть военного руководства США искренне верила, что они были «критически важными для окончания войны» [Ham 2014, p. 510].

В современной историографии США отсутствуют работы, авторы которых придерживались бы третьей позиции по вопросу атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. При этом как среди традиционалистов, так и ревизионистов не наблюдается ухода в крайности. Традиционалисты признают, что из-за бомбардировок пострадали невинные люди, а ревизионисты упоминают среди причин решения о сбросе бомб желание Трумэна как можно быстрее закончить войну и обойтись меньшими жертвами.

«Личностное измерение» атомных бомбардировок в историографических репрезентациях

В своих монографиях о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки исследователи, как правило, уделяют немало внимания политическим деятелям и генералам армии США, которые принимали решение об использовании атомных бомб. Авторы современных работ сходятся во мнении, что роль Трумэна в планировании бомбардировок была минимальной или же не такой значительной, как могло показаться современникам, а все обсуждения проходили через военно-политический круг президента.

В частности, Э. Роттер приводит воспоминания генерала Лесли Гровса об участии Трумэна в планировании атомных бомбардировок, в которых Гровс называет президента хирургом, который пришел на почти законченную операцию и дал лишь пару указаний и не вмешивался в обсуждения, чтобы «не нарушать уже существующие планы» [Rotter 2008, p. 170]. К. Пайл соглашается с тем, что вовсе не Трумэн инициировал обсуждения об использовании атомных бомб, и заявляет, что бомбардировки были согласованы еще во время последнего президентского срока Франклина Рузвельта, а Трумэн лишь руководствовался желанием американских военных «использовать бомбу против ненавистного врага» [Pyle 2018, p. 103].

Со своей стороны, П. Хэм приходит к выводу, что в администрации Трумэна не было никаких обсуждений вопроса о целесообразности бомбардировок, а решение о бомбежке двух японских городов было принято еще на этапе создания бомбы. При этом роль Трумэна в обсуждениях Хэм считает несущественной [Ham 2014, p. 473]. В свою очередь, Э. Томас приписывает значительную роль в принятии решения об использовании атомной бомбы военному министру Стимсону. Глава военного министерства США, как пишет Томас, считал атомные бомбардировки необходимым злом, которое ускорит окончание войны, и подчеркивает, что возможность использования атомной бомбы обсуждал еще Рузвельт в переговорах с британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем [Thomas 2023, p. 32], однако именно Стимсон рекомендовал Трумэну совершить атомные бомбардировки японских городов.

Споры о позиции Японии в конце Второй мировой войны

Современные американские исследователи часто спорят о том, собиралась ли Япония капитулировать еще до атомных бомбарди-

ровок. Традиционалисты утверждают, что японское руководство планировало дать решительный отпор американским войскам. Например, такого мнения придерживается Д. Барретт. Он приводит расшифрованные данные из переписки министра иностранных дел Японии Сигэнори Того, который категорически отверг возможность капитуляции и заявил, что Япония никогда не сдастся [Barrett 2020, p. 292]. Э. Томас добавляет, что некоторые приближенные к японскому императору люди действительно хотели объявить о капитуляции, но военное руководство желало во что бы то ни стало дать «решающий бой» американцам [Thomas 2023, p. 212].

Ревизионист Э. Роттер соглашается с мнением традиционалистов и заявляет, что японская армия готовилась к долгой войне с американцами после падения Окинавы. Он приводит данные о четырнадцати дивизиях, которые обосновались в пещерах и бункерах в ожидании американского вторжения [Rotter 2008, p. 172]. Однако К. Пайл не соглашается с доводами коллег и заявляет, что японские политики боялись революции больше, чем поражения в войне, и были готовы объявить о своей капитуляции [Pyle 2018, p. 105].

Влияние бомбардировок на международную безопасность: pro et contra

Отдельное внимание американские исследователи уделяют вопросу о влиянии атомных бомбардировок на международную безопасность. Так, М. Уолвертон пишет, что бомбардировки Хиросимы и Нагасаки привели к «долгому миру» среди глобальных держав и по факту прекратили прямые вооруженные конфликты между странами с ядерным оружием. Уолвертон заявляет, что «никто не посмел пересечь черту, так как за ее пределами лежали лишь тьма и terra incognita» [Wolverton 2022, p. 215]. П. Хэм не согласен с этой точкой зрения: по его мнению, бомбардировки привели лишь к гонке вооружений, а возможность ядерной войны была вовсе не иллюзорной. Также Хэм считает наивными утверждения, что в будущем может наступить мир без ядерного оружия. Напротив, историк указывает на то, что количество ядерных держав со временем может увеличиться, а США, Россия и Китай вряд ли откажутся от своего арсенала [Ham 2014, p. 509].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в американской историографии отсутствует единое мнение по вопросу об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки. Традиционалисты

и ревизионисты приводят разные аргументы о целесообразности использования атомных бомб и спорят о разных аспектах этого исторического события. При этом обе стороны учитывают позиции друг друга и могут даже соглашаться в каких-то вопросах.

Несмотря на доминирование традиционалистской точки зрения, со временем само общество склоняется к ревизионистской позиции. Социологические опросы показывают, что со временем отношение американцев к атомным бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки меняется в ревизионистскую сторону. Самое актуальное на данный момент исследование датируется 2015 г., его провел Pew Research Center. Результаты опроса показывают, что лишь 56% американцев и 14% японцев считают использование атомных бомб оправданным¹. Для сравнения: в 1991 г. результаты были другими: бомбардировку считали оправданной 63% американцев и 29% японцев. Вероятно, Pew Research Center проведет новый социологический опрос в 2025 г., к 80-летию трагедий в Хиросиме и Нагасаки.

Литература

- Barrett 2020 – *Barrett D.* 140 days to Hiroshima: The story of Japan's last chance to avert Armageddon. N.Y.: Diversion Books, 2020. 352 p.
- Dower 2010 – *Dower J.* Cultures of war: Pearl Harbor; Hiroshima; 9–11; Iraq. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2010. 640 p.
- Ham 2014 – *Ham P.* Hiroshima Nagasaki: The real story of the atomic bombings and their aftermath. N.Y.: Thomas Dunne Books, 2014. 640 p.
- Pyle 2018 – *Pyle K.* Japan in the American century. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. 472 p.
- Reed 2019 – *Reed B.* The history and science of the Manhattan project. 2nd ed. Berlin: Springer, 2019. 472 p.
- Rotter 2008 – *Rotter A.* Hiroshima: The world's bomb. Oxford: Oxford University Press, 2008. 384 p.
- Thomas 2023 – *Thomas E.* Road to surrender: Three men and the countdown to the end of World War II. N.Y.: Random House, 2023. 336 p.
- Wolverton 2022 – *Wolverton M.* Nuclear weapons. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2022. 280 p.

¹ 70 years after Hiroshima, opinions have shifted on use of atomic bomb. Pew Research Center, August 4, 2015. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2015/08/04/70-years-after-hiroshima-opinions-have-shifted-on-use-of-atomic-bomb/> (дата обращения 17 апреля 2024).

References

- Barrett, D. (2020), *140 days to Hiroshima: The story of Japan's last chance to avert Armageddon*, Diversion Books, New York, USA.
- Dower, J. (2010), *Cultures of war: Pearl Harbor; Hiroshima; 9–11; Iraq*, W.W. Norton & Company, New York, USA.
- Ham, P. (2014), *Hiroshima Nagasaki: The real Story of the atomic bombings and their aftermath*, Thomas Dunne Books, New York, USA.
- Pyle, K. (2018), *Japan in the American century*, The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, USA.
- Reed, B. (2019), *The History and science of the Manhattan project*, 2nd ed, Springer, Berlin, Germany.
- Rotter, A. (2008), *Hiroshima: The world's bomb*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Thomas, E. (2023), *Road to surrender: Three men and the countdown to the end of World War II*, Random House, New York, USA.
- Wolverton, M. (2022), *Nuclear weapons*, The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, USA.

Информация об авторе

Egor V. Argunov, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; egarg99@gmail.com

Information about the author

Egor V. Argunov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; egarg99@gmail.com

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 4
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
О.К. Юрьев

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 25.09.2024
Выход в свет 02.10.2024
Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 12,5. Усл. печ. л. 12,8
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2040

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru